

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

На правах рукописи

Даркович Александр Леонидович

**Городское самоуправление
на западнобелорусских землях межвоенной Польши (1919–1939 гг.)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный консультант :
кандидат исторических наук, доцент
Борисёнок Юрий Аркадьевич

Москва – 2016

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Политика польских властей в западнобелорусском регионе в 1920–1930-е гг.	
1.1. Общие направления политики властей II Речи Посполитой на западнобелорусских землях.....	51
1.2. Факторы результативности польской национальной политики.....	58
Глава 2. Формирование органов городского самоуправления, их взаимоотношения с государственной администрацией	
2.1. Западнобелорусские города в межвоенный период: демографическая характеристика.....	80
2.2. Городское самоуправление на западнобелорусских землях в 1919–1926 гг.....	91
2.3. Идеи «государственной ассимиляции» и муниципальные органы: 1926 г. – начало 1930-х гг.....	124
2.4. Городское самоуправление в 1930-е гг.....	150
Глава 3. Финансовое положение и деятельность органов городского самоуправления	
3.1. Финансовое положение городского самоуправления.....	177
3.2. Основные направления деятельности городских властей на западнобелорусских землях.....	196
3.2.1. Поддержание санитарии и благоустройство.....	196
3.2.2. Активность в сфере здравоохранения.....	216
3.2.3. Социальное обеспечение.....	228
3.2.4. Образование и культура.....	243
3.2.5. Хозяйственная деятельность. Регулирование городской застройки.....	255

Заключение	276
Список сокращений и условных обозначений	280
Список источников и литературы	281
Приложения	301

Введение

Актуальность темы исследования. Диссертация посвящена городскому самоуправлению на западнобелорусских землях, находившихся в межвоенный период в составе Польши. Актуальность данной темы определяется рядом моментов. Во-первых, сегодня в качестве перспективной задачи в процессе поиска новых форм организации властных структур на постсоветском пространстве стоит рассматривать создание действенной модели местного самоуправления, которое несет в себе значительный потенциал в плане повышения эффективности работы системы власти и является фундаментом развития гражданского общества. Механическое копирование образцов общественных институтов извне, как правило, не дает нужных результатов, поиск варианта организации территориального самоуправления должен учитывать собственные исторические традиции и специфику. Это делает актуальным исследование накопленного в этой сфере опыта.

Во-вторых, изучение городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1919–1939 гг. имеет свою специфику. На его функционирование наряду с прочими факторами принципиальное влияние оказывали развитие межнациональных взаимоотношений в регионе и характер национальной политики властей II Речи Посполитой. Западнобелорусские земли заметно отличались от этнически польских территорий характером своего социально-экономического развития (они являлись отсталой сельскохозяйственной окраиной с невысоким уровнем развития обрабатывающей промышленности), а также национальным составом населения. Поляки здесь составляли меньшинство, преобладали белорусы, также значительными национальными группами были евреи,

русские, украинцы. Среди непольских жителей, к тому же, доминировало неприятие возрожденной польской государственности, на этом фоне обрели популярность идеалы революции большевистского образца и тесно связанный с ними проект соединения всех белорусских земель в рамках БССР. В таких условиях перед польскими властями стояла крайне сложная задача – преодолеть враждебность местного непольского населения и ликвидировать угрозу ирредентизма. На практике соответствующие усилия с незначительными вариациями сводились к попыткам полонизации региона.

Центрами проведения полонизаторской политики были города. Однако на фоне низкого уровня социально-экономического развития западнобелорусских земель они не выполняли многие традиционные функции в качестве хозяйственного и культурного центра сельской округи. Демографическая ситуация в городах, где преобладало еврейское и польское население, также способствовала их обособлению от белорусской деревни. Это ограничивало роль городских поселений в качестве проводника польской культуры на селе, что становилось немаловажным фактором для результативности политики II Речи Посполитой в регионе.

В-третьих, малоизученная тема диссертации дает возможность на конкретном примере городского самоуправления охарактеризовать практическое осуществление национальной политики польских властей, развитие межнациональных отношений, а также важные черты социально-экономического положения западнобелорусских земель. Это позволит расширить и уточнить представления, сложившиеся в историографии.

В-четвертых, диссертация является первым комплексным исследованием по истории западнобелорусских городов в межвоенный период. Изучение их хозяйственного, социального и культурного развития, выявление особенностей административно-политического положения

имеет существенную научную значимость и представляет собой актуальную исследовательскую задачу.

Степень разработанности темы. Проблематика городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1919–1939 гг. к настоящему времени не получила широкого освещения в историографии. Насчитывается лишь несколько работ, специально посвященных этой теме. Наряду с ними следует рассмотреть обобщающие исследования, посвященные ряду ключевых аспектов межвоенной истории региона: его социально-экономическому положению, национальной политике польских властей, особенностям административного и хозяйственного положения городов и др. Данные публикации важны с точки зрения темы диссертации, поскольку они внесли значительный вклад в изучение политической, хозяйственной и культурной жизни на западнобелорусских землях в межвоенные годы, т.е. того фона, на котором разворачивалась активность городского самоуправления и который влиял на все ее аспекты. Кроме того, представляют интерес исследования по истории территориального самоуправления в межвоенной Польше в целом, т.к. они позволяют сориентироваться в общих тенденциях его развития.

Советская историография. Основная часть советских публикаций по истории западнобелорусского региона в 1920–1930-е гг. была подготовлена белорусскими историками.

В БССР в межвоенное время осуществлялась целенаправленная подготовка изданий, посвященных положению белорусских земель в составе Польши. В частности, в 1926 г. была создана специализированная Комиссия по изучению Западной Белоруссии при Институте белорусской культуры (позже Белорусской академии наук). Наиболее плодотворным периодом оказалась вторая половина 1920-х гг., когда увидел свет ряд содержательных публицистических работ по западнобелорусской тематике. Так, А. Цвикевич, заметный деятель белорусского

национального движения, в 1923–1925 гг. возглавлявший правительство Белорусской Народной Республики в эмиграции, а после переехавший в БССР, признав ее центром консолидации белорусского народа, опубликовал в 1927 г. статью «Политический очерк Западной Белоруссии». Здесь автор проследил историю захвата Польшей западнобелорусских земель в 1919–1920 гг. и в общем плане описал бедственное хозяйственное положение белорусов, дискриминацию при проведении земельной реформы, жесткое подавление их национально-культурной жизни¹. Также общая характеристика курса на полонизацию региона, национально-культурного и экономического притеснения белорусского населения, произвола и беззакония, чинимых по отношению к нему польской администрацией и полицией, была представлена в публикациях М. Лучанина, А. Березовского, в статье «Современная Польша и Западная Белоруссия», опубликованной в 1925 г. в сборнике «Западная Белоруссия»². В статье С. Шпарского, посвященной экономическому положению западнобелорусских земель, охарактеризована деиндустриализация региона, вызванная как разрушительными последствиями мировой войны, так и неблагоприятной политикой польских властей, рассматривавших его в качестве внутренней колонии, застой в сельском хозяйстве, дискриминация белорусских крестьян при проведении аграрной реформы³.

Также укажем на содержательную брошюру известного политического и общественного деятеля Ф.Я. Кона, посвященную ситуации на западнобелорусских землях, которая была издана в 1928 г. в

¹ Цвикевич А. Политический очерк Западной Белоруссии // Западная Белоруссия. Сборник статей. Кн. 1. Минск, 1927. С. 3–43.

² Лучанин М. Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы. Менск, 1926; Беразоўскі А. Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў. Менск, 1928; М.С. Сучасная Польшча і Заходняя Беларусь // Заходняя Беларусь. Зборнік. Менск, 1925. С. 3–30.

³ Шпарскі С. Эканамічнае становішча Заходняй Беларусі // Бальшавік Беларусі. 1928. № 2. С. 24–35.

Москве. Автор охарактеризовал основные аспекты положения белорусов в Польше: национально-культурное притеснение и полицейские репрессии, игнорирование экономических нужд и польскую колонизацию, антипольскую борьбу белорусов, в частности, деятельность Белорусской крестьянско-рабочей громады⁴ (БКРГ, наиболее массовая белорусская политическая организация в межвоенной Польше, придерживалась прокоммунистической ориентации, была образована в 1925 г., разгромлена властями в начале 1927 г.).

Авторы ряда работ 1920-х гг. в качестве одного из аспектов притеснения белорусского населения указывали на положение местного самоуправления. Они справедливо утверждали, что белорусы, лишённые всех политических прав, не имели возможности пользоваться даже тем ограниченным самоуправлением, которое существовало здесь до войны в составе Российской империи⁵: в первой половине – середине 1920-х гг. состав практически всех муниципальных органов назначался администрацией по своему усмотрению, в тех редких случаях, когда проходили выборы, польские власти разными способами блокировали

---

⁴ *Кон Ф.* Западная Белоруссия – колония панской Польши. М., 1928.

⁵ Земское самоуправление в северо-западных губерниях Российской империи было введено значительно позже, чем в центральных, что объяснялось стремлением российских властей не допустить к управлению краем поляков, составлявших здесь большинство среди высших социальных слоев и крупных землевладельцев. В урезанном виде оно было учреждено в 1903 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях: здесь были созданы управления по делам земского хозяйства, наделенные функциями земств, однако все их члены назначались государственной администрацией. Выборное земское самоуправление в этих же губерниях было введено в 1911 г. В Виленской и Гродненской губерниях земства так и не были созданы. Таким образом, до Первой мировой войны земским самоуправлением была охвачена только восточная часть позже оказавшихся в составе Польши западнобелорусских земель. Уже в 1915 г. на белорусских землях, оккупированных немецкими войсками, оно прекратило свое существование. Также в последней четверти XIX – начале XX вв. в наиболее крупных белорусских городах в соответствии с Городовыми положениями 1870 и 1892 гг. действовало городское самоуправление.

избрание белорусских кандидатов на ключевые должности⁶. Так, Лучанин отмечал, что органы местного самоуправления «избраны старостой, а не населением, и выполняют волю старосты, а не населения, и, значит, являются не гражданским, а правительственным учреждением». По его свидетельству, следуя общему курсу польских властей на западнобелорусских землях, муниципальные органы проводили дискриминационную в отношении белорусов политику⁷.

Большинство советских публикаций по западнобелорусской тематике, изданных в 1930–1940-е гг., представляют собой политические памфлеты, далекие от идеалов аргументированного и доказательного изложения. Они были призваны, прежде всего, разоблачить притеснения и репрессии польских властей против белорусского населения в Польше, показать активную революционную и антипольскую борьбу последнего, а также убедить читателей в законности включения западнобелорусских земель в состав СССР в 1939 г.⁸

---

⁶ *Смоліч А.* Сялянства Заходняй Беларусі // Заходняя Беларусь. Зборнік. Менск, 1925. С. 37–38; *Беразоўскі А.* Заходняя Беларусь... С. 22.

⁷ *Лучанін М.* Заходняя Беларусь... С. 36.

⁸ *Сталевіч А.* Супраць фашысцкай акупацыі. Дзейнасць Беларускай сялянска-работніцкай грамады ў масах. Менск, 1930; *Сталевіч А.* Заходняя Беларусь – каленія Польшчы. Менск, 1930; *Шчарбакоў В.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і белапольская акупацыя. Менск, 1930; *Якаўлеў Л.* Заходняя Беларусь. Менск, 1931; *Боген Д.* Заходняя Беларусь пад крывавым бізуном польскіх акупантаў. Менск, 1931; *Багданскі Я., Бабровіч Л.* Аб клясавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы Беларускай сялянска-работніцкай грамады. Менск, 1932; *Гарбацэвіч П.* Паленізацыя Заходняй Беларусі. Менск, 1932; *Егоров Г.* Западная Белоруссия. М., 1939; Западная Украина и Западная Белоруссия. Сталинград, 1939; Заходняя Беларусь у цісках польскіх паноў. Мінск, 1939; *Минаев В.* Западная Белоруссия и Западная Украина под гнетом панской Польши. М., 1939; *Минский Г.* Под игом польских панов. М., 1939; *Тяжелов П.* Очерки по истории прошлого Западной Украины и Западной Белоруссии. Воронеж, 1939; *Лочмель И.* Очерк истории борьбы белорусского народа против ига польских панов. Минск, 1940; Заходняя Беларусь пад панскім гнетам і яе вызваленне / пад. рэд. Н.М. Нікольскага і І.Ф. Лочмеля. Мінск, 1940; *Абрамов А., Венский К.* Западная Украина и Западная Белоруссия. Исторический очерк. Л., 1940; *Каменская Н.* Уз’яднанне беларускага народа ў адзінай

Среди увидевших свет на протяжении 1930-х гг. работ выделяются посвященные промышленности монографии В. Фришмана и Я. Шнейдера. В них содержательно характеризуется промышленное производство на западнобелорусских землях, дано описание его территориального размещения и отраслевой структуры, подробно описывается тяжелое положение рабочих. Авторы доказывали, что главная причина деградации практически всех отраслей промышленности за исключением лесной заключалась в политике польских властей, фактически использовавших западнобелорусские земли в качестве внутренней колонии⁹.

Профессиональное изучение межвоенной истории западнобелорусского региона в СССР начинается с середины 1950-х гг. Публикации, изданные во второй половине 1950-х – 1980-е гг., по-прежнему оставались в рамках накладываемых официальной трактовкой ограничений. Именно в таком ключе революционное движение на западнобелорусских землях достаточно подробно освещено в третьем томе «Истории Польши», подготовленной Институтом славяноведения Академии наук СССР¹⁰.

В 1964 г. в журнале «Коммунист» появилась статья «За правильное освещение истории Компартии Западной Белоруссии», программная для советских историков, которые в дальнейшем обращались к западнобелорусской проблематике. Здесь были определены тематика и представлены подходы к интерпретации важнейших событий и процессов. В работе отмечалось, что буржуазно-помещичья Польша, захватив в 1919–

Беларускай савецкай сацыялістычнай дзяржаве. Мінск, 1948; *Гарбуноў Ц.* Уз'яднанне беларускага народа ў адзінай савецкай сацыялістычнай дзяржаве. Мінск, 1949; *Клещев А.* О десятилетии воссоединения белорусского народа в едином Белорусском советском государстве. Минск, 1949 и др.

⁹ *Фришман В.* Промышленность Западной Белоруссии. Статистическо-экономическое описание. Минск, 1934; *Шнейдер Я.* Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии. Минск, 1936.

¹⁰ История Польши. Т.3 / Под ред. Ф.Г. Зуева и др. М., 1956.

1920 гг. при поддержке империалистов Запада западнобелорусские земли, установила здесь суровый оккупационный режим, осуществляла политику жесткой эксплуатации трудящихся, национального порабощения и ограбления естественных богатств. Однако трудящиеся Западной Белоруссии вели упорную борьбу с поработителями за свое социальное и национальное освобождение, их основное стремление состояло в том, чтобы объединиться со своими братьями – трудящимися БССР. В авангарде борьбы шла КПЗБ (Коммунистическая партия Западной Белоруссии), которая пользовалась большой помощью КП(б)Б (Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии) и ВКП(б) (Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков))¹¹. Названная статья служила ориентиром для последующих публикаций по западнобелорусской истории межвоенного времени, задача которых во многом сводилась к дальнейшему обоснованию изложенных тезисов, их расширению и уточнению.

Доминирующим сюжетом белорусской советской историографии темы до конца 1980-х гг. становятся антипольская борьба и революционное движение во главе с КПЗБ. Среди соответствующих публикаций наиболее значимыми и содержательными являются подготовленная Институтом истории партии при ЦК КПБ коллективная монография «Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.)», посвященные коммунистическому движению исследования В. Полуяна, В. Ладысева, А. Мацко, Б. Клейна¹².

---

¹¹ За правильное освещение истории Компартии Западной Белоруссии // Коммунист. 1964. № 8. С. 68–78.

¹² Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / под ред. А.Н. Мацко и В.Е. Самутина. Минск, 1966; *Палуян У.А.* Беларуска-сялянска-рабочая грамада. Мінск, 1967; *Мацко А.* Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.). Минск, 1972; *Ладысеў У.Ф.* КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934–1938 гг.). Мінск, 1976; *Клейн Б.С.* За дело правое: Борьба КПЗБ с буржуазным террором

Одним из пунктов изучения революционной борьбы было освещение участия КПЗБ в выборах в органы местного самоуправления во второй половине 1920-х гг. В качестве доказательства значительного влияния, которым пользовались коммунисты среди трудящихся, авторы указывали на большое количество голосов, отданных за них на муниципальных выборах в крупнейших городах, подробно освещались преследования во время избирательных кампаний со стороны польской администрации. Справедливо отмечалось, что единственной целью, которую ставила перед собой КПЗБ при участии в выборах в самоуправление, было стремление использовать его в качестве платформы для пропаганды¹³. Активность муниципальных органов в первой половине 1920-х и в 1930-е гг., когда в результате репрессивных действий польских властей коммунистические деятели были полностью отстранены от участия в них, в исследованиях 1950–1980-х гг. не упоминается.

В работах белорусских советских историков, специально посвященных экономическому положению западнобелорусских земель, была дана подробная характеристика промышленного и сельскохозяйственного производства, бедственного положения рабочих, отражена картина масштабных безработицы и аграрного перенаселения края. В этих публикациях обосновывалась мысль о том, что польское правительство предпринимало целенаправленные действия для

(1920–1938 гг.). Минск, 1986; *Ладысев В.Ф.* В борьбе за демократические права и свободы (Из исторического опыта Компартии Западной Белоруссии, 1926–1938 гг.). Минск, 1988.

¹³ *Полуян В.А., Полуян И.В.* Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. Минск, 1962. С. 121–122, 128–129; *Глинская Т.* КПЗБ – руководитель освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии, 1924–1928. Минск, 1965. С. 158–164; *Революционный путь...* С. 172–173, 192–193; *Полуян В.А.* Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.). Минск, 1978. С. 63–64; *Ладысев В.Ф.* В борьбе за демократические права и свободы... С. 36–37, 44–46.

торможения экономического развития региона в угоду иностранному капиталу и монополиям¹⁴.

В этот период уведило свет значительное количество работ краеведческого плана, где дана характеристика различных сторон жизни отдельных западнобелорусских городов и местностей. В ряде из них представлены некоторые сведения по персональному составу и деятельности органов городского самоуправления¹⁵.

Как видно, в советской историографии 1950–1980-х гг., для которой основными сюжетами в изучении межвоенной западнобелорусской истории были революционное и антипольское движение и экономическое положение региона, тематика городского самоуправления практически не затрагивалась.

Российская историография. Основное внимание в российской исторической полонистике при изучении II Речи Посполитой (1918–1939 гг.) уделяется внутри- и внешнеполитическим проблемам. В изданной Институтом славяноведения и балканистики в 1993 г. монографии «Краткая история Польши» представлен очерк внутренней и внешней

---

¹⁴ *Раков Я.* Состояние промышленности Западной Белоруссии в 1919–1939 гг. // Белорусский политехнический институт. Сборник научных работ. Вып. 58. Минск, 1957. С. 81–108; *Савочкин П.З.* Экономическая экспансия иностранного капитала в Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) // Ученые записки БГУ. Вып. 36. Вопросы истории БССР. Минск, 1957. С. 125–153; *Наркевич С.Н.* Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1965; *Экономика Советской Белоруссии. 1917–1967.* Минск, 1967; *Полуян И.В.* Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. Минск, 1991 и др.

¹⁵ *Пилецкий Е.Н.* Пинск. Историко-экономический очерк. Минск, 1988; Гродно. Исторический очерк. Минск, 1960; *Мелешко В.* Слоним. Исторический очерк. Минск, 1962; *Рылко М.И., Шпыркова И.Г.* Слоним. Историко-экономический очерк. Минск, 1981; *Науменко В.Я.* Брест. Историко-экономический очерк. Минск, 1977; *Нетьлькин А.* Пинск. Исторический очерк. Минск, 1961; Гродно. Историко-экономический очерк / под ред. И.П. Креня и В.М. Жерского. Минск, 1988; Лида. Историко-экономический очерк / под ред. В.П. Верхося и Н.И. Попова. Минск, 1980.

политики Польши в 1920 – 1930-е гг., написанный А.Я. Манусевичем¹⁶. В кандидатской диссертации А.В. Гущина были исследованы международные обязательства и внутреннее законодательство Польши в области защиты прав национальных меньшинств, проживавших на ее территории¹⁷. В 2008 г. Г.Ф. Матвеев опубликовал первую в российской историографии биографию Ю. Пилсудского. В этой работе обстоятельства жизни главного героя вписаны в подробно рассматриваемый контекст политических событий на польских землях¹⁸.

В 2012 г. вышла в свет фундаментальная монография «Польша в XX веке. Очерки политической истории», подготовленная коллективом российских ученых-полонистов. Второй раздел книги, написанный Г.Ф. Матвеевым, посвящен истории Польши периода II Речи Посполитой. В нем на основе широкого круга исторических источников и литературы детально изложены обстоятельства восстановления польской государственности в 1918 г., процесса определения территориальных границ государства, происходившего в ходе военных столкновений с большинством соседей, основательно изучены развитие политической системы, вопросы внутренней и внешней политики Польши¹⁹.

В российской историографии достаточно активно исследуется тематика взаимоотношений между II Речью Посполитой и Советской Россией (СССР). Так, в монографии И.В. Михутиной детально разработаны ключевые политические аспекты польско-советской войны 1919–1920 г. В частности, проведен тщательный анализ планирования и осуществления захвата белорусских, литовских и украинских земель со стороны Ю. Пилсудского, в руках которого оказалась практическая

---

¹⁶ Краткая история Польши / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1993.

¹⁷ *Гущин А.В.* Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.

¹⁸ *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008.

¹⁹ Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.

реализация польской восточной политики в эти годы, обоснована мысль о том, что поддержанная Пилсудским на словах программа федерации Польши с Белоруссией и Литвой использовалась им в качестве идеологического прикрытия экспансионистских замыслов²⁰. В кандидатской диссертации О.В. Бабенко исследованы польско-советские отношения в 1924–1928 гг. в контексте развития ситуации на международной арене²¹. Главной темой сборника статей «Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды» является влияние революционных потрясений 1917 г. в России на Польшу и поляков, вовлеченных в эти процессы²². Российско-польской группой по сложным вопросам был подготовлен труд «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях», в котором российские и польские исследователи представили свои взгляды на наиболее важные проблемы двусторонних отношений, включая польско-советскую войну и отношения СССР и Польши на протяжении межвоенного периода; та же проблематика получила развитие в вышедшем в 2015 г. сборнике «Россия и Польша. История общая и разобшенная»²³. В монографии Т.М. Симоновой исследовано создание и деятельность русских антисоветских формирований в Польше в контексте политики польского руководства в отношении восточного соседа²⁴.

В последние годы в российской историографии появились исследования, посвященные белорусской истории периода 1920–1930-х гг.

---

²⁰ Мухутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.

²¹ Бабенко О.В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.

²² Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды / Отв. ред. М. Волос и др. М., 2009.

²³ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010; Россия и Польша. История общая и разобшенная / Под ред. Е.И. Пивовара и О.В. Павленко. М., 2015.

²⁴ Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.

Значительным событием в изучении новейшей истории Белоруссии стал выход в свет монографии Ю.А. Борисёнка «На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века». Она представляет собой обобщающее исследование становления белорусской государственности, при этом автор сделал акцент на факторах, которые в решающей степени определяли этот процесс, а именно политической борьбе между Польшей и Советской Россией/СССР. Именно стремление разыграть в свою пользу белорусскую карту в противостоянии с Польшей являлось основным мотивом, повлиявшим на советское руководство при принятии решений об образовании белорусской государственности на советской основе, проведении политики белорусизации, определении межреспубликанских границ БССР. Подробно изучая эти вопросы, Борисёнок также рассматривает политику польских властей в отношении белорусского населения II Речи Посполитой, сводившуюся к попыткам его насильственной ассимиляции. Он убедительно обосновывает мысль о том, что именно активные действия советского руководства в направлении реализации национально-культурных прав белорусов (и украинцев) обеспечили СССР стратегическое преимущество в противостоянии с Польшей²⁵.

В статье О.В. Петровской тщательно охарактеризован процесс установления новых границ БССР в 1939–1940 гг. Среди прочего здесь

---

²⁵ *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. См. также статьи того же автора: *Он же.* Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65; *Он же.* Наш ответ Пилсудскому. Советская белорусизация как реванш за «чудо на Висле» // Союзное государство. 2008. № 3. С. 94–101 и др.

приведены важные сведения касательно национального состава населения западнобелорусского региона²⁶.

Кандидатская диссертация Д.А. Коротковой посвящена роли белорусского фактора в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.²⁷ В кандидатской диссертации М.С. Павловой изучена польская и советская политика в отношении Литвы в 1918–1926 гг. Исследователь при характеристике главной темы рассматривает отдельные сюжеты, относящиеся к белорусской проблематике²⁸.

В то же время тематика городского самоуправления на западнобелорусских землях II Речи Посполитой в российской исторической полонистике не поднимается.

Белорусская историография. В современной белорусской историографии представлено значительное количество исследований, выполненных на серьезном научном уровне, в которых поднимаются существенные с точки зрения темы диссертации вопросы западнобелорусской истории межвоенного времени. А. Вабищевич изучает ситуацию в школьном образовании, деятельность белорусских культурно-просветительских и исследовательских организаций, развитие белорусского искусства, а также общественно-культурную жизнь других национальных групп, проживавших в западнобелорусском регионе. Он убедительно показал, что курс польских властей на ассимиляцию белорусов, который проявился в «притеснении и насилии против образования, культуры, языка, традиций», ликвидации всех институциональных форм их национально-культурной жизни, не

---

²⁶ Петровская О.В. Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1. С. 24–41.

²⁷ Короткова Д.А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.

²⁸ Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012.

увенчался успехом. Методы насаждения польской культуры не способствовали ее принятию восточнославянским населением, планы полонизации региона остались нереализованными²⁹.

В работе А. Пашкевича дана характеристика активности парламентского представительства белорусов в Польше и проведения избирательных кампаний в сейм и сенат в западнобелорусском регионе. Автор показал, как в результате дискриминационной политики в отношении белорусских жителей в Польше многие белорусские парламентарии быстро отошли от первоначально лояльной позиции в отношении польских властей, включившись в антипольскую работу под коммунистическими лозунгами. В 1930-е гг. белорусы фактически оказались лишены представительства в польском парламенте, что, как видно из данного исследования, объясняется административным вмешательством в процесс выборов, а также раздробленностью белорусского политического движения из-за взаимных противоречий его лидеров³⁰. В недавней объемной статье Пашкевич тщательно проанализировал на примере парламентских выборов 1920-х гг. степень влияния на население Полесского воеводства различных политических и национальных организаций³¹.

Увидел свет ряд исследований, напрямую связанных с темой настоящей диссертации. Один из разделов диссертации А. Чернякевича, в

---

²⁹ *Вабішчэвіч А.М.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2008; *Он же.* Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2004; *Вабішчэвіч А.Н.* Этнокультурное положение и этнополитические отношения на западнобелорусских землях накануне сентября 1939 года // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы.* / Отв. ред.: О.В. Петровская, Е.Ю. Борисёнок. СПб., 2011. С. 7–24.

³⁰ *Пашкевіч А.В.* Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2006.

³¹ *Он же.* Нацыянальныя працэсы ў Полескім ваяводстве ў 1920-я гг. праз прызму вынікаў выбарчых кампаній у польскі парламент // *ARCHE.* 2013. № 4. С. 99–210.

которой рассматривается положение белорусских земель под контролем Гражданского управления восточных земель³², посвящен территориальному самоуправлению. Автор изучил законодательство ГУВЗ в этой сфере, рассмотрел основные направления деятельности органов самоуправления, придя к выводу, что крайне ограниченные финансовые возможности предопределили невыполнение возложенных на них обязанностей. Чернякевич справедливо указывает, что, вопреки декларациям Пилсудского и руководства ГУВЗ, обещавшим справедливое участие разных национальных групп в управлении краем, выборы в коммунальные органы во многих случаях проходили под контролем польских гражданских и военных властей, действовавших в интересах польского населения³³. В то же время процесс формирования органов городского самоуправления в 1919–1920 гг. был описан автором в общих чертах, и его характеристику следует существенно дополнить.

Кандидатская диссертация А. Борко «Местные органы государственного управления и самоуправления в Западной Белоруссии (1921–1939 гг.)» включает раздел, посвященный городскому самоуправлению. Название этой работы не отражает ее содержание, которое сводится в основном к изложению правовых основ функционирования местных органов власти, прописанных в польском законодательстве. Хотя автор указывает на такие важные черты развития городского самоуправления на западнобелорусских землях как жесткий административный контроль над их деятельностью, препятствовавшие нормальной работе национальные конфликты, содержательные стороны

---

³² ГУВЗ, управленческая структура по типу гражданской администрации, существовавшая на захваченных польскими войсками белорусских территориях во время польско-советской войны в 1919–1920 гг.

³³ *Чернякевич А.Н.* Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 – март 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2001.

организации и деятельности городских органов в этой работе фактически не были освещены³⁴.

А. Войтещик в кандидатской диссертации рассмотрела административное положение, социально-экономическую и культурную жизнь местечек³⁵ на западнобелорусских землях в межвоенный период. Стоит отметить, что в этой работе имеется ряд неточностей. Так, вопреки мнению автора, официального статуса местечек в качестве отдельной административной единицы не существовало. Также нельзя согласиться с рассуждениями Войтещик о том, будто существенное социально-экономическое и культурное значение местечек превращало их в центры хозяйственной жизни, медицины, коммуникации для сельской округи³⁶.

Книга З. Шибeko «Городская цивилизация: Белоруссия и мир» содержит очерк истории белорусских городов. В нескольких абзацах, посвященных положению западнобелорусских городов в межвоенное время, автор справедливо отмечает, что польская политика не способствовала их экономическому развитию. В то же время утверждение Шибeko о том, что городские органы имели возможность самостоятельно принимать решения, далеко от объективности. Не более обоснованным представляется и тезис о том, что в составе Польши «с высоким

---

³⁴ Борка А.І. Мясцовыя органы кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Гродна, 2007.

³⁵ Местечками в Великом княжестве Литовском назывались поселения, занимавшие промежуточное положение между городом и сельскими населенными пунктами. От города они отличались меньшей численностью населения и отсутствием оборонительных сооружений. В то же время в местечках преобладала торгово-промышленная деятельность, присутствовали элементы городской планировки, они выполняли функцию посредника в хозяйственных отношениях между городом и деревней. Однако в последующие периоды истории местечки во многом утратили свои отличительные черты и хозяйственные функции. В 1920–1930-е гг. достаточных критериев, которые позволяли бы выделять местечко как отдельный тип поселения наряду с городом и деревней, не было.

³⁶ Вайцешчык Г.С. Мясцэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё: дыс. ... канд. гіст. навук. Гродна, 2013.

культурным потенциалом титульной нации поликультурные города Западной Белоруссии быстро стали польскими»³⁷.

В современной белорусской историографии также представлены исследования, в которых разрабатываются другие темы межвоенной западнобелорусской истории. Так, в работах В. Кривутья изучена молодежная политика польских властей в регионе³⁸. К. Разуванова посвятила свое исследование деятельности Белорусского института хозяйства и культуры³⁹, В. Данилович – организации «Змаганне»⁴⁰, А. Загидулин представил общую характеристику национальной и конфессиональной политики в отношении белорусского населения⁴¹, в монографии А. Заерко рассматриваются вопросы организации советской и польской пограничной охраны на границе БССР и Польши⁴² и др.

В последнее время появился ряд важных обобщающих исследований по новейшей белорусской истории. В первом томе двухтомника «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.», изданном Институтом истории Национальной академии наук Беларуси в 2014 г., подробно излагается история захвата Польшей западнобелорусских земель в период польско-советской войны, анализируются национальная политика польских властей в регионе на протяжении межвоенного периода, ситуация в образовании, конфессиональная жизнь, белорусское

---

³⁷ Шыбека З.В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет. Курс лекцый. Вільня, 2009.

³⁸ Кривутья В.И. Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси (1926–1939 гг.). Минск, 2009; *Он же*. Молодежные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.). Минск, 2008.

³⁹ Разуванова К.С. Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926–1936 гг.). Мінск, 2013.

⁴⁰ Данилович В.В. Дзейнасць арганізацыі «Змаганне» ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.). Мінск, 2007.

⁴¹ Загидулін А.М. Нацыянальная і канфесіянальная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Гродна, 2005.

⁴² Заерко А.Е. Кровавая граница. Минск, 2002.

политическое движение. Данная работа является одним из немногих исследований в современной историографии, где специальное внимание уделено изучению экономического положения края⁴³. Другой подготовленный Институтом истории НАН РБ двухтомник посвящен истории белорусской государственности. Среди прочего в нем представлена общая характеристика положения западнобелорусского региона в 1920–1930-е гг. и развития белорусского политического движения в Польше⁴⁴.

В то же время наряду со значительным количеством солидных исследований, в современной белорусской историографии представлено немало публикаций, в которых прослеживается политизация изучения истории. Ряд авторов явно идеализирует положение западнобелорусских земель в 1920–1930-е гг., для их работ характерны попытки приукрасить политику польских властей в отношении белорусского населения, обойти стороной критические моменты в истории белорусско-польских взаимоотношений⁴⁵.

Другим примером служит сборник документов и материалов «Польша – Беларусь (1921–1953)». Авторы предисловия к сборнику обосновывают актуальность изучения темы необходимостью «подготовиться к комплексному и своевременному реагированию» на внешнеполитические угрозы, связанные с нагнетанием негатива в польско-белорусских отношениях на современном этапе со стороны польской руководящей элиты. В представленном в предисловии историческом очерке польско-белорусских отношений его авторы сосредоточились на

---

⁴³ Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 1. / редкол.: А.А. Коваленя и др. Минск, 2014.

⁴⁴ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. Мінск, 2011.

⁴⁵ Например: Брест на перекрестке дорог и эпох: 1019–2009 / А.М. Суворов. Брест, 2009; *Татаренко А.* Недозволенная память. Западная Беларусь в документах и фактах: 1921–1954 гг. СПб., 2006 и др.

освещении национального и политического притеснения белорусов с польской стороны. Они акцентируют дискриминацию белорусского населения в Польше в межвоенное время, когда «политика массового террора и преследований» «взорвала общество» в западнобелорусском регионе, вызвав широкую национально-освободительную борьбу белорусов. При этом в тематическом и стилистическом плане в подобных публикациях очевиден возврат к установкам, характерным для белорусской советской историографии⁴⁶.

Отдельные факты по истории городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1919–1939 гг. можно найти в работах краеведов, где наряду с общей характеристикой развития промышленности, благоустройства, ситуации в здравоохранении, образовании также представлены некоторые сведения по персональному составу и деятельности муниципальных органов ряда городов⁴⁷.

Польская историография. В межвоенной Польше существовала необходимость идеологического обоснования вхождения западнобелорусских земель в ее состав, а также их изучения с целью обеспечить аппарат власти необходимой информацией. Поэтому различные аспекты жизни региона в 1919–1939 гг. нашли отражение в сравнительно многочисленных работах польских ученых, общественных деятелей, представителей органов государственного управления. Их подходы существенно различались в зависимости от партийной и

⁴⁶ Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А.Н. Вабищевич и др. Минск, 2012.

⁴⁷ Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэста. Кн. 1 / пад. рэд. М.З. Башлакова і інш. Мінск, 1997; Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Пінска / пад. рэд. І.В. Камарова і інш. Мінск, 1998; Гродназнаўства. Гісторыя еўрапейскага горада / пад. рэд. В. Карнялюка. Гародня; Wrocław, 2012; *Лаўрэш Л.* Прамысловасць горада Ліды ў 1920–1930-я гады // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. С. 181–188; Скідзель. 500 год у гісторыі / І. Барысаў і інш. Гродна, 2008 и др. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А.М. Літвін і інш. Мінск, 2012.

общественной принадлежности, что отражалось на характере и содержании работ. Несмотря на то, что такие исследования к историографии можно отнести лишь условно, т.к. их авторы были современниками описываемых событий, и их появление было определено не столько научными, сколько политическими и хозяйственными нуждами, они представляют значительный интерес. Многие из этих публикаций отличает тенденциозность и поверхностность. Одновременно целый ряд работ выделяется богатством представленного фактического материала и обоснованностью выводов.

В 1923 г. известный публицист и политический деятель К. Сроковский по поручению премьер-министра Польши В. Сикорского провел служебную инспекцию восточных воеводств с целью изучить положение белорусского и украинского меньшинств⁴⁸ и представить правительству соответствующий реферат, который должен был стать ориентиром в выработке новой национальной политики. Вскоре Сроковский опубликовал результаты своих исследований. Он подверг жесткой критике политику польских властей в отношении белорусского населения, которая одновременно сочетала подавление любых проявлений культурной жизни и образования на белорусском языке и отсутствие заботы об удовлетворении элементарных хозяйственных нужд. Как отмечал автор, бедственное экономическое положение, закрытие белорусских школ, польская колонизация определили негативное отношение большинства белорусского населения и интеллигенции к Польскому государству, что шло в разрез с интересами последнего⁴⁹.

В. Студницкий, известный польский герmanoфил и поборник интенсивной колонизации восточных воеводств, посвятил несколько книг хозяйственному положению западнобелорусских земель. Рассматривая

---

⁴⁸ Там, где в местах своего компактного проживания они составляли большинство.

⁴⁹ *Srokowski K. Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich. Kraków, 1924.*

ситуацию в промышленности, сельском хозяйстве, системе коммуникаций и т.д., автор отмечал крайнюю отсталость и бедность региона, на которые наложились огромные военные разрушения периода Первой мировой войны⁵⁰.

Белорусское меньшинство в Польше было предметом изучения созданного в 1921 г. в Варшаве Института исследования национальных проблем. Один из сотрудников института В. Ормицкий, профессор Ягеллонского и Львовского университетов, специалист по экономической географии и демографии, сыгравший заметную роль в разработке проектов национальной политики во второй половине 1930-х гг., опубликовал книгу «Экономическая жизнь восточных кресов Речи Посполитой». Проанализировав географическое положение восточных воеводств Польши, количество, национальный и социальный состав населения, автор рассмотрел многие аспекты их экономического положения: структуру и характер основных отраслей экономики, региональные особенности производства и т.д. В отношении западнобелорусских городов Ормицкий отметил, что их значение в основном сводилось к административно-политической функции и они фактически не выступали в качестве хозяйственного и культурного центра для окрестных территорий⁵¹.

Ряд важных работ по белорусской тематике принадлежит преподавателю Виленского университета С. Вислоуху, представлявшему либеральные круги сторонников «санации». В книге, посвященной КПЗБ, он изучил ее программу и степень влияния в регионе. Негативно оценивая политику Польши на западнобелорусских землях, автор показал, что упадок промышленности, раздробление крестьянских хозяйств, высокое налогообложение, слабая помощь польских властей в преодолении

---

⁵⁰ *Studnicki W.* Kolonizacja i rozwój gospodarczy naszego Wschodu. Warszawa, 1921; *Idem.* Zarys statystyczno-ekonomiczny ziem północno-wschodnich. Wilno, 1922; *Idem.* Ziemia wschodnie. Stan gospodarczy i widoki rozwoju. Warszawa, 1929.

⁵¹ *Ormicki W.* Życie gospodarcze kresów wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej. Kraków, 1929.

военных разрушений, а также последствия экономического кризиса 1930-х гг., приведшие белорусов к нищете, создавали благоприятную почву для коммунистической пропаганды⁵².

Особый интерес представляет книга преподавателя Виленского университета С. Одляницкого-Почобутта, подготовленная по инициативе министерства земельных реформ и содержащая всесторонний анализ хозяйственной жизни Новогрудского воеводства. Большая часть работы посвящена изучению сельского хозяйства, которое было основной отраслью экономики западнобелорусских земель. В то же время автор достаточно подробно рассмотрел состояние промышленности, торговли, ремесла, коммуникаций и др. В отдельном разделе проанализировано экономическое положение городов воеводства. Одляницкий-Почобутт, проследив динамику изменения количества и национального состава горожан, изучил причины, по которым западнобелорусские города не выполняли многие традиционные функции. Автор показал, каким образом недоразвитость городской промышленности и торговли, крайняя бедность большинства горожан, а также отсталая система коммуникаций и полунатуральный характер сельского хозяйства практически сводили на нет роль городов в качестве центров потребления сельскохозяйственной продукции и снабжения деревни промышленными товарами, а также центров притяжения избыточного сельского населения⁵³.

В 1930-е гг. местными общественными деятелями и представителями государственной администрации был опубликован ряд брошюр и книг, призванных обратить внимание центральных властей в Варшаве на экономические проблемы восточных воеводств и обосновать необходимость государственных инвестиций с целью обеспечить их ускоренное развитие. Многие из этих работ содержат важную

---

⁵² *Wyślouch S.* Rola Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce. Wilno, 1933.

⁵³ *Odlanicki-Poczobutt St.* Województwo Nowogródzkie. Wilno, 1936.

информацию по хозяйственной жизни региона⁵⁴. В книге начальника отдела самоуправления Новогрудской воеводской управы (НВУ) Ц. Галасевича, описывающей хозяйственную и культурную жизнь Новогрудского воеводства, общим планом охарактеризовано положение городов и местного самоуправления. Среди прочего автор отметил, что из-за катастрофического финансового положения городское самоуправление было не в состоянии выполнять свои обязанности в плане здравоохранения и социального обеспечения⁵⁵. В информативной брошюре, посвященной нуждам Полесского воеводства, показано, что экономическая и культурная отсталость, сложившаяся в предыдущие периоды, еще более усилилась в 1920–1930-е гг. по причине практически полного отсутствия государственных инвестиций. В условиях, когда финансовые возможности частного капитала и самоуправления были мизерными, в связи с чем последнее выполняло свои функции на примитивном уровне и не могло рассчитывать на собственные капиталовложения, только государственная помощь могла создать перспективы развития⁵⁶.

Авторы упомянутых выше исследований пытались подвести идеологическое обоснование под факт вхождения западнобелорусских земель в состав Польши, не ставя под сомнение его правомерность, а также обосновывали необходимость мероприятий, проведение которых позволило бы упрочить здесь польские позиции, но при этом они предлагали более или менее объективный и обоснованный анализ положения дел в регионе. Вместе с тем, многие работы польских авторов межвоенного периода по белорусской тематике были подготовлены

---

⁵⁴ *Barański W.* Akcja gospodarcza na ziemiach północno-wschodnich. Wilno, 1934; *Memoriał w sprawie stanu gospodarczego i najważniejszych potrzeb ziem północno-wschodnich.* Wilno, 1931; *Poniatowski J.* Polesie w gospodarczej strukturze Polski. Wilno, 1934 и др.

⁵⁵ *Galasiewicz C.* Ziemia nowogródzka. Najpilniejsze gospodarcze i kulturalne potrzeby. Nowogródek, 1936.

⁵⁶ *Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego.* Warszawa, 1937.

исключительно в пропагандистских целях и предлагали суждения и выводы, далекие от объективности. Ярким примером служит книга С. Эльского «Белорусский вопрос: историко-политический очерк», посвященная положению белорусов в Польше, которая была написана по заказу министерства внутренних дел в качестве официального ответа Польши на жалобу в Лигу наций со стороны белорусских политических деятелей на притеснения белорусского меньшинства. В этой работе среди прочего утверждалось, что парламентские выборы 1920-х гг. продемонстрировали преобладание среди белорусского населения пропольских настроений, польские власти создали благоприятные условия для развития школьного образования на белорусском языке, проявляли тщательную заботу об экономическом развитии восточных воеводств и др.⁵⁷ Отметим, что эти тезисы не находят подтверждения в исторических источниках.

Польская историография 1960–1980-х гг. представляет собой значительный интерес. Она была вынуждена следовать марксистской идеологии, но даже в рамках накладываемых ею ограничений многие исследователи стремились прежде всего к объективности и демонстрировали высокий профессионализм. Западнобелорусская история межвоенного периода не пользовалась большой популярностью среди польских историков, лишь несколько книг, специально посвященных данной теме, увидели свет в годы Польской Народной Республики. С другой стороны, появилось достаточно много основательных исследований по различным аспектам истории межвоенной Польши, которые важны для понимания социально-экономических, политических и культурных условий, сложившихся на западнобелорусских землях. В ряде работ были раскрыты актуальные вопросы функционирования местного самоуправления в Польше, хотя городское самоуправление на

---

⁵⁷ *Elski S. Sprawa białoruska: zarys historyczno-polityczny. Warszawa, 1931.*

западнобелорусских землях не стало предметом специального исследования.

Заметный вклад в изучение межвоенной истории западнобелорусского региона внесла Александра Бергман. Основное внимание она уделила деятельности левых белорусских политических организаций (КПЗБ, БКРГ), а также биографиям выдающихся белорусских деятелей. В своих работах Бергман показала, что неблагоприятные хозяйственные условия и национальная дискриминация в межвоенной Польше стали главным источником популярности коммунистических идей среди белорусского населения и политических партий⁵⁸.

В число наиболее содержательных работ входит книга Е. Томашевского «Из истории Полесья. Очерк социально-экономических отношений». Автор предложил подробный анализ хозяйственного и социального положения Полесского воеводства в 1920–1930-е гг., проследив причины и последствия минимального развития промышленности и преобладания в сельском хозяйстве натуральных отношений, а также изучил национальный состав населения, особенности его национального самосознания и основные направления польской политики. Им было показано, что хозяйственный упадок, важнейшей причиной которого было практически полное отсутствие государственных инвестиций, означал крайнюю нищету для преимущественно сельского белорусского населения. Дискриминация в осуществлении сельскохозяйственной реформы и проведение на престижную и высокооплачиваемую работу польских колонистов лишали белорусов перспектив на улучшение своего положения, закрывая в условиях

---

⁵⁸ *Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984; Бергман А. Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Мінск, 1996.*

аграрного перенаселения региона возможность трудоустройства в городах⁵⁹.

Заслуживают внимания книги, посвященные проблеме национальных меньшинств в межвоенной Польше в целом, где соответствующее внимание уделено белорусскому населению. В первую очередь следует указать на исследование А. Хойновским концепций национальной политики польских властей в 1921–1939 гг. Автор показал эволюцию взглядов основных политических сил и видных общественных деятелей по проблеме политики в отношении национальных меньшинств, а также охарактеризовал важные черты ее практической реализации. По мнению Хойновского, неспособность польских властей найти конструктивное решение межнациональных конфликтов было важнейшей причиной внутри- и внешнеполитической слабости межвоенного Польского государства⁶⁰. Е. Томашевский также посвятил свои работы изучению польской национальной политики в 1919–1939 гг., рассмотрев многие аспекты фактического положения национальных меньшинств. В частности, он провел тщательный анализ количества белорусского населения в Польше, показал его социальную структуру, основные черты хозяйственной и культурной жизни, проследил развитие белорусского политического движения и др. Автор пришел к выводу, что, несмотря на неблагоприятную ситуацию белорусов в межвоенной Польши: экономическую отсталость края, жесткую полонизаторскую политику властей, слабость белорусских культурно-просветительских и

---

⁵⁹ *Tomaszewski J.* Z dziejów Polesia. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. Warszawa, 1963.

⁶⁰ *Chojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1978.

хозяйственных организаций – они смогли сохранить свой национальный облик⁶¹.

З. Ландау и Е. Томашевский опубликовали фундаментальное 4-томное исследование хозяйственной жизни межвоенной Польши, где определенное внимание было уделено экономике восточных воеводств, хотя она и не стала предметом систематического рассмотрения. Здесь был показан уровень экономического развития западнобелорусских земель в сравнении с другими частями Польского государства, раскрыты важные черты ситуации в промышленности, ремесле, торговле, сельском хозяйстве⁶².

Школьному образованию национальных меньшинств посвящена монография С. Мауэрсберга. В ней были изучены школьная политика польских властей в отношении белорусов, развитие белорусского начального и среднего образования, степень охвата образованием детей в западнобелорусском регионе. Автор показал, что ущемление права национальных меньшинств на школу на родном языке с расчетом на их скорейшую ассимиляцию приводило к противоположному результату – усиливало среди непольских жителей антигосударственные настроения⁶³.

Среди публикаций, посвященных различным сторонам функционирования местного самоуправления в межвоенной Польше, отметим монографию А. Лучака «Территориальное самоуправление в программах и деятельности крестьянских партий в 1918–1939 гг.». Здесь представлена общая картина его политической эволюции: раскрыты позиции основных политических сил по местному самоуправлению,

---

⁶¹ *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1985. *Idem.* Rzeczpospolita wielu narodów. Warszawa, 1985.

⁶² *Landau Z., Tomaszewski J.* Gospodarka Polski międzywojennej. T. 1–4. Warszawa, 1967–1989.

⁶³ *Mauersberg S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939. Wrocław, 1968.

прослежено, как на протяжении конца 1920–1930-х гг. оно подпало под полный контроль государственной администрации в контексте антидемократических трансформаций режима «санации»⁶⁴.

Книга А. Гинсберт-Геберта «Основы коммунальной политики» содержит очерк истории польских городов и городского самоуправления в XIX–XX вв. В нескольких разделах, посвященных органам городского самоуправления в межвоенный период, дана общая характеристика их юридического и фактического положения, финансовой ситуации, а также благоустроенности польских городов, градостроительной политики, функционирования коммунальных предприятий. По мнению автора, самоуправление в межвоенные годы, поставленное под контроль администрации, на фоне глубоких хозяйственных проблем не могло рассчитывать на собственные инвестиции и лишь частично удовлетворяло текущие нужды городской жизни, тем самым не выполняя свои общественные функции⁶⁵.

В статье Я. Борковского предлагается анализ проведения и результатов городских выборов, состоявшихся в Польше в 1933–1934 гг. Здесь было показано, что победа, одержанная на этих выборах правящим режимом, во многом объясняется массовыми фальсификациями и полицейскими репрессиями против оппозиции. Также автор указал на некоторые важные черты политической жизни западнобелорусских городов. В частности, он отметил, что выборы здесь становились формальностью, т.к. городская жизнь находилась под полным контролем местной администрации, польская оппозиция, также как белорусские и

---

⁶⁴ *Łuczak A. Samorząd terytorialny w programach i działalności stronnictw ludowych 1918–1939. Warszawa, 1973.*

⁶⁵ *Ginsbert-Gebert A. Zarys polityki komunalnej. Warszawa, 1977.*

украинские партии, не играли практически никакой роли, а большинство еврейских партий поддерживали «санацию»⁶⁶.

Были опубликованы работы по истории государства и права Польши, в которых представлена характеристика правовой и организационной стороны функционирования местного самоуправления в 1920–1930-е гг.⁶⁷.

В польской историографии на современном этапе наблюдается всплеск интереса к проблематике восточных территорий, прежде входивших в состав Польского государства, в том числе увидело свет значительное количество публикаций по западнобелорусской истории межвоенного времени. Среди них количественно преобладают работы, для которых общей тенденцией является идеализация межнациональных взаимоотношений в Польше в 1920–1930-е гг. и где личные симпатии и эмоции авторов нередко довлеют над взвешенными оценками.

На этом фоне выделяется ряд исследований, в которых предлагаются объективный анализ темы и обоснованные выводы. К ним относятся публикации К. Гомулки. Ее работа «Белорусы во Второй Речи Посполитой» является первой попыткой обобщающего рассмотрения положения белорусского меньшинства в межвоенной Польше. Автор показала его социальную структуру, хозяйственное положение и политическую активность, ситуацию в образовании и конфессиональной жизни, концепции польской политики в отношении белорусского населения и их реализацию, а также охарактеризовала отношение белорусов к польским властям. В монографии «Между Польшей и Россией. Белоруссия в концепциях польских политических организаций в 1918–1922 гг.» Гомулка представила анализ позиций основных политических сил Польши по белорусской проблеме и рассмотрела

---

⁶⁶ *Borkowski J.* Samorządowe wybory miejskie w 1933–1934 // *Z pola walki*. 1976. № 3. S. 61–98.

⁶⁷ *Historia państwa i prawa Polski 1919–1939*. Cz. 1. Warszawa, 1962; *Bardach J., Leśnodarski B., Pietrzak M.* Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa, 1977; *Ajnenkiel A.* Administracja w Polsce. Zarys historyczny. Warszawa, 1977.

узловые моменты белорусско-польских отношений в эти годы. Признавая значительный вклад исследователя в изучение истории западнобелорусского региона в 1918–1939 гг., нельзя согласиться с ее отдельными выводами. Так, необоснованной представляется мысль о том, что насильственное подавление польскими властями практически всех проявлений белорусской политической и культурной жизни свидетельствовало об успехе политики полонизации⁶⁸.

Е. Миронович изучает эволюцию взглядов правящих кругов Польши на политику в отношении белорусского меньшинства и ее практическую реализацию. Он обосновывает вывод о том, что репрессивная политика польских властей приводила к результатам противоположным ожидаемым: вместо полонизации белорусов она стала главным фактором разжигания среди них антипольских настроений⁶⁹.

Авторству П. Тихорацкого принадлежит биография В. Костек-Бернацкого, польского военного и политического деятеля, который в 1932–1939 гг. возглавлял Полесское воеводство. Характеризуя особенности и основные направления его деятельности в качестве воеводы, автор рисует достаточно полную картину жизни воеводства в 1930-е гг. В частности, им показана политика Костек-Бернацкого в отношении местного самоуправления, заключающаяся в подавлении его самостоятельности и установлении полного контроля над замещением должностей в этой сфере⁷⁰.

---

⁶⁸ *Gomółka K.* Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej // *Zeszyty naukowe Politechniki Gdańskiej*. Gdańsk, 1992; *Eadem.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918–1922. Warszawa, 1994. Последняя работа переведена на белорусский язык: *Гамулка К.* Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918—1922). Вільня, 2008.

⁶⁹ *Mironowicz E.* Białoruś. Warszawa, 2007; *Idem.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007.

⁷⁰ *Cichoracki P.* Droga ku anatemie. Waclaw Kostek-Biernacki (1884–1957). Warszawa, 2009.

Другая монография Тихорацкого посвящена политической жизни Полесского воеводства на протяжении межвоенного времени. В ней автор подробно охарактеризовал становление и развитие организационных структур политических партий и их активность во время парламентских выборов. Тематика местного самоуправления в этой работе осталась второстепенным сюжетом, участие партий в муниципальных выборах ученый описал в самых общих чертах⁷¹. Аналогичное исследование организационных структур политических партий и их участия в парламентских выборах на территории Виленского и Новогрудского воеводств в 1920–1930-е гг. провела Э. Кирвель. Тематику местного самоуправления этот автор не затрагивает⁷².

В. Слешинский предпринял попытку оценить польскую политику на западнобелорусских землях с точки зрения ее соответствия интересам общественной безопасности на этих территориях. В таком ракурсе автор рассмотрел образовательную и конфессиональную политику, колонизацию из этнически польских территорий, деятельность органов безопасности. Автор пришел к выводу, что стабилизация общественно-политического положения во второй половине 1930-х гг., достигнутая за счет насильственного подавления белорусской политической активности и рассматриваемая польскими властями как положительный эффект курса на полонизацию, была иллюзорной. События сентября 1939 г. обнажили межнациональные конфликты: белорусы в лучшем случае остались безразличными к судьбе Польши, многие из них приняли активное участие в антипольских выступлениях. По мнению польского историка, это свидетельствовало о полном провале прежней национальной политики⁷³. В недавней публицистической книге Слешинский отмечает, что «сельское

---

⁷¹ *Idem*. Województwo Poleskie. 1921–1939. Stosunki polityczne. Łomianki, 2014.

⁷² *Kirwiel E.* Kresy Północno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918–1939. Obliczne polityczne. Lublin, 2011.

⁷³ *Śleszyński W.* Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2007.

общество Полесья было значительно ближе к белорусской, нежели к польской национальной идентичности». Он указывает на то, что недопущение сельских жителей к замещению должностей в государственной администрации и самоуправлении, исключение из общественно-политической жизни подкрепляло их неприятие польской государственности. Еще одним фактором неудачи национальной политики была хозяйственная слабость Польского государства, которая предопределила невозможность осуществления планов хозяйственного развития региона, что лишало крестьян перспектив улучшения условий жизни⁷⁴.

Также в современной польской историографии представлены работы, освещающие историю местного самоуправления в межвоенной Польше. В книге Р. Шведа показаны результаты, достигнутые ППС на муниципальных выборах, дана общая характеристика административного вмешательства властей в процесс избрания органов самоуправления в 1930-е гг., приведены фрагментарные сведения по городским выборам на западнобелорусских землях⁷⁵. Книга С. Вуйтика «Территориальное самоуправление в Польше в XX веке» содержит характеристику отдельных аспектов финансового положения коммунальных органов и их взаимоотношений с государственной администрацией. В частности, автор показал, что централизация администрации привела к утрате самоуправлением своей самостоятельности от государственных органов и лишила граждан возможности участия в осуществлении власти⁷⁶.

Статья польского историка Я.Е. Милевского, опубликованная на белорусском языке, поднимает такую важную тему как национальный состав городских органов. Здесь приведены данные по результатам

---

⁷⁴ *Idem*. Kresy Wschodnie czyli Białoruś Zachodnia. Historia, współczesność, pamięć. Łomianki, 2013.

⁷⁵ *Szwed R.* Polska Partia Socjalistyczna w wyborach samorządów terytorialnych w latach 1919–1939. Częstochowa, 1993.

⁷⁶ *Wójcik S.* Samorząd terytorialny w Polsce w XX wieku. Lublin, 1999.

отдельных коммунальных выборов относительно национальности вошедших в их состав депутатов, указано на нараставшее административное вмешательство в процесс проведения избирательных кампаний. Вместе с тем, освещение темы нельзя считать исчерпывающим: опущены итоги большинства городских выборов, состоявшихся в межвоенный период, рассмотрены не все факторы, оказавшие принципиальное влияние на их результат, в частности, не показана эволюция взглядов правящих кругов Польши по вопросу об участии национальных меньшинств в самоуправлении. Вывод автора о том, что представительство различных национальных групп в городском самоуправлении было пропорциональным национальному составу горожан, не выдерживает проверку при более тщательном анализе исторических источников⁷⁷.

Статьи Т. Козелло и В. Паруха, опубликованные в сборнике «Самоуправление в польской политической мысли XX века», предлагают основательный анализ взглядов двух главных политических сил межвоенной Польши – эндеков и пилсудчиков, относительно роли самоуправления в национальной политике государства⁷⁸. В одном из сборников материалов конференций содержится статья Г. Новицкого «Территориальное самоуправление в период Второй Речи Посполитой на восточных кресах». Широкое название статьи не соответствует ее содержанию: автор ограничился пересказом текста законодательных актов,

---

⁷⁷ *Milewski J.E.* Нацыянальная структура гарадскіх рад з 1919 па 1939 год у Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах // Беларускі гістарычны часопіс. 2000. № 1. С. 21–23.

⁷⁸ *Kozielec T.* Samorząd na kresach wschodnich w myśli politycznej Narodowej Demokracji (1918–1939) // Samorząd w polskiej myśli politycznej XX wieku / pod red. G. Radomskiego. Toruń, 2006. S. 131–149; *Paruch W.* Samorzady w autorytaryzmie. Piłsudczykowska koncepcja samorządności (1926–1939) // Ibid. S. 151–178.

регулировавших функционирование самоуправления на западнорусских землях⁷⁹.

Стоит отметить, что в *англоязычной историографии* представлен ряд исследований, посвященных штетлам, т.е. небольшим городам с преобладающим еврейским населением в Восточной Европе, в том числе в Польше в межвоенный период⁸⁰.

Таким образом, на фоне значительного интереса в историографии к смежным проблемам западнорусской истории межвоенного времени тематика городского самоуправления остается практически не изученной. В работах историков было рассмотрено законодательство, регулировавшее деятельность коммунальных органов (работы А. Борко, А. Чернякевича, Г. Новицкого и др.). Также был поднят ряд вопросов относительно содержательных аспектов их функционирования: А. Чернякевич представил характеристику финансового положения и деятельности самоуправления в годы польско-советской войны, Я. Борковский и Я.Е. Милевский осветили отдельные аспекты проведения избирательных кампаний в городские органы, П. Тихорацкий на примере Полесского воеводства в 1930-е гг. затронул вопрос взаимоотношения между территориальным самоуправлением и местной государственной администрацией. Такая проблема, как значение и функции западнорусских городов в социально-экономической и культурной жизни региона, поднималась в работах С. Одляницкого-Почобутта и В. Ормицкого. В то же время эти вопросы не стали предметом систематического анализа и их освещение нельзя считать исчерпывающим.

⁷⁹ *Nowicki H.* Samorząd terytorialny w okresie Drugiej Rzeczypospolitej na kresach wschodnich // *Polska i Ukraina. Sojusz 1920 roku i jego następstwa.* Toruń, 1997. S. 455–470.

⁸⁰ *Hoffman E.* Shtetl: The Life and Death of a Small Town and the World of Polish Jews. New York, 2007; *Kassow S.* The Shtetl in Interwar Poland // *The Shtetl: New Evaluations* / edited by Steven T. Katz. New York and London, 2003. P. 121–139; *Wiesel E.* The World of the Shtetl // *Ibid.* P. 290–306; *Zborowski M.* Life is with People. The Culture of the Shtetl. New York, 1976.

Другие аспекты темы: влияние межнациональных взаимоотношений и изменений польской национальной политики на функционирование городских органов, их финансовое положение, хозяйственная и социокультурная деятельность на протяжении межвоенного времени, остались вне внимания историков.

Целью диссертации является изучение функционирования органов городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1919–1939 гг. на фоне политического и социально-экономического положения региона.

Исходя из поставленной цели, задачи исследования формулируются следующим образом:

1. Рассмотреть роль и функции западнобелорусских городов в экономической и культурной жизни региона;
2. Исследовать влияние польской национальной политики на ситуацию в городском самоуправлении, а также определить его место и роль в развитии межнациональных отношений;
3. Изучить процесс формирования муниципальных органов, проанализировать их политический, социальный и национальный состав;
4. Выяснить характер взаимоотношения городских структур с государственной администрацией;
5. Показать финансовую ситуацию муниципальных органов, охарактеризовать основные направления их деятельности;
6. Оценить эффективность работы органов городского самоуправления, выявив определявшие ее факторы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1919 по 1939 г. Нижняя временная граница совпадает с формированием под эгидой польских властей на захваченных в ходе польско-советской войны белорусских землях органов городского самоуправления, которые прекратили функционирование после начала Второй мировой войны и включения западнобелорусских земель в состав БССР.

Географические рамки. Под западнобелорусскими землями⁸¹ понимаются территории современной Республики Беларусь, которые в 1920–1930-е гг. входили в состав Польского государства. В административно-территориальном отношении они охватывали Новогрудское воеводство, большую часть Полесского воеводства за исключением Камень-Каширского и Сарненского поветов (последний в 1930 г. был включен в состав Волынского воеводства), а также 6 поветов Виленского воеводства (Браславский, Вилейский, Дисненский, Молодечненский, Ошмянский и Поставский) и 2 повета Белостокского (Гродненский и Волковысский).

Научная новизна. В диссертации впервые в историографии освещена история формирования и деятельности органов городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1920–1930-е гг. в контексте политического и социально-экономического положения региона. Также работа представляет собой первое комплексное исследование по истории западнобелорусских городов в межвоенный период. Большинство архивных источников, послуживших основой работы, вводятся в научный оборот впервые.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении межвоенной истории западнобелорусского региона, при подготовке учебных пособий, лекционных курсов и обобщающих трудов по новейшей истории Белоруссии, Польши и Восточной Европы.

Методология и методы исследования. Диссертация написана в соответствии с базовыми принципами исторического исследования – историзма и объективности. В работе были использованы историко-

---

⁸¹ В тексте работы также используется понятие «восточные воеводства Польши», которым в межвоенной статистике обозначались Виленское, Волынское, Новогрудское и Полесское воеводства. В тех случаях, когда нет возможности выделить информацию собственно по западнобелорусским землям, статистические данные приводятся по 4 восточным воеводствам в целом.

генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы исследования, а также общенаучные методы, в частности, анализ, синтез, индукция, дедукция.

Источниковая база. Материалом для диссертации послужили, прежде всего, архивные документы из архивов Белоруссии, Польши и России. Основную роль сыграли фонды Государственного архива Гродненской области (ГАГО) и, особенно, богатое собрание документов Государственного архива Брестской области (ГАБО). Наиболее полезными оказались фонды Полесской (ГАБО. Ф. 1) и Новогрудской воеводских управ (ГАГО. Ф. 551), а также Брестского (ГАБО. Ф. 2), Лунинецкого (ГАБО. Ф. 2002), Несвижского (ГАГО. Ф. 541), Пинского (ГАБО. Ф. 2001) и Столинского поветовых староств (ГАБО. Ф. 2003). К документам этой группы относятся распоряжения местных органов администрации, отчеты об их деятельности в вышестоящие структуры, служебная переписка, протоколы совещаний с участием представителей государственной администрации и местного самоуправления, донесения органов полиции по различным вопросам, отчеты о ревизиях органов самоуправления, жалобы на их служащих со стороны жителей и т.д. Были использованы фонды Брестского (ГАБО. Ф. 5), Гродненского (ГАГО. Ф. 46), Каменец-Литовского (ГАБО. Ф. 9), Индурского (ГАГО. Ф. 47), Несвижского (ГАГО. Ф. 564), Пинского (ГАБО. Ф. 2005), Пружанского городских управлений (ГАБО. Ф. 6). Они содержат протоколы заседаний органов самоуправления, различного рода отчеты об их деятельности, распоряжения городских бургомистров (президентов), городские бюджеты, личные дела служащих, заявления граждан и другую текущую документацию. Названные документы позволяют рассмотреть процесс формирования городских органов, основные направления их деятельности, характер взаимоотношения с государственной администрацией на протяжении межвоенного времени, а также содержат подробную

информацию по социально-экономическому и культурному развитию региона.

Изучить процесс организации городского самоуправления на западнобелорусских землях в период польско-советской войны позволила делопроизводственная документация ГУВЗ, хранящаяся в отделе старинных изданий и рукописей Публичной библиотеки Варшавы (Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy, Dział Starych Druków i Rękopisów, Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich). Кроме того, были использованы фонды иностранного происхождения Российского государственного военного архива (до 1999 г. – ЦХИДК), в частности информационные сообщения и отчеты польских военных властей, МВД, административных властей воеводского уровня, в том числе отражавшие ситуацию на западнобелорусских землях в 1919–1939 гг. (Ф. 308, Второй отдел Генерального штаба Польши (г. Варшава). Ф. 471, Верховное командование Войска Польского (г. Варшава)). В Архиве внешней политики Российской Федерации в аналитических записках и переписке по линии советского внешнеполитического ведомства были выявлены отдельные сведения, касающиеся межвоенной истории западнобелорусского региона (Ф. 122, Референтура по Польше). В круг использованных источников также вошли отчеты Белостокской воеводской управы об общественно-политической ситуации в Белостокском воеводстве, хранящиеся в Государственном архиве в Белостоке и доступные на сайте Подляшской электронной библиотеки⁸². Здесь отражена информация о результатах муниципальных выборов, развитии межнациональных и политических отношений в органах самоуправления, отношении к ним со стороны политических партий и населения.

---

⁸² URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/publication?id=27754&from> (дата обращения: 30.10.2013).

Важным источником являются опубликованные документы. К ним относятся изданные в 1920–1930-е гг. нормативно-правовые акты, принятые как на центральном уровне (парламентом, правительством, отдельными министерствами)⁸³, так и на уровне воеводской администрации⁸⁴; отчеты центральных и местных органов власти Польши, в частности, годовые отчеты воевод, в которых характеризуется деятельность государственной администрации и органов самоуправления и содержатся разнообразные сведения касательно социально-экономического и культурного положения региона⁸⁵. Значимы также подготовленный Полесской воеводской управой (ПВУ) в 1939 г. отчет, где представлен подробный анализ межнациональных отношений в Полесском воеводстве⁸⁶; отчет специальной комиссии польского сейма с характеристикой финансовой ситуации органов самоуправления в Польше⁸⁷; протоколы съездов представителей территориального самоуправления и общественных деятелей, содержащие важную информацию по различным аспектам деятельности коммунальных органов⁸⁸.

---

⁸³ Dziennik Praw Państwa Polskiego. Warszawa, 1919; Dziennik Urzędowy Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. Warszawa, 1919–1939; Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1919–1939.

⁸⁴ Dziennik Urzędowy Województwa Poleskiego. Brześć n/B., 1921–1928; Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. Warszawa; Wilno, 1919–1920; Poleski Dziennik Wojewódzki. Brześć n/B., 1928–1939.

⁸⁵ Sprawozdanie wojewody białostockiego z działalności administracji państwowej i samorządowej na obszarze Województwa Białostockiego za czas od 1.4.1936 do 1.4.1937. Białystok, 1937; Sprawozdanie wojewody nowogródzkiego za 1934/1935 rok o ogólnym stanie województwa, pracy administracji państwowej oraz najbliższych zamierzeniach na przyszłość. Nowogródek, 1935.

⁸⁶ Polski stan posiadania na Polesiu. Brześć n/B., 1939.

⁸⁷ Oddłużenie samorządu terytorialnego. Sprawozdanie Centralnej komisji oszczędnościowo-oddłużeniowej dla samorządu. Warszawa, 1937.

⁸⁸ Pamiętnik zjazdu gospodarczego w Oszmianie w dniu 11 października 1931 roku. Wilno, 1932; Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych miast województwa Poleskiego. Brześć n/B., 1934; Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych w Nowogródku. Nowogródek, 1933; Zjazd miast województw wschodnich

Также были использованы опубликованные архивные документы, в том числе посвященный периоду польско-советской войны второй том издания документов и материалов по истории советско-польских отношений, подготовленный Институтом славяноведения Академии наук СССР и Польской академией наук⁸⁹. Ч. Мадайчик опубликовал подборку документов, отражающую дискуссии в правительственных кругах Польши на тему национальной политики в первые месяцы после государственного переворота 1926 г.⁹⁰ Сборник «Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы» содержит значительное количество архивных документов, освещающих различные стороны жизни города⁹¹. Уже упоминался сборник «Польша – Беларусь (1921–1953)». Подбор документов в данном издании при необозначенной тематической направленности отличается односторонностью: представленные источники 1920–1930-х гг. в основном отражают преследования и дискриминацию белорусского населения со стороны польской власти, тогда как остальные стороны жизни региона составители сборника обошли своим вниманием⁹². Информативная подборка документов по истории западнобелорусского региона в межвоенный период представлена в первом томе издания «Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.»⁹³.

Важную роль сыграли материалы периодической печати. Ценная информация по теме содержится в центральных польских газетах и журналах, посвященных территориальному самоуправлению: в

(Wileńskie, Nowogródzkie, Wołyńskie i Poleskie). II. Pamiętnik, uchwały, rezolucje. Wilno, 1937.

⁸⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. / под ред. Т.Г. Снытко. М., 1964.

⁹⁰ *Madajczyk C.* Dokumenty w sprawie polityki narodowościowej władz polskich po przewrocie majowym // *Dzieje Najnowsze*. 1972. № 3. S. 137–169.

⁹¹ Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / гл. ред. Е.С. Розенблат. Брест, 2009.

⁹² Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов.

⁹³ Рижский мир в судьбе белорусского народа...

издававшейся Союзом поветовых самоуправлений газете «Самоуправление»⁹⁴, центральном органе Союза польских городов «Городское самоуправление»⁹⁵ и журнале «Территориальное самоуправление»⁹⁶, где публиковались аналитические и статистические материалы, освещающие различные стороны функционирования коммунальных органов в межвоенной Польше. Важные сведения касательно положения национальных меньшинств представлены в журнале «Национальные проблемы», издававшемся Институтом исследования национальных проблем⁹⁷. Материалы местной периодики («Брестская газета», «Добрый день», «Полесский экспресс», «Полесская газета», «Полесский голос», «Белостокский курьер», «Полесье» и др.) дают возможность осветить такие вопросы, как эффективность деятельности органов городского самоуправления, отношение к ним со стороны местных жителей, содержат важную информацию, которая позволяет дополнить и перепроверить данные официальных документов⁹⁸.

Интересную информацию можно почерпнуть из воспоминаний генерального комиссара восточных земель Е. Осмолковского, хранящихся в

---

⁹⁴ Samorząd. Tygodnik poświęcony sprawom samorządu terytorjalnego. Warszawa, 1919–1939.

⁹⁵ Samorząd miejski. Organ Związku Miast Polskich. Warszawa, 1921–1939.

⁹⁶ Samorząd terytorjalny. Kwartalnik poświęcony teorji i życiu samorządu terytorjalnego. Warszawa, 1929–1939.

⁹⁷ Sprawy narodowościowe. Dwumiesięcznik poświęcony badaniu spraw narodowościowych. Warszawa, 1927–1939.

⁹⁸ ABC. Pismo codzienne. Brześć n/B., 1927–1928; Chata Polska. Tygodnik ludowy. Białystok; Grodno, 1919–1920; Dziennik Brzeski. Brześć n/B., 1936–1939; Dziennik Poleski. Brześć n/B., 1936; Dzień Dobry! Gazeta Białostocka. Białystok, 1931–1939; Express Poleski. Brześć n/B., 1926–1934; Gazeta Poleska. Pińsk, 1926–1928; Głos Poleski. Pismo tygodniowe. Brześć n/B., 1922–1924; Głos Ziemi Białostockiej. Białystok, 1930–1931; Kurjer Białostocki. Białystok, 1939; Nowy dziennik kresowy. Grodno, 1926–1928, 1930–1933; Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. Miesięcznik. Wilno, 1925–1938; Polesie. Tygodnik informacyjny. Pińsk, 1936–1937; Wschód Polski. Dwutygodnik polityczny. Warszawa; Wilno, 1920–1921.

отделе рукописей Национальной библиотеки Польши⁹⁹, мемуаров Г. Шимановского, являвшегося на протяжении 1930-х гг. депутатом польского сейма от Новогрудского воеводства¹⁰⁰, Я. Элиасберга, управляющего пинской фанерной фабрикой «Тобал»¹⁰¹, и др. Также были использованы публикации на тему актуальных вопросов жизни западнобелорусского региона видных деятелей белорусского политического движения в Польше: руководителя БКРГ Б. Тарашкевича¹⁰², одного из лидеров Белорусской христианской демократии (БХД) Я. Станкевича¹⁰³, А. Луцкевича¹⁰⁴, работы белорусских публицистов В. Сулимы¹⁰⁵, Я. Тарасевича¹⁰⁶.

Наконец, были использованы статистические сведения, содержащиеся в различных статистических сборниках¹⁰⁷ и публикациях итогов переписей в Польше 1921 и 1931 гг.¹⁰⁸

⁹⁹ *Osmołowski J.* Wspomnienia. Biblioteka Narodowa w Warszawie. T. 1. № акс. 6791. T. 2. № акс. 6797.

¹⁰⁰ *Szymanowski G.* Dwanaście lat – wspomnienia z lat 1927–1939. Toruń, 1998.

¹⁰¹ Мемуары Якова Элиасберга // Диаспоры. 2005. № 4. С. 37–59; Там же. 2007. № 1–2. С. 186–216.

¹⁰² *Тарашкевіч Б.* Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады. Мінск, 1991.

¹⁰³ *Станкевіч А.* Выбранае. Мінск, 2008; *Он же.* З Богам да Беларусі. Збор твораў. Вільня, 2008.

¹⁰⁴ *Луцкевіч А.* Барацьба за вызваленне. Вільня; Беласток, 2009.

¹⁰⁵ *Суліма [У.]* Які «самаўрад» гатуе беларускаму народу Польская рэспубліка? Вільня, 1924.

¹⁰⁶ *Tarasewicz J.* Białorusy u świetle praudy. Wilnia, 1935.

¹⁰⁷ Статистический ежегодник России. 1915 г. Петроград, 1916; Западная Белоруссия (статистический справочник). Минск, 1939; *Kwartalnik statystyczny.* Warszawa, 1924–1934; *Mały Rocznik Statystyczny.* Warszawa, 1930–1939; *Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej.* Warszawa, 1920–1930; *Statystyka Samorządowa.* Warszawa, 1930–1934; *Statystyka Samorządu Terytorialnego.* Warszawa, 1934–1937; *Wiadomości Statystyczne Głównego Urzędu Statystycznego.* Warszawa, 1923–1939; *Związki samorządowe województwa Wileńskiego w świetle liczb. Okres 1933/34 roku budżetowego.* Wilno, 1935.

¹⁰⁸ *Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Polska.* Warszawa, 1938; *Ibid.* *Województwo Białostockie.* Warszawa, 1938; *Ibid.* *Województwo Nowogródzkie.*

Круг использованных источников является репрезентативным и позволяет в достаточной степени решить поставленные в исследовании задачи. Корпус официальных документов, как архивных, так и опубликованных, дает возможность изучить различные стороны функционирования городского самоуправления на западобелорусских землях в 1920–1930-е гг., материалы прессы и источники личного происхождения позволяют дополнить и перепроверить официальные сведения.

Положения, выносимые на защиту:

1. В период польско-советской войны для прикрытия экспансионистских замыслов на востоке временный начальник Польского государства Ю. Пилсудский обратился к идее федерации Польши, Литвы и Белоруссии, в рамках которой обещал ввести демократичное местное самоуправление. Однако проведение свободных муниципальных выборов в условиях, когда среди непольского большинства преобладал антипольский настрой, спровоцированный произволом польской армии и гражданской администрации, привел бы к образованию нелояльных к Польше местных органов власти. Допускать этого поляки не собирались. На практике в большинстве случаев состав органов городского самоуправления был образован по назначению властей, вплоть до

Warszawa, 1938; Ibid. Województwo Poleskie. Warszawa, 1938; Ibid. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. Warszawa, 1936; Ibid. Nieruchomości i budynki w miastach. Warszawa, 1935; Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. Województwo Białostockie. Warszawa, 1924; Ibid. T. VII. Cz. I. Województwo Nowogródzkie. Warszawa, 1923; Ibid. T. VII. Cz. II. Ziemia Wileńska. Powiaty: Brasław, Duniłowicze, Dzisna i Wilejka. Warszawa, 1923; Ibid. T. VIII. Województwo Poleskie. Warszawa, 1924; Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Okręg Administracyjny Wileński. Warszawa, 1927; Ibid. Województwo Białostockie. Warszawa, 1927; Ibid. Województwo Nowogródzkie. Warszawa, 1926; Ibid. Województwo Poleskie. Warszawa, 1926.

государственного переворота 1926 г. горожане были лишены возможности каким-либо образом влиять на их работу.

2. Официальной программой национальной политики после государственного переворота Пилсудского 1926 г. была объявлена основанная на идеалах политической нации «государственная ассимиляция». Некоторые пилсудчики подчеркивали роль самоуправления в новой национальной политике: участие в нем представителей всех национальностей на основе принципа равноправия и справедливой репрезентации должно было, по их мнению, гарантировать сближение польского и непольского населения. Однако попытка использовать самоуправление как одно из средств преодоления напряженности в отношениях с национальными меньшинствами закончилась неудачей. Этому способствовала, с одной стороны, неготовность городских жителей, расколотых по этноконфессиональному и политическому признаку, к совместной работе ради общих целей, с другой – отсутствие последовательности в национальной политике государственной администрации, которая на практике постоянно вмешивалась в работу городского самоуправления, направляя ее в русло преимущественного удовлетворения интересов польских жителей.

3. Нараставшее административное давление и фальсификации на муниципальных выборах на протяжении 1930-х гг. привели к ликвидации самостоятельности городского самоуправления. Польские власти использовали полный контроль над ситуацией в муниципальных органах для обеспечения абсолютного преобладания в них поляков, резко сократив представительство национальных меньшинств. К участию в самоуправлении допускались только лояльные депутаты, что сделало невозможным проявление оппозиционных настроений. Превратившись в придаток государственной администрации, городские органы функционировали независимо от воли большинства жителей западнобелорусских городов.

4. В 1930-е гг. органы городского самоуправления стали проводником полонизации западнобелорусского региона, опекая исключительно польское образование, культуру, поддерживая польские производственные и торговые предприятия, поощряя городскую колонизацию из этнически польских земель. Однако национальная и экономическая дискриминация в отношении непольских жителей не способствовала формированию у них лояльности к Польскому государству и принятию ими польской национальной идентичности, а, наоборот, лишь подпитывала их враждебность. Грубая национальная политика польских властей вела к результатам, противоположным ожидаемым.

5. Перспективы развития западнобелорусских городов в межвоенное время практически отсутствовали. Источники дохода муниципальных органов были крайне ограничены, их не хватало на какие-либо масштабные начинания. Государственные инвестиции были незначительными, частный капитал также обходил регион стороной. Такая ситуация, по сути, исключала возможность успешного развития городов. Усилия городского самоуправления принесли ограниченный результат на фоне огромных потребностей и задач. Существенные диспропорции в важнейших показателях хозяйственной и культурной жизни между западнобелорусскими и этнически польскими землями в межвоенное двадцатилетие сохранились.

6. Низкая результативность работы городского самоуправления на западнобелорусских землях определялась его критическим финансовым положением на протяжении практически всего межвоенного двадцатилетия. Другой причиной были профессиональные качества коммунальных деятелей, которые в большинстве случаев демонстрировали пассивность и слабую заинтересованность в развитии городской жизни, неосознание значения своих заданий, были неспособны к эффективной работе по улучшению условий жизни городских жителей. Также

сказывалась неблагоприятная политика центральных властей, которые постоянно сокращали источники финансовых поступлений коммунальных органов в пользу государственного бюджета и одновременно возлагали на них все больше обязанностей, выполнение которых заведомо превышало их возможности.

7. Западнобелорусские города на фоне хозяйственной отсталости региона в значительной степени оставались чисто административно-политическими образованиями, свою функцию торгового, промышленного и культурного центра сельской округи они выполняли в незначительной мере.

Апробация результатов. Основные положения работы отражены в трех публикациях в журналах, входящих в перечень ВАК МОН РФ, а также в выступлении на межуниверситетской научно-практической конференции «Города и сельские поселения Берестейщины: история и современность» (Брест, 2013 г.).

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, а также пяти приложений. Работа построена по проблемно-хронологическому принципу.

Глава 1. Политика польских властей в западнобелорусском регионе в 1920–1930-е гг.

1.1. Общие направления политики властей II Речи Посполитой на западнобелорусских землях

На протяжении 1920–1930-х гг. основной целью польской политики в отношении западнобелорусского региона являлась его полонизация, которая осуществлялась в двух основных направлениях. Во-первых, власти стремились достичь ассимиляции белорусских жителей, т.е., учитывая, что во многих случаях они находились на начальных стадиях формирования национального самосознания, изменить направление этого процесса в сторону принятия польской идентичности. С этой целью осуществлялось подавление всех институциональных форм национально-культурной жизни белорусов – школ, политических, культурно-просветительских, хозяйственных организаций, недопущение использования белорусского языка в общественной жизни, а также навязывание польского языка и культуры через школу, администрацию, армию, конфессиональные организации. В качестве второго средства придания региону «польского характера» выступало преимущественное замещение поляками, в основном выходцами из этнически польских территорий, должностей в государственной администрации, самоуправлении, полиции, школе, организация городской и сельской колонизации.

На протяжении всего межвоенного времени основная цель полонизации региона оставалась неизменной, хотя на разных этапах имели место некоторые вариации в планировании и практическом проведении национальной политики.

В период парламентского правления первой половины 1920-х гг. на фоне политической нестабильности (с 1921 по 1926 г. в Польше сменилось 10 составов правительства) не было выработано последовательной и систематической концепции национальной политики. Действия польской власти в отношении восточнославянского населения укладывались в рамки программных требований национальных демократов, наиболее влиятельной правой партии в стране (эндеки, официальное название в межвоенные годы: Народно-национальный союз, с 1928 г. – Национальная партия). Популярными среди государственной администрации и польского общества в целом националистические лозунги эндеков на практике нашли воплощение в жестком курсе на ассимиляцию белорусского меньшинства, подавлении любых проявлений его национально-культурной жизни. В частности, фактически полностью было ликвидировано школьное образование на белорусском языке.

Отстаивая необходимость скорейшей ассимиляции белорусов, эндеки планировали превратить органы территориального самоуправления в восточных воеводствах в одно из средств достижения этой цели. Для этого предполагалось, во-первых, обеспечить преобладание поляков в самоуправлении, во-вторых, организовать его эффективную работу по улучшению экономического положения и развитию образования и культуры польского населения, что должно было наглядно показать национальным меньшинствам преимущества, которые сулил переход на польскую сторону. Ту часть непольских жителей, которая оставалась нелояльной к Польскому государству, эндеки считали необходимым исключить из участия в самоуправлении с помощью репрессивных мер¹.

---

¹ *Koziello T. Samorząd na kresach wschodnich...* S. 135–137. Националистические лозунги получили официальный статус в кабинете Витоса (май–декабрь 1923 г.), образованном в результате коалиции центристской крестьянской партии «Пяст» с эндеками и христианскими демократами. Коалиция опиралась на письменное соглашение, получившее название «Ланцкоронский пакт», в котором были зафиксированы основные цели нового правительства. Среди них

Шаги польских властей в первой половине 1920-х гг. в отношении местного самоуправления на западнобелорусских землях укладывались в русло именно этих идей.

После государственного переворота 1926 г. и установления режима «санации» (оздоровления) во главе с Ю. Пилсудским была предпринята попытка ревизии национальной политики. В качестве официальной программы вместо прежней политики «национальной ассимиляции» была выдвинута «государственная ассимиляция», основанная на идеалах политической нации. Эта идея предполагала, что при условии лояльности меньшинств государство обеспечит им возможность развития национальной культуры и образования на родном языке, а также будет заботиться об улучшении экономического положения². Бывший вместе с Л. Василевским и Т. Голушко одним из главных теоретиков «государственной ассимиляции» К. Млодзяновский, сразу же после майского переворота сменивший должность полесского воеводы на портфель министра внутренних дел, на заседании правительства в августе 1926 г. подверг критике предшествовавшую политику в отношении непольских жителей, настроившую их против государства. В частности, он указал на нерешенность аграрного вопроса³, низкое качество работы

указывалась необходимость ограничения политических, хозяйственных, культурных прав непольских жителей для обеспечения интересов поляков. В частности, предполагалось достигнуть преобладающее польское влияние в территориальном самоуправлении за счет принятия соответствующего избирательного законодательства (*Szwed R. Samorządowa Rzeczpospolita. Wybór rozpraw i artykułów. Częstochowa, 2002. S. 30; Лисовский С. Формирование основ национальной политики в отношении белорусских земель // Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe. VI. Białystok, 2004. S. 402–403*).

² *Chojnowski A. Концепcje polityki narodowościowej... S. 22–24.*

³ На западнобелорусских землях этот важнейший вопрос приобретал не только экономическое и социальное, но и национальное звучание. Среди крестьян преобладало белорусское население, которое страдало от нараставшего мало- и безземелья, тогда как помещичьи владения, на долю которых приходилось около половины всех пахотных земель, в основном принадлежали полякам.

местной администрации, национальную дискриминацию, «фатальные условия жизни» и др. Министр лапидарно выразил смысл новой программы национальной политики: «Прежде всего (надо) сделать так, чтобы это население (меньшинства. – *А. Д.*) увидело положительную сторону жизни в Польском государстве»⁴. В то же время цель полонизации восточнославянского населения не снималась с повестки дня, но для ее достижения в теории предполагалось использовать ненасильственные методы. На том же заседании Млодзяновский заявил, что не считает нужным содействовать процессу формирования национального самосознания непольских жителей: «Необходимо выяснить реальные культурные, хозяйственные и социальные потребности меньшинств и задуматься, какие из этих потребностей можно и нужно в соответствии с интересами государства удовлетворить и таким образом создать почву для государственной ассимиляции, которая, впрочем, может быть естественным мостом к культурной ассимиляции и, далее, национальной»⁵.

Некоторые пилсудчики (*К. Бартель, В. Славек, Т. Голувко, Л. Василевский, Х. Юзевский, младший брат Юзефа Ян Пилсудский* и др.) рассматривали территориальное самоуправление как одно из средств реализации «государственной ассимиляции». Они предлагали допустить к

Правящие круги Польши стремились не допустить передачу польских имений белорусским крестьянам в ходе проведения земельной реформы, поскольку это в представлении многих поляков ослабило бы польское влияние на этих землях. В частности, в соответствии с законом об осуществлении земельной реформы от 28 декабря 1925 г. максимальный размер земельного участка, не подлежавший отчуждению, в восточных воеводствах составлял 300 га, тогда как в остальных регионах государства – 180 га (*Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. 1926. Nr. 1. Poz. 1. S. 3.). Подробнее см.: *Madajczyk Cz. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce, 1918-1939*. Warszawa, 1956.

Ситуацию обостряла колонизация, называвшаяся осадничеством – переселение поляков из этнически польских воеводств, которым на льготных условиях предоставлялись земельные участки, в том числе высвобождавшиеся в результате земельной реформы.

⁴ *Madajczyk Cz. Dokumenty w sprawie polityki narodowościowej...* S. 141–142.

⁵ *Ibid.* S. 142.

участию в самоуправлении представителей всех национальностей на основе принципа равноправия и справедливой репрезентации, что должно было привести к сотрудничеству в решении локальных проблем и сближению польского и непольского населения⁶. Один из последовательных сторонников «государственной ассимиляции» полесский воевода Ян Крахельский на воеводском съезде старост в конце 1926 г. говорил о необходимости привлечения наиболее деятельных и способных представителей меньшинств к работе местного самоуправления. По его мнению, это соответствовало польским интересам, поскольку позволяло направить их энергию на позитивное решение местных проблем в сотрудничестве с польской властью и было единственной альтернативой вовлечения их в коммунистическую антигосударственную деятельность⁷.

В то же время взгляды пилсудчиков на национальную политику не были точно сформулированы, а практическая реализация постулатов о необходимости более либеральных подходов оказалась половинчатой и непоследовательной. В частности, уступки в отношении белорусского населения после государственного переворота 1926 г. были незначительными и в основном ограничивались сферой образования: на территории компактного проживания белорусов в польских гимназиях было введено изучение белорусского языка, белорусские гимназии в Вильно и Новогрудке получили права общественных школ, что давало их выпускникам возможность поступать в высшие учебные заведения, в Новогрудке было открыто белорусское общежитие, были организованы курсы по подготовке учителей для белорусских школ и др. Увеличилось количество белорусских школ: в 1928–1929 учебном году оно равнялось

---

⁶ *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989. S. 168–169; *Paruch W.* Samorządy w autorytaryzmie... S. 163, 166–167.

⁷ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 4. Д. 1197. Л. 54. Протокол съезда старост Полесского воеводства 17–18 декабря 1926 г.

26, также действовали 52 утраквистические польско-белорусские школы⁸, тогда как в 1925–1926 г. их насчитывалось 7 и 1 соответственно. Насколько незначительными были эти уступки, показывает сравнение со школьным обучением на украинском языке: в 1928–1929 г. число украинских школ составляло 799, польско-украинских утраквистических – 2265. Тогда же функционировало 107 литовских и 26 польско-литовских школ. Белорусский язык в школьном образовании был представлен непропорционально мало: по официальным данным переписи 1931 г. в Польше проживало 990 тыс. белорусов⁹, 4441 тыс. украинцев и 83 тыс. литовцев. Одновременно в восточных воеводствах в конце 1920-х гг. насчитывалось более 4 тыс. польских школ¹⁰.

Однако период даже незначительных шагов навстречу национально-культурным требованиям белорусов в рамках политики «государственной ассимиляции» оказался непродолжительным. Очень скоро польские власти отказались от любых уступок в отношении белорусских жителей, взяв курс на их скорейшую полонизацию. Это, среди прочего, проявилось в

---

⁸ В утраквистических школах, создание которых в этнически смешанных районах Польши было санкционировано языковыми законами в июле 1924 г., обучение должно было вестись в равных пропорциях на польском и языке национального меньшинства. Однако, как показывают исследования историков, польские власти использовали школьный утраквизм как удобный инструмент для ликвидации образования на языке национальных меньшинств. На практике в обучении в утраквистических школах преобладал польский язык, учились в них почти исключительно белорусские, украинские и др. дети, тогда как родители-поляки отдавали своих детей в польские школы (*Torzecki R. Kwestia ukraińska...* S. 74, 96–97; *Mauersberg S. Szkolnictwo powszechnie...* S. 107).

⁹ По оценкам ряда современных исследователей, в действительности эта цифра составляла около 2 млн человек (*Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków...* S. 50; *Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кн. 1. С. 566*).

¹⁰ *Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1927. Warszawa, 1927. S. 407; Ibid. 1929. Warszawa, 1929. S. 395; Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Polska. S. 15.*

действиях, призванных обеспечить полякам преобладающее влияние в органах самоуправления в регионе.

Во второй половине 1930-х гг. «санация» перешла к жесткой националистической политике. Было фактически ликвидировано образование на белорусском языке, закрыты почти все белорусские политические, культурно-просветительские и хозяйственные организации. Национальные меньшинства подвергались нараставшей дискриминации в экономической жизни. Так, в начале 1939 г. на конференции начальников общественно-политических отделов воеводских управ представитель НВУ Рунге сообщал, что в Новогрудском воеводстве по предложению военных властей был установлен запрет на занятие должностей в дорожной и лесной администрации православными жителями; приобретать землю в приграничной полосе, охватывавшей большую часть воеводства, могли только католики¹¹. Власти поддерживали городскую колонизацию на западнобелорусских землях: инициировали переезд польских ремесленников и торговцев, оказывая им организационную и финансовую поддержку, на общественных работах все чаще находили трудоустройство поляки, прибывшие из других регионов страны. «Начатая в середине 1936 г. воеводской управой акция создания польских торговых, промышленных и ремесленных предприятий принесла к настоящему моменту результат в виде нескольких сот христианских предприятий, существующих в различных пунктах воеводства»¹², – утверждалось в тайной записке «К проблеме польского влияния в Новогрудском воеводстве» («Opisowanie zagadnienia polskiego stanu posiadania w województwie Nowogródzkim»), подготовленной НВУ в апреле 1939 г.

---

¹¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2305. Л. 22. Секретный протокол конференции начальников общественно-политических отделов воеводских управ по вопросам религиозной политики в восточных воеводствах. Варшава. 14 февраля 1939 г.

¹² Цит. по: *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сянья: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. С. 202.

1.2. Факторы результативности польской национальной политики

Муниципальные органы, став объектом полонизаторской политики, в свою очередь были призваны сыграть роль одного из важных инструментов проведения полонизации западнобелорусских земель. В 1939 г. ПВУ подготовила тайный доклад «Польское влияние на Полесье» («Polski stan posiadania na Polesiu»), содержащий анализ текущего состояния межнациональных отношений в Полесском воеводстве и планы усиления его польского характера. В этом тексте отмечалось, что государственная власть и органы самоуправления, которые играли решающую роль в полонизации, «теперь придерживаются в своих действиях единой руководящей линии и, исключая решительно, последовательно и систематически чужие национальные влияния и получая все большее доверие местных жителей, ускоряют процесс ассимиляции»¹³.

Однако власти Полесского воеводства были чрезмерно оптимистичны в оценке успехов курса на полонизацию региона. Были достигнуты лишь краткосрочные цели национальной политики: преимущественное замещение поляками должностей в государственной администрации, территориальном самоуправлении, полиции, школе и др., утверждение польского в качестве единственного официального языка в администрации и образовании, были ликвидированы практически все институциональные формы национально-культурного развития белорусов, использование белорусского языка в общественной жизни оказалось под запретом. В то же время все это никак не способствовало достижению

---

¹³ Polski stan posiadania na Polesiu. S. 13.

стратегической цели польской политики в западнобелорусском регионе, т.е. формированию у белорусских жителей польской национальной идентичности и лояльности к Польскому государству.

Следует выделить главные причины провала планов польской национальной политики:

1. Выбор неэффективных методов достижения ее целей: дискриминация представителей нетитульной нации ведет к формированию межэтнических барьеров и препятствует их ассимиляции, т.е. приводит к результатам, противоположным ожидаемым.

2. Отсутствие четкой программы национальной политики и непоследовательность в ее осуществлении на местах.

3. Влияние полонизаторской политики в основном ограничивалось городами и слабо затрагивало белорусское сельское население.

4. Крайняя бедность большинства жителей региона. Критическое хозяйственное положение на западнобелорусских землях на протяжении практически всего межвоенного периода предопределило невозможность осуществления единственного положительного условия в планах национальной политики властей – поднятия уровня жизни населения.

Политика польских властей в отношении непольских жителей на западнобелорусских землях в основном сводилась к дискриминационным и запретительным мерам. Но неравные права и неравные жизненные шансы для польского и непольского населения лишь подпитывали недовольство и враждебность последнего, фиксировали разделительную черту между разными национальными группами. Дискриминация в политической, хозяйственной и культурной сферах, а также произвол местной администрации предопределили негативное отношение большинства белорусов к польской власти и государству. На этом фоне белорусские жители, во многих случаях находившиеся на начальных стадиях формирования представлений о национальной принадлежности,

начинали более четко воспринимать свои национальные и культурные особенности. Т.е. польская политика, которая неизменно ставила цель ассимиляции белорусов в пределах Польского государства, привела к противоположному результату – способствовала формированию белорусского национального самосознания.

При этом не было позитивных условий, которые вели бы на практике к достижению целей полонизаторской политики: перспектив улучшения социального и финансового положения в результате принятия польской идентичности; систематических контактов и сотрудничества представителей различных национальных сообществ, которые обеспечиваются равноправным участием в работе таких как институтов, как органы территориального самоуправления, просветительские, политические, общественные, хозяйственные организации; отсутствие этнических предрассудков.

В конце 1930-х гг. Институт исследования национальных проблем совместно с Виленским университетом Стефана Батория провел полевые исследования, охватившие почти 200 деревень в Виленском воеводстве. Их цель состояла в изучении национального самосознания жителей. С. Вислоух, проанализировав полученные результаты, пришел к выводу, что расширение знания польского языка среди православных жителей вследствие полной полонизации школы происходило одновременно с ростом белорусского самосознания, сопровождавшимся негативным отношением к польским властям и просоветскими симпатиями¹⁴. Причину такой ситуации ученый видел в том, что в национальной политике отсутствовали элементы, «прочно связывающие белорусское православное население с государством и польским народом... А то, что прочно

---

¹⁴ *Mauersberg S.* Szkolnictwo powszechne... S. 42–43; *Zackiewicz G.* Seweryn Wyslouch o probleme kształtowania się białoruskiej świadomości narodowej na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej // Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim / pod red. W. Śleszyńskiego. Białystok, 2007. S. 240–242.

связывает человека с государством – это его индивидуальное осознание гражданской полноценности, его участие в экономической, общественной жизни, в самоуправлении и т.д. на тех же самых правах и в тех же границах, что и другие люди, принадлежащие к т.н. привилегированной национальной группе, т.е. полякам католикам»¹⁵.

В 1937 г. в Гродно состоялась конференция с участием белостокского, виленского, новогрудского и полесского воевод и командующих восточных военных округов корпусов, на которой обсуждались пути усиления «польского характера» («polskości») восточных воеводств. Новогрудский воевода Адам Соколовский на данной встрече утверждал: «Эти земли сильно отличаются от остальных. Они не очень польские. Поэтому их необходимо сделать польскими. Мы завоевали эти земли штыками, но если бы проходил плебисцит, если его провести сейчас, то, известно, результат был бы для нас наверняка сомнительным, не надо себя обманывать... Польша должна быть единой и сплоченной. Кресы – это Польша, но, говоря между нами, нужно их внутренне завоевывать во второй раз. Анализируя национальности, прихожу к следующим выводам. Значительная часть белорусов уже созрела политически и национально. Это еще не угрожающий процент. Для изменения ситуации способы – культурного влияния, а если не хватит – то силы. Мы не требуем слишком многого, и если уже не могут изменить сердца, то должны изменить шкуру. Считаю, что белорусский элемент на Новогрудчине можно изменить, не останавливаясь перед сильными методами, если другие не помогают»¹⁶.

---

¹⁵ Цит. по: *Srebrakowski A. Struktura narodowościowa Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1931–1939 // Przemiany narodowościowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej, 1931–1948 / pod. red. S. Ciesielskiego. Toruń, 2004. S. 147.*

¹⁶ ГАБО Ф. 1. Оп. 8. Д. 1091. Л. 8. Протокол конференции командующих округов корпусов и воевод северо-восточных земель, состоявшейся в Гродно 24 апреля 1937 г.

Белостокский воевода Х. Осташевский в направленном в МВД в июне 1939 г. секретном докладе, посвященном развитию межнациональных отношений в воеводстве, писал о том, что кристаллизация национального самосознания белорусов усиливалась¹⁷. Как следует из аналогичного доклада, подготовленного НВУ в 1939 г., в Новогрудском воеводстве удельный вес жителей с четко оформленным белорусским самосознанием также возрастал¹⁸.

Поскольку планы полонизации белорусов остались нереализованными, единственным действенным средством «усиления польского характера» региона являлась колонизация. Центрами ее притяжения были города, где оседала основная часть переселенцев из этнически польских территорий. В опубликованном в 1926 г. сборнике материалов, посвященных Полесскому воеводству, один из авторов указывал: «...начало постепенно прибывать и прибывает из разных мест страны польское население. Прибыли учителя и чиновники с семьями, железнодорожники, ремесленники, предприниматели, различные торговцы, техники, адвокаты, нотариусы, врачи и т.д. Эти приезжие осели в основном в городах, главным образом в западной части воеводства... Наиболее заметен наплыв польского элемента в Бресте, где в течение последних лет возникло значительное количество польских предприятий и где теперь польский язык постепенно начинает преобладать»¹⁹. Крахельский в 1932 г. писал, что Брест и Пинск, в которых сосредотачивалась прибывавшая в Полесское воеводство польская

---

¹⁷ Там же. Оп. 10. Д. 1574. Л. 10. Проблема усиления польского влияния в Белостокском воеводстве. Секретный доклад Х. Осташевского в МВД. 23 июня 1939 г.

¹⁸ *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сьняня... С. 203

¹⁹ *Bieńkiewicz W.* Niektóre wiadomości o województwie Poleskim // *Rocznik Poleski.* 1927. Brześć n/B., 1926. S. 33.

интеллигенция, за прошедшее десятилетие в своем внешнем виде в значительной степени обрели польский характер²⁰.

Но даже в городах, ставших центрами полонизации, ее результаты были ограниченными. Из приведенных выше свидетельств, среди прочего, следует, что представителям польской общественности в восточных воеводствах нечего было сказать о «польском характере» мелких городов, которые в основном оставались русскоязычными – в первую очередь в результате широкого использования русского языка еврейским населением. Полесский воевода В. Костек-Бернацкий в 1937 г. в тайном сообщении в МВД указывал, что Полесское воеводство по причине аграрного перенаселения и высокой заболоченности местности не может принять сельских колонистов без предварительных огромных вложений в проведение мелиорации, которая позволила бы ввести новые земли в сельскохозяйственный оборот. Взамен он отстаивал необходимость организации польской городской колонизации, отмечая в отношении полесских городов «решительное преобладание еврейского элемента и относительно значительный процент русских и русифицированных полешуков. Польский элемент в городах и местечках – это почти исключительно государственные чиновники и служащие самоуправления и общественных и частных учреждений». По мнению воеводы, помощь в переселении польских купцов и ремесленников должна была привести к ослаблению еврейского характера (*odżydzeniu*) городов²¹. Один из

---

²⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2253. Л. 13. Меморандум Я. Крахельского по проблеме национальных взаимоотношений на Полесье, представленный министру внутренних дел в августе 1932 г.

²¹ Там же. Оп. 8. Д. 1092. Л. 28, 29. Предложения по развитию польских школьного образования и пропаганды. Секретная записка полесского воеводы в МВД. Январь 1937 г. Необходимость интенсификации польской колонизации, в первую очередь городской, в восточных воеводствах стала неизменным пунктом в программах национальной политики как местных, так и центральных властей второй половины 1930-х гг. Только поляки воспринимались как лояльные в отношении Польского государства,

активистов Польской школьной матицы²² Ф. Лещеловский в 1939 г. утверждал, что полесские города в своем большинстве не являются центрами польской культуры и не излучают ее на деревню: «В некоторых городах и местечках Полесья крестьянин еще до недавнего времени встречался с польской культурой только в школе и администрации»²³.

Среди причин низкой эффективности польской национальной политики можно назвать непоследовательность в ее осуществлении на местах на фоне отсутствия четких программ со стороны центральных властей. Во многих случаях дискриминационные по отношению к непольскому населению меры, ставившие поляков в привилегированное положение в политической, хозяйственной, культурной жизни, проводились в жизнь непоследовательно, а нередко практически не затрагивали отдаленные от крупных городов сельские и небольшие городские поселения. Это следует объяснить, в первую очередь, неподобающим исполнением местными органами государственной администрации поставленных перед ней задач, а также малочисленностью польского населения во многих местностях региона. Характерны многочисленные примеры невыполнения на местах категорических требований Костек-Бернацкого по полонизации муниципальных органов и предприятий. По сообщениям органов полиции (подготовленных в 1932

соответственно, увеличение их доли путем переселения из этнически польских земель рассматривалось властями как главное средство обеспечения безопасности восточных воеводств в условиях обострения внешнеполитической ситуации. Как справедливо указывает Е. Миронович, в конце 1930-х гг. сама постановка вопроса о необходимости усиления «польского характера» западнобелорусского региона свидетельствовала о провале планов ассимиляции белорусов и превращения их в лояльных граждан (*Mironowicz E., Tokć S., Radzik R. Zmiana struktury narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku. Białystok, 2005. S. 53*).

²² Одна из крупнейших просветительских организаций в Польше, в межвоенный период сыграла заметную роль в расширении польского образования в восточных воеводствах.

²³ Цит. по: *Вабішчэвіч А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё... С. 169.*

или 1933 г.), в открытой оппозиции к режиму «санации» находились 30 служащих Брестского магистрата, среди них 16 русских и 7 белорусов, в магистрате Пинска нелояльными были названы 14 работников, в том числе 6 русских. Большинство белорусов и русских использовали на службе русский язык, некоторые из них плохо знали польский²⁴. Руководитель следственного отдела брестской поветовой комендатуры государственной полиции А. Бак в 1936 г. в тайном письме сообщал брестскому старосте, что из 73 человек, занятых на строительстве очистных сооружений водопровода в Бресте, абсолютное большинство составляли православные. Руководитель строительства Конажевский «любит окружать себя православными. На него большое влияние оказывает писарь с очистительной станции Ян Соколов, православный, который при каждой возможности поддерживает русских, зато полякам делает разные трудности. В случае увольнения в первую очередь увольняет поляков»²⁵. «Государственные служащие воеводской администрации при исполнении служебных обязанностей используют русский, украинский, белорусский и даже еврейский языки»²⁶, – указывал Костек-Бернацкий в письме брестскому старосте в 1938 г.

Ярким примером провалов, случившихся в полонизаторских усилиях властей, служит Давид-Городок. Располагаясь всего в двух десятках километров от польско-советской границы, он в течение продолжительного времени фактически оставался вне контроля польской администрации. Православные жители города отличались предприимчивостью, в период вхождения белорусских земель в состав Российской империи активно занимались отхожими промыслами и подолгу проживали в великорусских губерниях. В результате они стали

---

²⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1186. Л. 78. Сообщения органов государственной полиции о ситуации в муниципальных органах.

²⁵ Там же. Оп. 10. Д. 2086. Л. 124. Тайное сообщение Брестской поветовой коменды государственной полиции брестскому старосте. 12 декабря 1936 г.

²⁶ Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов. С. 166.

идентифицировать себя с русскими, хотя по своей этнической принадлежности ничем не отличались от белорусского населения региона. Именно благодаря их голосам, отданным за список Русского национального объединения²⁷ на парламентских выборах 1928 г., получил свой мандат единственный представитель русского населения в сейме житель Бреста П. Король. Лидерами русского движения в Давид-Городке являлись Иван Марейко, фельдшер-самоучка, занимавший пост заместителя бургомистра, и православные священники Шолкович и Перепечин. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. православные жители сумели обеспечить себе преобладающее влияние в органах самоуправления города. Это объяснялось, по мнению воеводского инспектора муниципальных органов Я. Хмелевского и начальника отдела общественной безопасности ПВУ Ф. Лещеловского, которые в начале 1933 г. провели инспекцию в Давид-Городке, их хитроумием и знанием дела на фоне безалаберности служащих поляков, а также малочисленностью польского населения города²⁸. Так, по итогам коммунальных выборов 1927 г. из 24 членов совета 16 значились в отчетах как белорусы, которые объявили себя сторонниками РНО (несмотря на то, что в городе и повете не было ячеек этой организации), 8 являлись евреями²⁹.

В рапорте информатора отдела общественной безопасности ПВУ, написанном в 1934 г., была дана характеристика ситуации в муниципальных органах Давид-Городка. В соответствии с ним, белорусы, евреи и русские не только получили все места в городском совете, но и заняли ключевые позиции в магистрате, такие как заместитель

---

²⁷ РНО, крупнейшая политическая организация русского населения в Польше.

²⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 347. Л. 18. Результаты инспекции комиссией ПВУ органов самоуправления Столинского повета, проведенной в период с 13 по 30 января 1933 г.

²⁹ Там же. Д. 1102. Л. 8. Статистические сведения о национальном и партийном составе служащих органов самоуправления Полесского воеводства. Сообщение полесского воеводы в МВД, 23 октября 1929 г.

бургомистра, секретарь, главный бухгалтер и др., а также подчинили своему влиянию поляка бургомистра С. Берднарчика. Они были враждебно настроены к Польскому государству, многие из них в прошлом являлись руководителями местного коммунистического движения. В городском управлении его служащие, также как и жители города, пользовались белорусским языком. Особое возмущение среди польского населения, по словам автора рапорта, вызывало то, что поляки не допускались к работе в управлении и на городских предприятиях, а вакантные места предоставлялись православным жителям³⁰.

Проявлением недовольства поляков Давид-Городка стала жалоба, написанная в ноябре 1934 г. полесскому воеводе на результаты выборов в городской совет, в соответствии с которыми поляки получили меньшинство мандатов. «У нас нет гарантий того, – писали они, – что городской совет изберет достойных людей в управление города. Мы считаем, что на рубежах Речи Посполитой каждый пост должен быть занят порядочными людьми, преданными идее... Юзефа Пилсудского и его правительства, людьми, любящими имперскую Польшу... Мы просим назначить бургомистра города... организовать избрание заместителем бургомистра лесника Н. Гонсовского... избрание в управление города католического священника Ю. Чайки»³¹.

Естественно, представители государственной администрации были готовы считаться с подобными «имперскими» настроениями польского населения, которое рассматривалось как опора власти в регионе, тем более что высказанные претензии разделялись местными чиновниками. В отчете воеводской инспекции, проведенной в середине 1934 г., указывалось, что за годы вхождения Давид-Городка в состав Польского государства мало что было сделано для преодоления результатов русификации из-за

---

³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 236–237. Донесение информатора в отдел общественной безопасности ПВУ. 10 марта 1934 г.

³¹ *Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy...* S. 78.

отсутствия четкой и систематически проводимой местными властями программы национальной политики. Однако «теперь среди местного польского общества проснулось здоровое стремление к экспансии, которое следует направить в нужное русло и усилить путем притока новых сил». Далее говорилось про необходимость замещения руководящих должностей в управлении и на городских предприятиях поляками³².

На выборах в городской совет Давид-Городка в 1934 г. деятели русского движения во главе с Марейко с целью продемонстрировать лояльность присоединились к единому избирательному списку, возглавляемому Беспартийным блоком сотрудничества с правительством (ББСП, блок различных партий и организаций, поддерживавших режим Пилсудского). В официальных отчетах о результатах коммунальных выборов в воеводстве их национальность значилась как «тутэйшие». В итоге в 1934 г. в совет Давид-Городка вошли 11 «тутэйших», 7 евреев и 6 поляков, а в управление – 3 поляка, 1 «тутэйший» и 1 еврей³³.

Как видно, в большинстве случаев усилия по полонизации западнобелорусских городов привели к несущественным результатам.

Помимо характера планирования и осуществления национальной политики, на ее результативность влияли объективные факторы, связанные с особенностями социально-экономического и культурного положения западнобелорусских земель. На фоне общей экономической отсталости региона города лишь в незначительной мере выполняли функцию хозяйственного центра сельской округи. В частности, они практически не выступали в роли торговых центров. Городская торговля зависела от ситуации в аграрном секторе, являвшемся основной отраслью экономики, ее главными предметами были сельскохозяйственная продукция,

---

³² ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 347. Л. 45. Отчет воеводского инспектора муниципальных органов Я. Хмелевского об инспекции Столинского повета, проведенной в период с 24 мая по 7 июня 1934 г.

³³ Там же. Д. 1096. Л. 1. Статистические отчеты о национальном и партийном составе служащих органов самоуправления за первое полугодие 1934 г.

древесина и продукты их переработки. Редкая сеть городов, а также слабое развитие коммуникаций приводили к тому, что торговля охватывала лишь небольшое число ближайших к городам и железнодорожным станциям деревень³⁴. Значительная часть белорусских крестьян вела хозяйство, мало чем отличающееся от натурального, ограничивая свои покупки инвентарем и некоторыми товарами первой необходимости (обычно соль, спички, керосин)³⁵, и, в свою очередь, предлагая собственную продукцию на рынок в ограниченном объеме (в условиях аграрного перенаселения и малоземелья многие крестьянские семьи не могли обеспечить даже собственные потребности в продовольствии). Это означало, что белорусская деревня обеспечивала минимальный спрос на продукты местной промышленности и ввозимые в регион товары и минимальное предложение сельскохозяйственной продукции. Ориентированные на рынок крупные помещичьи хозяйства из-за узости внутреннего рынка обычно вывозили свою продукцию за пределы региона, минуя посреднические услуги городов. Более того, в результате сохранения сельского характера городской застройки и широкого распространения сельскохозяйственных занятий среди горожан, города в значительной степени сами обеспечивали себя продовольствием, что также уменьшало их значение в роли рынков сбыта сельскохозяйственной продукции.

Во второй половине XIX – начале XX вв. многие белорусские города благодаря своему выгодному географическому положению и интенсивному железнодорожному строительству стали центрами транзитной торговли между центральными великорусскими губерниями и польскими землями и западноевропейскими странами, что было важнейшим стимулом их развития. В межвоенные годы выгоды, которые

---

³⁴ *Odlanicki-Poczobutt St. Województwo Nowogródzkie*. S. 169–170.

³⁵ По оценке польского исследователя Я. Орынжины, в Полесском воеводстве потребность в промышленных товарах на 80% удовлетворялась домашним ремеслом (*Tomaszewski J. Z dziejów Polesia...* S. 70).

западнобелорусские города могли извлечь из своего географического положения, были перечеркнуты отсутствием нормальных экономических отношений Польши с СССР и Литвой. Транзитная торговля замерла. Также западнобелорусский регион оказался на периферии от основных портов и производственных и потребительских центров Польши, что, учитывая высокие тарифы на железнодорожный транспорт, приводило к удорожанию ввозимых сюда промышленных товаров и падению цены вывозимой сельскохозяйственной продукции³⁶. Это также вело к падению торговых оборотов.

Западнобелорусские города не были центрами промышленного производства, в минимальной степени выполняя функцию обеспечения сельской округи необходимыми промышленными товарами. На все межвоенное двадцатилетие индустриализация западнобелорусских земель фактически прерывается. После включения в состав Польши они были вынуждены перестраивать свою хозяйственную жизнь в соответствии с потребностями внутреннего польского рынка, что привело к упадку ряда отраслей промышленности (текстильной, табачной, ликероводочной). Бедность населения, неразвитость коммуникаций и отсутствие значительных залежей полезных ископаемых также были неблагоприятными факторами для развития промышленности. Польское государство вкладывало минимальные средства в развитие региона³⁷.

---

³⁶ *Odlanicki-Poczobutt St. Województwo Nowogródzkie*. S. 487–488.

³⁷ К примеру, по состоянию на март 1931 г. на города четырех восточных воеводств приходилось 6,3% общей суммы государственных субвенций и 4,4% долгосрочных кредитов государственных кредитных учреждений, предоставленных городам Польши (*Zjazd miast województw wschodnich...* S. 13). На протяжении середины – второй половины 1930-х гг. основная часть средств, выделявшихся из государственного бюджета на инвестиции в западнобелорусский регион, распределялась через Фонд труда. В 1933–1934 финансовом году на четыре восточные воеводства, в которых проживало 17,3% населения страны, пришлось лишь 4,8% сумм, направленных Фондом труда на общественные инвестиции (*Mały rocznik statystyczny*. 1935. Warszawa, 1935. S. 177). В середине 1930-х гг. объем капиталовложений в восточные

Малая емкость рынка, отсталая инфраструктура, а также риски, привносимые пограничным положением в условиях напряженных польско-советских отношений, не способствовали частным инвестициям.

По уровню индустриального развития регион серьезно отставал от этнически польских воеводств. Крупные фабричные предприятия исчислялись единицами, абсолютно преобладали мелкие кустарные предприятия, в целом производство отличалось технической отсталостью.

воеводства, финансируемых через Фонд труда, заметно увеличился: в 1935–1936 финансовом году он составил 6,9 млн злотых, в 1936–1937 г. – 7,7 млн злотых по сравнению с 2,4 млн в 1933–1934 г. По отношению к общей сумме инвестиций в стране эти цифры составляли 8,4% в 1934–1935 г., 7,9% в 1935–1936 г. и 8,1% в 1936–1937 г., что по-прежнему находилось в сильной диспропорции по отношению к удельному весу региона в численности населения Польши. В конце 1930-х гг. в связи с нараставшей внешнеполитической угрозой польские власти сконцентрировали средства на развитии тяжелой и военной промышленности в пределах т.н. Центрального промышленного округа на территории центральных и южных воеводств. Это привело к сокращению инвестиций в восточные воеводства: в 1937–1938 г. через Фонд труда сюда было направлено 5,1 млн злотых или 7,1% от общепольского показателя (*Mały rocznik statystyczny*. 1938. Warszawa, 1938. S. 274; *Ibid.* 1939. Warszawa, 1939. S. 286). В частности, в соответствии с 4-летним инвестиционным планом на период с июля 1936 г. по июнь 1940 г. инвестиции из Фонда труда в Виленское воеводство должны были ежегодно составлять 5 850 тыс. злотых. На практике же соответствующие капиталовложения в 1937–1938 финансовом году составили 860 тыс. злотых (*Potrzeby inwestycyjne i plany inwestycji na Ziemiach Wschodnich // Rocznik ziem wschodnich*. 1938 / pod red. E. Rülego. Warszawa, 1937. S. 197, 200.), при том что в масштабе страны предусмотренные в рамках инвестиционного плана показатели были значительно перевыполнены (*Landau Z., Tomaszewski J. Gospodarka Polski międzywojennej*. Т. 4. 1936–1939. Warszawa, 1989. S. 107–108). В соответствии с меморандумом, подготовленным управлением Полесского округа Товарищества развития восточных земель на имя премьер-министра Польши в конце 1936 г., послевоенное восстановление Полесского воеводства ограничилось строительством зданий для органов государственной администрации при практически полном отсутствии капиталовложений в производство и транспортную инфраструктуру. По мнению авторов меморандума, такая ситуация «приводила и продолжает приводить к увеличению опасной для нашего государства экономической пропасти, которая образовалась между нашими восточными землями и остальной Польшей» (*Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego*. S. 6).

Доминирующей отраслью стала лесная, за ней по значимости шли добыча полезных ископаемых и пищевая промышленность.

Экономический застой отразился на динамике численности жителей западнобелорусских городов, в большинстве из них до конца межвоенного периода она не достигла довоенных показателей (см. далее). Помимо прочего это означало, что города не могли принять избыточное сельское население и тем самым не способствовали решению проблемы аграрного перенаселения в регионе, актуальность которой постоянно возрастала. Таким образом, в 1920–1930-е гг. городские поселения не выполняли еще одну из своих основных функций. Трудоустройство польских колонистов в органах государственной администрации, на крупных предприятиях и общественных работах окончательно закрывало преимущественно сельскому белорусскому большинству дорогу в города³⁸.

Западнобелорусские города также не являлись центрами культуры для сельской округи, в культурном плане они резко отличались от белорусской деревни и мало соприкасались с ней. Отсутствие высших учебных заведений, недостаточное количество начальных и средних школ даже по сравнению с потребностями городских жителей, полонизация школы делали обучение в городах труднодоступным для сельского населения. Это был следующий момент, способствовавший обособлению города и деревни.

На фоне невыполнения многих экономических функций, национальной и культурной разобщенности с сельской округой, города не стали проводниками влияния польской культуры на белорусскую деревню. В 1939 г. белостокский воевода Х. Осташевский утверждал, что борьба за усиление польского влияния как в городах с многочисленным еврейским населением, так и в белорусской деревне велась хаотично, без опоры на

---

³⁸ *Tomaszewski J. Z dziejów Polesia... S. 64, 176–177.*

продуманный конкретный план, поэтому ассимиляционный процесс за 20-летний период существования возрожденного Польского государства не принес значительных результатов. По словам воеводы, «польский элемент не успел до этого времени не только увлечь за собой, но даже установить связь с белорусской деревней путем втягивания ее в совместную общественную, политическую и хозяйственную организацию. Определяя наиболее лапидарно наше отношение к белорусскому меньшинству – можно сказать, что до этого времени хотели только и упорно добивались, чтобы это меньшинство думало по-польски – ничего взамен не давая и ничего не делая в этом направлении»³⁹.

Степень результативности ассимиляторской политики ярко иллюстрирует ситуация с католическим населением региона, которое воспринималось как наиболее близкое к полякам в культурном плане и, соответственно, легко поддающееся полонизации. Результаты упоминавшихся полевых исследований, проведенных под руководством С. Вислоуха в Виленском воеводстве в конце 1930-х гг., показали, что население Виленско-Трокского и Ошмянского поветов имело смутное представление о своей национальной принадлежности: «Жители или не ориентируются, или неохотно отвечают на подобные вопросы, опасаясь неблагоприятных для себя последствий». Исповедуя за небольшим исключением католичество, а в повседневном общении используя белорусский язык, они декларировали польскую идентичность, обосновывая ее соображениями религиозной или государственной принадлежности. По мнению Вислоуха, это свидетельствовало о том, что уровень гражданской зрелости у католического населения являлся очень низким: «До настоящего времени культурно-воспитательная акция, проводимая государством, самоуправлением и общественными организациями, не проникла слишком глубоко в народные массы. А ведь

---

³⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 12, 13, 15, 19, 20.

надо помнить, что из всей территории восточных земель интересующая нас территория наиболее легко поддается полонизаторским влияниям»⁴⁰.

В проектах национальной политики для достижения цели полонизации белорусов неизменно указывалось на одно положительное условие – улучшение материальных условий жизни. Например, воевода Осташевский в 1939 г. писал: «Желая укрепить польский характер национально смешанных территорий, нельзя ограничиваться только просветительской акцией. Потому что одного слова не достаточно... Необходимо тут провести соответствующие инвестиции в сфере школы, коммуникации, гигиены и т.п. Другими словами, надо этому населению что-то дать и чем-то внушить уважение, и только после этого требовать, чтобы думало по-польски и было настроено лояльно»⁴¹.

Однако на фоне социально-экономической отсталости региона большинство жителей были обречены на крайнюю нищету⁴². «Деревня в восточных поветах воеводства живет в максимально примитивных условиях, живо напоминающих иногда времена средневековья. Нищета и нужда в деревне создают благоприятную почву для разных подрывных

---

⁴⁰ *Wyślouch S.* Polacy i Białorusini-katolicy na terenie Wileńszczyzny. Warszawa, 1938. S. 22–23.

⁴¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 16, 154.

⁴² Уровень жизни жителей западнобелорусского региона отражают цифры по потреблению различных товаров. В частности, в 1934 г. в восточных воеводствах потребление железа на душу населения составляло 1,6 кг (в 3,3 раза меньше среднего по Польше уровня), потребление угля – 21,8 кг (в 17,6 раз меньше), сахара – 4,3 кг (в 2,1 раза меньше), потребление керосина в 1932 г. на одного жителя в восточных воеводствах равнялось 2,3 кг (78,5% от среднего по стране уровня) и т.д. (*Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu izby przemysłowo-handlowej w Wilnie w roku 1935.* Wilno, 1934. S. 5). В то же время средняя продолжительность жизни в восточных воеводствах, которая в соответствии с расчетами польских исследователей в 1927 г. равнялась 45,5 годам, примерно соответствовала среднему показателю по стране (45,9 лет) (*Stańczyk E.* Rodność i umieralność na ziemiach polskich w kontekście teorii przejścia demograficznego // *Wiadomości Statystyczne.* 2009. № 9. S. 29).

лозунгов и чужой пропаганды»⁴³, – утверждал белостокский воевода в том же документе. В 1933 г. командование округа корпуса № 9⁴⁴ в тайном письме сообщало начальнику отдела безопасности ПВУ о нарастающем недовольстве и образовании революционного актива среди белорусского населения, что объяснялось отсутствием заработков, медицинской помощи, голодом, «нищетой и эксплуатацией кресового населения»⁴⁵.

Хотя польские правящие круги отдавали себе отчет в том, что обязательным условием завоевания симпатий среди белорусских жителей было поднятие их благосостояния, они одновременно предпринимали шаги, которые прямо противоречили этой цели. Дискриминация при проведении аграрной реформы, запреты на трудоустройство неполяков в целом ряде профессий, организация переселения поляков и проведение их на более престижные и высокооплачиваемые рабочие места лишали белорусских крестьян перспектив на улучшение своего материального положения и закрывали путь в города, что, между прочим, одновременно ограждало их от влияния польской культуры.

Также сохранялось доминирование евреев в хозяйственной жизни западнобелорусского региона. Так, в конце 1930-х гг. в Полесском воеводстве им принадлежало 60% промышленных, 71% торговых и 76% ремесленных организаций, тогда как полякам – 24%, 16% и 10% соответственно, белорусам – 16%, 13% и 14%⁴⁶. В Белостокском воеводстве евреи являлись собственниками 80% промышленных, 75% торговых предприятий, их представительство в различных видах ремесла

---

⁴³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. С. 153.

⁴⁴ Округ охватывал Полесское и часть Новогрудского, Белостокского и Люблинского воеводств.

⁴⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 114. Л. 23. Командование округа корпуса № 9. Информационное сообщение начальнику отдела общественной безопасности ПВУ. 28 марта 1933 г.

⁴⁶ Polski stan posiadania na Polesiu S. 56.

составляло 40–80%⁴⁷. В Виленском воеводстве соответствующие цифры равнялись 53%, 62% и 47%. При этом в ремесленном производстве христиане начали количественно преобладать только с 1937 г.⁴⁸

В руках евреев целиком находилась развозная торговля, они являлись основными посредниками в хозяйственном обороте между городом и деревней, пользуясь значительным влиянием на сельское белорусское население. Учитывая, что в период вхождения белорусских земель в состав Российской империи евреи активно усваивали русскую культуру и во многих случаях сохраняли пророссийские настроения, их экономическое доминирование вызывало у польских властей беспокойство также с точки зрения целей национальной политики. В упоминавшемся докладе ПВУ указывалось: «... [евреи] захватили практически всю хозяйственную жизнь местного сельского населения, и этим оказывают на него влияние также в других сферах. Используя в отношениях с полешуками искаженный русский язык, они способствуют русификации полешуков и затрудняют полонизацию деревни»⁴⁹.

Также евреям принадлежала большая часть городской недвижимости. В частности, в Полесском воеводстве в конце 1930-х гг. поляки являлись собственниками 16,3% городских строений (при том что их доля среди жителей полесских городов достигла к этому времени 32%), евреи – 46,2% и белорусы – 36,2%. В 1939 г. власти Полесского воеводства утверждали, что евреи используют это преимущество в хозяйственной борьбе за полонизацию полесских городов, затрудняя переселение польских торговцев и ремесленников путем отказа приезжим в найме помещений для магазинов и мастерских или установления завышенных

---

⁴⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 5.

⁴⁸ Там же. Оп. 8. Д. 1092. Л. 6. Польское влияние в Виленском воеводстве. Аналитическая записка. 1938 г.

⁴⁹ Polski stan posiadania na Polesiu. S. 12.

ставок арендной платы. В ряде случаев это привело к разорению и ликвидации польских предприятий⁵⁰.

Наконец, не в пользу поляков складывался показатель естественного прироста населения. На западнобелорусских землях его темпы были самыми высокими в Польше: в 1931–1935 гг. он равнялся 16,4‰ в Новогрудском воеводстве и 19‰ в Полесском при 13‰ в среднем по стране. Такие высокие показатели естественного прироста формировались за счет белорусского населения, о чем свидетельствуют его значения в конфессиональном разрезе. В первой половине 1930-х гг. естественный прирост православных в Польше составлял 16,7‰, католиков – 13,1‰, униатов – 12,5‰, иудеев – 9,5‰⁵¹. Осташевский указывал, что в Белостокском воеводстве в результате очень высоких темпов естественного прироста непольских жителей (по его свидетельству, официальные данные относительно евреев были сильно занижены), удельный вес белорусов в населении на протяжении 1930-х гг. увеличился с 13,5 до 18%, евреев – с 12 по меньшей мере до 12,5%. Соответственно, доля польских жителей сократилась. «Такая ситуация безусловно ведет к ослаблению польских влияний в городах в пользу еврейского элемента, а в деревне в пользу белорусского»⁵², – констатировал белостокский воевода.

---

⁵⁰ Ibid. S. 63.

⁵¹ *Mały rocznik statystyczny*. 1938. S. 45, 46. Значительно более высокие темпы естественного прироста среди православных жителей сохранялись на протяжении всего межвоенного периода. В 1926–1930 гг. его среднее значение для православных составляло 21,8‰, католиков – 15,9‰, униатов – 14‰, иудеев – 9,7‰, в 1936–1938 гг. – 13,9, 11,5, 10,1 и 8,5‰ соответственно (*Mały rocznik statystyczny*. 1939. S. 43).

⁵² ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 4, 5, 20. Имеющиеся данные не позволяют охарактеризовать динамику национального состава городских жителей на протяжении 1930-х гг. в западнобелорусском регионе в целом. Для сравнения, в докладе ПВУ со ссылкой на сведения городских управлений указывалось, что удельный вес польских жителей в городах Полесского воеводства увеличился к 1939 г. до 31,5% (*Polski stan posiadania na Polesiu*. S. 63). В 1931 г. по официальным данным переписи этот показатель равнялся 29,6%, по расчетам автора – 25,2%.

В конце 1930-х гг. местные власти, оценивая польское влияние («polski stan posiadania») в регионе как катастрофическое, единогласно предлагали исправить ситуацию с помощью радикальных мер: введения полного запрета на приобретение любого недвижимого имущества неполяками, исключительного замещения поляками должностей в государственной администрации, самоуправлении, школе, насильственного исключения евреев из ключевых сфер экономики. Например, ПВУ в 1939 г. отстаивала необходимость запрета на участие еврейских предпринимателей в торговле деревом, рыбой, скотом и зерном, организации пассажиро- и грузоперевозок, предлагало принудительно выкупить у них мельницы и др.⁵³ Подобные предложения не оставались пустыми декларациями. В отчете Виленской воеводской управы было указано на специальные привилегии, предоставляемые полякам местной администрацией в сфере коммуникации и строительства. В частности, начиная с 1937 г. концессии на автобусные перевозки евреям не предоставлялись, что позволило увеличить долю концессий, полученных поляками, до 67%, в том числе в сфере пассажирских перевозок – до 75%, судоходные предприятия находились исключительно в руках поляков⁵⁴.

Таким образом, ставившиеся польскими властями цели полонизации западнобелорусского региона остались нереализованными. Национальная и экономическая дискриминация в отношении непольских жителей не способствовала формированию у них лояльности к Польскому государству и принятию ими польской национальной идентичности, а, наоборот, лишь подпитывала их враждебность, жесткая национальная политика польских властей вела к результатам, противоположным ожидаемым. К тому же во многих случаях дискриминационные по отношению к непольскому населению меры проводились в жизнь непоследовательно и нередко практически не затрагивали отдаленные от крупных городов сельские и

---

⁵³ Polski stan posiadania na Polesiu. S. 86, 88; ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 155.

⁵⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1092. Л. 6, 7.

небольшие городские поселения. Западнобелорусские города лишь в незначительной степени выполняли свои функции экономического и культурного центра сельской округи, что ограничивало их роль проводника польского влияния на белорусское сельское население. Польские власти не смогли обеспечить повышение уровня жизни местных жителей, соответственно, единственное положительное условие в планах полонизации белорусов осталось нереализованным. Достижение целей польской национальной политики также затрудняло сохранявшееся доминирование евреев в экономической жизни западнобелорусских земель. Очень высокие темпы естественного прироста белорусов, превышавшие этот показатель среди поляков, препятствовали увеличению доли последних в населении региона.

Глава 2. Формирование органов городского самоуправления, их взаимоотношения с государственной администрацией

2.1. Западнобелорусские города в межвоенный период: демографическая характеристика

Источники позволяют говорить о точном количестве населенных пунктов на западнобелорусских землях, имевших официальный статус городов, начиная с середины 1920-х гг., когда их насчитывалось 35. Во второй половине – начале 1930-х гг. городской статус получили Столбцы (в 1926 г.), Воложин (1929 г.), Молодечно (1929 г.) и Ляховичи (1931 г.). В итоге на момент переписи 1931 г. на западнобелорусских землях насчитывалось 39 городов: 6 в Белостокском воеводстве: Волковыск и Свислочь Волковысского повета, Гродно, Индура и Скидель Гродненского и Одельск Сокольского; 9 в Виленском воеводстве: Вилейка Вилейского повета, Дисна, Глубокое и Докшицы Дисненского, Молодечно, Радошковичи и Раков Молодечненского, Ошмяны и Сморгонь Ошмянского; 10 в Новогрудском воеводстве: Барановичи и Ляховичи Барановичского повета, Воложин Воложинского, Лида Лидского, Несвиж и Клецк Несвижского, Новогрудок и Дятлов (до 1926 г. в составе Слонимского повета) Новогрудского, Слоним Слонимского, Столбцы Столбцовского; 14 в Полесском воеводстве: Брест (официальное название – Брест-над-Бугом), Высоко-Литовск и Каменец-Литовск Брестского повета, Кобрин Кобринского, Коссово и Ружаны Коссовского, Лунинец Лунинецкого, Пинск и Логишин Пинского, Пружаны, Береза (официальное название – Береза-Картузская) и Шерешево Пружанского, Столин и Давид-Городок Столинского. В 1934 г. был ликвидирован городской статус

Логишина, Одельска и Шерешево, до конца межвоенного периода количество городов в регионе равнялось 36.

В годы Первой мировой войны на западнобелорусских землях произошли серьезные демографические изменения. Высокая смертность, эвакуация с западных и центральных белорусских земель на восток на исходе лета 1915 г. приблизительно 1130–1320 тыс. человек¹, вывоз немцами местных жителей на принудительные работы в Германию привели к тому, что большинство городов обезлюдели. В Бресте к 1919 г. по сравнению с 1913 г. количество жителей сократилось примерно в 4 раза, в Гродно – на 54%, в Новогрудке – на 46%, в Слониме – на 66%, Пинске – на 45% и т.д.²

Последствия военных лет и экономический застой на протяжении 1920–1930-х гг. отразились на динамике численности городского населения. Всего межвоенного двадцатилетия было недостаточно, чтобы восстановить довоенное число жителей многих городов. Так, Гродно, население которого накануне Первой мировой войны составляло 61,6 тыс. человек, в 1939 г. насчитывал 50–55 тыс. жителей, в Бресте проживало соответственно 57,3 и 53,3 тыс., Пинске – 39 и 36,7 тыс. (на 1938 г.), Барановичах – 30 и 27 тыс., Волковыске – 18,9 и 14,9 тыс., Дисне – 11,3 и 6,1 тыс., Слониме – 28,4 и 26,7 тыс., и др.³ Единственным городом, где

¹ Гісторыя Беларусі. Т 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XXст.) / гал. рэд. М. Касцюк. Мінск, 2005. С. 443–445.

² *Studnicki W.* Kolonizacja i rozwój gospodarczy naszego Wschodu. S. 24–26; *Шыбека З.В.* Гарады Беларусі (60-я гады 19 – пачатак 20 стагоддзяў). Мінск, 1997. С. 219–220.

³ *Шыбека З.В.* Гарады Беларусі... С. 219–220; *Milewski J.J.* Grodno – miasto i ludność w okresie międzywojennym // Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność (na tle trendów rozwojowych od średniowiecza do 1939 roku) / pod red. A. Woltanowskiego i J. Urwanowicza. Białyсток, 1997. S. 197; ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 12. Отчет о деятельности органов городского самоуправления г. Бреста за 1919–1938 гг.; Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126. Л. 1. Отчет о деятельности городского самоуправления г. Пинска за период с 5 марта 1919 г. по 30 сентября 1938 г.; Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1 / рэд. кал.: М.В.

имел место заметный прирост жителей по сравнению с довоенным временем, была Лида, население которой возросло с 13,1 тыс. в 1913 г. до 26,3 тыс. в 1939 г. Это объясняется положительной динамикой промышленного производства, что также заметно отличало ее от остальных западнобелорусских городов: если в 1927 г. в промышленности Лиды было занято около 340 человек и по объемам промышленного производства в Новогрудском воеводстве она уступала Слониму и Барановичам, то к концу 1930-х гг. здесь трудилось почти 2,7 тыс. промышленных рабочих, а город стал индустриальным центром воеводства⁴. Важнейшей причиной успешного развития Лиды являлось ее удачное расположение в качестве крупного железнодорожного узла: в 1884 г. через город прошла Вильно-Ровенская железная дорога, в 1907 г. – линия Бологое – Полоцк – Седлец.

В 1913 г. доля городского населения на белорусских землях в целом равнялась 11%⁵, в 1921 г. жители западнобелорусских городов⁶ в общей численности населения региона составляли 11,3%⁷, в 1931 г. – 11,8% (в том

Біч і інш. Мінск, 1993. С. 301–302; Там же. Т. 2 / гал. рэд. Б.І. Сачанка. Мінск, 1994. С. 233; Там же. Т. 3 / гал. рэд. Г.П. Пашкоў. Мінск, 1996. С. 321; Там же. Т. 6. Кн. 1 / гал. рэд. Г.П. Пашкоў. Мінск, 2001. С. 336.

⁴ *Ciechanowicz L. Przemysł ludzki w dwudziestoleciu międzywojennym // Ziemia Lidzka. 2000. № 1. URL: http://pawet.net/zl/zl/2000_41/5.html (дата обращения: 05.11.2013).*

⁵ *Шыбека З.В. Гарады Беларусі... С. 59.*

⁶ В переписи 1921 г. в качестве городских поселений учитывались все населенные пункты, количество жителей которых превышало 2 тыс. человек, хотя многие из них в действительности не обладали городским статусом (*Charakter prawny miast w województwach wschodnich // Kwartalnik statystyczny. Warszawa, 1925. Z. 1. S. 219–221*). Поэтому данные за 1921 г. приведены относительно тех населенных пунктов, которые являлись городами на 1931 г., за исключением не охваченных первой переписью Ошмян и Сморгони.

⁷ Рассчитано по: *Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. Województwo Białostockie. S. 30, 71, 94; Ibid. T. VII. Cz. I. Województwo Nowogródzkie. S. 3, 10, 37, 46, 59, 72, 82; Ibid. T. VII. Cz. II. Ziemia Wileńska. Powiaty: Brasław, Duniłowicze, Dzisna i Wilejka. S. 20, 39, 78, 90; Ibid. T. VIII. Województwo Poleskie. S. 3, 21, 30, 34, 43, 51; Pierwszy powszechny spis*

числе 21,5% в Волковысском и Гродненском поветах Белостокского воеводства, 6,1% в белорусских поветах Виленского воеводства, 9,7% в Новогрудском и 14,4% в Полесском воеводстве (без Камень-Каширского повета))⁸. Как видно, степень урбанизированности края в межвоенные годы продолжала оставаться незначительной. Для сравнения, в 1931 г. в Польше в целом в городах проживало 27,2% населения⁹. По переписи 1921 г. население западнобелорусских городов составляло 253 тыс. человек, к 1931 г. эта цифра увеличилась до 378,7 тыс., т.е. примерно в полтора раза. Систематических достоверных данных о динамике изменения численности городского населения на западнобелорусских землях на протяжении 1930-х гг. до сих пор не выявлено¹⁰.

При этом надо учитывать, что в 1920–1930-е гг. количество населенных пунктов с городским статусом в регионе значительно увеличилось: накануне Первой мировой войны их насчитывалось 19¹¹. Еще одним источником роста числа городских жителей в межвоенные годы являлось территориальное расширение городов за счет включения в их состав близлежащих деревень. Так, за межвоенный период площадь

Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Okręg Administracyjny Wileński. S. 3; Ibid. Województwo Białostockie. S. 3; Ibid. Województwo Nowogródzkie. S. 2; Ibid. Województwo Poleskie. S. 3.

⁸ Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. S. 27, 29–31; Ibid. Województwo Nowogródzkie. S. 20; Ibid. Województwo Poleskie. S. 21; Ibid. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. S. 12–13.

⁹ Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Polska. S. 1.

¹⁰ Можно указать лишь на цифру, приведенную ПВУ со ссылкой на данные городских управлений, по которой в городах Полесского воеводства в 1939 г. проживало 171,8 тыс. человек, т.е. примерно на 15% больше, чем в 1931 г. (Polski stan posiadania na Polesiu. S. 63).

¹¹ *Польскі С.* Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917–1941 гг.). Мінск, 1973. С. 126.

Гродно увеличилась с 7,1 до 17,8 кв. км¹², Бреста – с 5,3 до 25 кв. км¹³. При расширении городов принимались во внимание не только экономические, но и политические мотивы. Включение в городскую черту деревень, где преобладали христианские жители, позволяло уменьшить удельный вес еврейского населения, что, в частности, могло серьезно влиять на результаты муниципальных выборов. В одном из отчетов городских властей Бреста указывалось, что включение в черту города территории Брестской крепости в 1933 г. «заметно усилило польский элемент и его влияние на городские дела в общественно-политическом отношении»¹⁴.

В числе проявлений запаздывания процессов урбанизации на западнобелорусских землях было отсутствие крупных городов¹⁵. По данным за 1931 г. 18 из 39 западнобелорусских городов насчитывали до 5 тыс. жителей (к примеру, в Одельске Гродненского повета проживало 1370 человек), население 12 городов составляло от 5 до 10 тыс. человек, 6 городов – от 10 до 25 тыс. Сравнительно крупных городов, чье население превышало 25 тыс., что было основанием для выделения их из повета в отдельную административно-территориальную единицу¹⁶, было лишь 3 –

---

¹² *Milewski J.J.* Grodno... S. 191–192.

¹³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 7–9.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Крупнейшим городом, экономическим и культурным центром северо-восточного региона межвоенной Польши было Вильно, насчитывавшее в 1931 г. более 190 тыс. жителей. Этот город являлся центром белорусского общественно-политического движения всех политических оттенков, местом сосредоточения белорусской интеллигенции. Другим крупным политическим и экономическим центром региона, также оставшимся за территориальными рамками данного исследования, был Белосток (91 тыс. жителей в 1931 г.).

¹⁶ В административном отношении территория Польши делилась на воеводства, воеводства состояли из поветов, поветы из гмин. Во главе государственной администрации воеводского уровня стоял воевода, поветовую администрацию возглавлял староста. Гмины, административно-территориальные единицы первичного уровня, делились на городские и сельские, последние в восточных воеводствах объединяли несколько сельских населенных пунктов.

Органы самоуправления городов, население которых не достигало 25 тыс. человек, наряду с органами сельского самоуправления, представленными

Брест (47,5 тыс.), Гродно (48,5 тыс.) и Пинск (32 тыс.)¹⁷. Позже в эту категорию вошли Барановичи.

Между мелкими и более крупными городами существовали заметные различия, касавшиеся всех сторон их жизни. Во многих случаях мелкие города считались таковыми лишь в силу формальных предписаний, фактически по количеству и роду занятий населения, характеру застройки они ничем не отличались от окружавших их деревень. Образ жизни основной части их жителей оставался типично сельским. Любые удобства, ассоциирующиеся с городской жизнью – водопровод, канализация, освещение, вымощенные дороги, тротуары и др. – в тех западнобелорусских городах, где они имели место, охватывали лишь их центральную часть. Незначительные бюджеты мелких городов практически целиком уходили на содержание самих муниципальных органов, которые проявляли минимальную активность по решению хозяйственных и социальных задач. В невыделенных городах перечень городских предприятий обычно ограничивался скотобойнями, электростанциями и рынками, в ряде малых городов муниципальных предприятий не было вообще. Тяжелая финансовая ситуация, а также недовольство жителей, для которых содержание городских органов становилось непосильным бременем, являлись причиной перевода в разряд сельских населенных пунктов Одельска, Логишина и Шерешево,

---

гминными советами и управлениями во главе с войтом, были подконтрольны самоуправлению поветового уровня. Распорядительным органом поветового самоуправления являлся поветовый сеймик (с 1933 г. – совет), члены которого избирались сельскими советами и советами невыделенных городов, исполнительным органом был поветовый отдел, члены которого за исключением председателя избирались сеймиком. Председателем поветового отдела и, соответственно, главой всего поветового самоуправления являлся староста. Города с более чем 25 тыс. жителей образовывали самостоятельную административно-территориальную единицу, непосредственным надзорным органом для них являлась воеводская администрация.

¹⁷ Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Nieruchomości i budynki w miastach. S. 15–16.

поднимался вопрос ликвидации городского статуса Высоко-Литовска, Каменец-Литовска, Сморгони и др. Также политическая жизнь в небольших городах была затруднена. В частности, муниципальные выборы здесь часто принимали формальный характер и были лишены черт политической борьбы¹⁸. Их жители особенно легко поддавались давлению со стороны местной администрации¹⁹.

Принципиальным является вопрос о национальной структуре городских жителей, которая резко отличалась от национального состава региона в целом с преобладавшим сельским белорусским населением. Основным источником соответствующей информации являются польские переписи 1921 и 1931 г., несмотря на имевшие место в ходе их проведения фальсификации. По официальным данным переписи 1921 г. 116,6 тыс. (46,1%) жителей западнобелорусских городов относили себя к евреям, 99,4 тыс. (39,3%) – к полякам, 32,3 тыс. (12,8%) – белорусам, 3,4 тыс. (1,4%) – русским, 0,3 тыс. (0,1%) – украинцам и др. Иудеями по вероисповеданию являлись 139,9 тыс. (55%), католиками – 60,6 тыс. (24%), православными – 50,5 тыс. (19,9%) (см. приложение 2).

Вопрос о национальной принадлежности в переписи 1931 г. не ставился, соответствующая информация отражена в рубриках о родном языке и вероисповедании. В соответствии с ней, 148 тыс. (39,1%) жителей западнобелорусских городов²⁰ родным языком считали польский, 142 тыс.

---

¹⁸ Так, во время проведения муниципальных выборов в Логишине в 1930 г. основная часть жителей не проявила к ним никакого интереса, организации, претендовавшие на депутатские места, за исключением коммунистов, не проводили предвыборную агитацию. Пять избирательных списков, представленных в избирательную комиссию, не имели названий и четких политических ориентаций (ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 475. Л. 57. Отчет о выборах в городской совет Логишина).

¹⁹ Historia Polski. T. IV. 1918–1939. Cz. 3 (1926–1935). Warszawa, 1978. S. 359–360; *Jakubowski W.* Bilans polityczny wyborów samorządowych // Światło. 1939. № 6–7. S. 5.

²⁰ Одельск, входивший в состав Сокольского повета с преимущественно польским населением, в расчеты не включен, поскольку данные переписи 1931

(37,5%) – идиш, 27,1 тыс. (7,2%) – белорусский, 25,4 тыс. (6,7%) – иврит, 16,4 тыс. (4,3%) – русский, 1,1 тыс. (0,3%) – украинский и др. В качестве родного языка 17,7 тыс. человек (4,7%) был указан «тутэйший», т.е. местный (перепись 1921 г. в западнобелорусских городах зафиксировала лишь 6 «тутэйших»). Иудейского вероисповедания придерживались 170,8 тыс. (45,1%) горожан, католического – 126,9 тыс. (33,5%), православного – 76,3 тыс. (20,2%) (см. приложение 3).

Сегодня большинство исследователей национальной структуры населения на западнобелорусских землях в межвоенный период сходится в том, что при определении национальной принадлежности следует основываться на декларациях жителей о вероисповедании, а не о национальности или родном языке²¹. Это позволит избежать искажений, связанных с тем, что многие смешивали понятия государственной и национальной принадлежности, со стремлением части непольских жителей продемонстрировать лояльность польским властям и избежать возможных преследований с их стороны, указав принадлежность к польской нации или польский язык в качестве родного, прямыми подлогами при проведении переписей и др. Можно считать, что количество польского и еврейского населения соответствовало числу лиц католического и иудейского вероисповедания соответственно, тогда как православными являлись в основном белорусы, русские и украинцы²². Поскольку не стоит ожидать

г. о языковой и конфессиональной структуре жителей были опубликованы лишь в масштабе поватов. Как свидетельствовал Э. Штурм де Штрём, возглавлявший во время проведения переписи Главное статистическое управление Польши, по требованию центральных властей такая информация в отношении отдельных населенных пунктов за исключением выделенных городов была скрыта, потому что в этом случае искажения сведений в восточных воеводствах были бы особенно явными (*Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków... S. 37*).

²¹ *Eberhardt P. Polska ludność kresowa. Rodowód, liczebność, rozmieszczenie. Warszawa, 1998. S. 66; Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków... S. 41–43.*

²² Такое допущение основывается на том факте, что в условиях несформированности национального самосознания у большинства жителей

существенных искажений числа русских, чье национальное самосознание было четко оформленным, а доля среди горожан в любом случае невысока, число белорусов можно определить как разницу между количеством православных и русских и украинцев. В этом случае к ним будут относиться помимо тех, кто по национальности или родному языку значился по результатам переписей как белорусы, также основная часть «тутэйших» и поляки-некатолики. Лица, считавшие родным языком «тутэйшій», которые при проведении переписи 1931 г. были зафиксированы исключительно в Полесском воеводстве, говорили на

региона важнейшим маркером национальной принадлежности выступало вероисповедание. Католическое вероисповедание традиционно воспринималось как указание на принадлежность к польской нации, тогда как православными в большинстве случаев являлись восточнославянские жители.

Правомерность этого допущения подтверждается рядом свидетельств. Например, в архивных фондах удалось найти информацию о национальном составе ряда поватов Полесского воеводства, подготовленную в 1924 г. старостами и бургомистрами по запросу военных властей. В соответствии с этими данными, в Кобрине поляки составляли 11,6% населения (по переписи 1921 г. 11,9% жителей города значились как католики, 55,4% – как поляки), в Коссово – 13,9% (15% и 26,9% соответственно), Ружаны – 17,2% (18% и 43,6%), Высоко-Литовске – 3,7% (3,7% и 18%), Каменец-Литовске – 10,8 % (6,7% и 7,4 %) (ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 22–23, 67–68, 85). Как видно, доля поляков среди жителей большинства указанных городов по данным за 1924 г. в целом сопоставима с удельным весом католиков, приведенным по переписи 1921 г. Полесский воевода Я. Крахельский в 1932 г. представил министру внутренних дел обширную докладную записку, посвященную анализу межнациональных отношений в Полесском воеводстве. Здесь он утверждал, что указанное в переписи 1931 г. количество польского населения в воеводстве было на 20–25 % больше действительного (ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2253. Л. 6). Если это соотношение применить к городам Полесского воеводства, число поляков вновь будет примерно соответствовать числу католиков (*Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Województwo Poleskie. S. 21*). По мнению начальника отдела самоуправления НВУ Ц. Галасевича, в середине 1930-х гг. удельный вес польских жителей в населении городов Новогрудского воеводства равнялся 31% (*Galasiewicz C. Ziemia powogródzka... S. 46*). Для сравнения, в соответствии с данными переписи 1931 г. 45,3% горожан в Новогрудском воеводстве родным языком считали польский, 37,1% являлись католиками (*Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Województwo Nowogródzkie. S. 20*).

местных диалектах белорусского или украинского языков. Они идентифицировали себя как местные жители, не поднимаясь до осознания своей национальности. Чтобы разделить данную категорию между белорусским и украинским населением, польский историк Е. Томашевский предложил допустить, что соотношение белорусов и украинцев среди «тутэйших» соответствовало их пропорции среди жителей, давших точный ответ относительно родного языка²³. Соответствующие расчеты по отдельным поветам Полесского воеводства позволяют предположить, что среди «тутэйших» приблизительно 16 тыс. человек являлись белорусами и 1,6 тыс. украинцами. Исходя из названных допущений можно считать, что в 1921 г. примерно 55% жителей западнобелорусских городов являлись евреями, 24% – поляками, 18,5% – белорусами, 1,4% – русскими, 0,1% – украинцами. В 1931 г. еврейские жители составляли около 45%, поляки – 33,5%, белорусы – примерно 15%, русские – 4,3%, украинцы – 0,7% и т.д.²⁴

Налицо тенденция увеличения удельного веса поляков, связанная, в первую очередь, с прибытием в регион из этнически польских территорий

---

²³ *Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków... S. 45–47; Idem. Rzeczpospolita wielu narodów... S. 30–32.*

²⁴ Нужно заметить, что среди этнических поляков в межвоенный период было небольшое число православных. Также были белорусы-католики, т.е. те, кто исповедовал католицизм, а в повседневном общении использовал белорусский язык. Причем их численность значительно превышала категорию поляков-православных: к группе белорусов-католиков относились многие сельские жители в Виленском и северной части Новогрудского воеводств, в меньшей степени жители мелких городов. Точно определить в количественном отношении эти две категории населения не представляется возможным. Укажем на мнение Томашевского, который ссылается на исследования Ю. Зарембы 1930-х гг., показавшие, что белорусы-католики составляли около 9% всего населения Новогрудского воеводства. Это соотношение в своих расчетах численности различных национальностей в межвоенной Польше Томашевский предлагал перенести на Виленское воеводство (*Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków... S. 46–47; Idem. Rzeczpospolita wielu narodów... S. 115–116*). Как поляки-православные, так и белорусы-католики в официальных результатах переписей 1921 и 1931 гг. входили в категорию поляков (польскоязычных).

польских чиновников, интеллигенции, военнослужащих и рабочих, оседавших в основном в городах и приграничных районах. Одновременно сократилась доля двух других крупнейших групп населения – евреев и белорусов.

В 1931 г. основным видом деятельности 12,7% жителей западнобелорусских городов являлось сельское хозяйство, рыболовство и лесное хозяйство, в промышленности было занято 34,9% горожан, в торговле и страховании – 17,1%, коммуникации – 9,4%, здравоохранении, образовании и культуре – 4,5%, домашней службе – 2,6%, к категории государственных и коммунальных служащих, а также священнослужителей относились 7,8%²⁵. В регионе имело место достаточно четкое разделение по характеру трудоустройства в зависимости от национальной принадлежности жителей. Наиболее высокооплачиваемую и престижную работу обычно получали поляки, в большинстве случаев прибывавшие из этнически польских регионов государства. Они, как правило, замещали должности в государственной администрации и полиции, на государственных предприятиях, в частности на железной дороге и почте, в лесной администрации, а также на крупных фабричных производствах. В мелком кустарном производстве, торговле и ремесле абсолютно преобладали евреи. Поляки и евреи также составляли большинство среди интеллигенции, кроме того в этой группе сравнительно многочисленное представительство было у русских. Белорусы в городах преимущественно занимались земледелием и выполняли не требующую высокой квалификации работу на производстве и в домашнем хозяйстве, среди предпринимателей и интеллигенции их представители были малочисленны.

---

²⁵ Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. S. 70, 71; Ibid. Województwo Nowogródzkie. S. 57; Ibid. Województwo Poleskie. S. 63; Ibid. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. S. 35.

2.2 Городское самоуправление на западнобелорусских землях в 1919–1926 гг.

Белорусские земли, доставшиеся Российской империи в конце XVIII века в результате разделов Речи Посполитой, в период Первой мировой и последовавшей за ней польско-советской войн стали ареной масштабных военно-политических потрясений. В 1915 г. их западная часть до линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск была оккупирована германскими войсками. В феврале 1918 г. в результате немецкого наступления под оккупацией оказалась большая часть современной белорусской территории. После капитуляции Германии в ноябре 1918 г. началась эвакуация ее войск с захваченных на востоке земель, сразу вслед за отходившими немецкими войсками их занимали части Красной Армии. В результате к началу 1919 г. практически на всех белорусских землях установилась советская власть.

Восстановление польской государственности в ноябре 1918 г. поставило на повестку дня проблему территориального размежевания с соседями. В Польше была популярной идея расширения восточных границ до исторических пределов Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, которые охватывали белорусские, литовские, украинские территории, а также Смоленщину. При этом большевистское руководство готово было признать Польское государство в этнических пределах. Схожую позицию заняли державы Антанты. Так, в декларации Верховного совета Антанты от 8 декабря 1919 г. Польше рекомендовалось рассчитывать на безусловное признание за ней только этнической территории к западу от линии, примерно соответствовавшей границе

бывшего Привислинского края Российской империи, в последующем получившей название «линии Керзона»²⁶.

В таких условиях временный начальник и верховный главнокомандующий Польского государства Ю. Пилсудский, в руках которого оказалась практическая реализация польской восточной политики, с целью избежать обвинений в экспансионизме поддержал идею федерации Литвы и Белоруссии под покровительством Польши. Таким способом он надеялся замкнуть Россию на западе в ее этнических границах и коренным образом повлиять на расстановку сил в Восточной Европе в свою пользу²⁷.

Но федералистские идеи не имели реальных предпосылок для осуществления, поскольку их сторонников на литовских и белорусских землях практически не было. Руководство Литовского государства категорично отклонило предложения образования федерации с Польшей. Среди белорусов также не было подходящих влиятельных партнеров, более того, у Пилсудского не прослеживалось сколько-нибудь определенной и последовательной поддержки идеи независимой Белоруссии. Он использовал программу федерации инструментально, рассматривая ее в качестве удобного пропагандистского лозунга в войне за восточные территории. Пилсудский, выходец из этих мест (Вильно, в окрестностях которого он родился и в котором учился в гимназии, можно назвать его родным городом), считал их включение в состав Польши, неважно, каким способом, первоочередной задачей²⁸. Об этом

---

²⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. С. 431–432.

²⁷ *Gostyńska W.* Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919. Warszawa, 1972. S. 150.

²⁸ *Chojnowski A.* Zasady białoruskiej polityki piłsudczyków // Polska – Polacy – mniejszości narodowe / pod red. W. Wrześnińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. S. 270–271; *Lewandowski J.* Federalizm, Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI 1918 – IV 1920). Warszawa, 1962. S. 79; *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории... С. 89; *Михутина И.В.* Польско-советская война... С. 62–63, 74–75.

свидетельствуют многочисленные документы, в частности, его письмо, направленное в апреле 1919 г. Л. Василевскому в Париж: «Предполагаю, что в ближайшее время смогу немного приоткрыть двери в политику, связанную с Литвой и Белоруссией. Ты знаешь, что мои взгляды в этом отношении основываются на том, что я не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока не буду иметь возможность говорить об этих делах более или менее серьезно – и с револьвером в кармане. В связи с тем, что во всем божьем свете, похоже, начинает побеждать болтовня о братстве людей и народов и американские доктринки, я охотно склоняюсь на сторону федералистов»²⁹. Уже в конце 1920 г. лозунг федерализма был снят с повестки дня польской восточной политики, планы создания союзных Польше буферных государственных образований на белорусских, литовских и украинских землях, призванных обезопасить ее от восточного соседа, остались нереализованными³⁰.

В феврале 1919 г. польская армия начала наступление на восток, образовалась линия польско-советского фронта. Военный перевес в течение 1919 г. обеспечил Польше овладение большей частью белорусских земель до линии Двинск – река Западная Двина – Лепель – Борисов – реки Березина – Птичь – Припять³¹. Таким образом, эти территории фактически оказались в режиме военной оккупации.

Хотя идея создания федерации в пределах бывшего Великого княжества Литовского была далека от осуществления и вопрос о принадлежности оккупированных польскими войсками восточных земель на международно-правовом уровне оставался открытым, варшавское руководство в рамках федералистской программы приступило к формированию здесь управленческих структур по типу гражданской

---

²⁹ *Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. 5. Warszawa, 1937. S. 73.*

³⁰ *Борисёнок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории... С. 128–129.*

³¹ *Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003. С. 108.*

администрации. Весной 1919 г. было образовано Гражданское управление восточных земель, возглавляемое генеральным комиссаром восточных земель, который наделялся высшей законодательной и исполнительной властью. На эту должность Пилсудский назначил сначала родившегося на Украине историка Людвика Колянковского, а с 5 мая 1919 г. его сменил польский помещик из-под Пинска, сторонник федерации полковник Ежи Осмоловский. Компетенция ГУВЗ распространялась на находившуюся под польским контролем территорию к востоку от границ бывшего Царства Польского за исключением Белостокского, Сокольского и Бельского поветов (уездов), которые были включены в состав Польши³². В административно-территориальном отношении ГУВЗ делилось на Брестский, Виленский, Волынский и Минский округа.

В своих заявлениях касательно федералистской программы Пилсудский и руководители ГУВЗ немалую роль отводили региональному самоуправлению. Из их деклараций следовало, что свободные местные выборы должны были стать практическим подтверждением намерения польской власти учитывать мнение и интересы жителей различных национальностей в управлении краем³³.

Весной–летом 1919 г. на оккупированных польскими войсками

---

³² Rozkaz Naczelnego Wodza W.P. mianujący p. Jerzego Osmałowskiego Komisarzem Generalnym Ziem Wschodnich // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. 1919. № 3. Poz. 10. S. 1; Rozkaz Naczelnego Wodza W.P. dotyczący organizacji zarządu cywilnego na obszarach wschodnich zajętych przez wojska polskie // Ibid. Poz. 15. S. 3–4.

³³ В сентябре 1919 г. в выступлении перед представителями различных национальных и конфессиональных организаций в Минске Пилсудский обещал местным жителям возможность принятия свободного решения о характере будущего государственного устройства белорусских земель. Первым шагом в этом направлении, по его словам, должна была стать возможность «начать управлять самим в органах самоуправления» (*Pilsudski J. Pisma zbiorowe*. Т. 5. S. 107). В отчете ГУВЗ о своей деятельности и состоянии региона, опубликованном в конце 1919 г., организация городского и сельского самоуправления называлась в качестве его главной задачи (*Ziemia wschodnie. Sprawozdanie ze stanu kraju*. Warszawa, 1919. S. 59).

белорусских землях действовали временные органы городского управления, члены которых обычно назначались польскими властями. 27 июня 1919 г. генеральный комиссар принял временный закон о городах, согласно которому городскую администрацию представлял магистрат в составе бургомистра (городской голова), его заместителя и лавников (заседателей). В соответствии с данным актом состав магистратов назначался ГУВЗ³⁴.

Формирование выборных органов городского самоуправления было санкционировано распоряжением о выборах во временные городские советы, изданным 25 июня 1919 г. В соответствии с ним активным избирательным правом пользовались все лица старше 21 года, проживавшие постоянно в пределах города не менее 10 месяцев. Пассивное избирательное право предоставлялось горожанам, достигшим 25 лет и владевшим грамотой. Советы выбирались сроком до 1 июля 1922 г. в ходе всеобщих, равных, тайных, прямых и пропорциональных выборов³⁵. Распоряжением генерального комиссара от 13 августа 1919 г. в Бресте срок проживания для получения избирательного права был снижен с 10 до 3 месяцев в связи с резким уменьшением числа жителей за годы Первой мировой войны³⁶.

Следующим шагом стал закон о городах от 14 августа 1919 г., который определял структуру и полномочия муниципальных органов, представленных городскими советом и магистратом. Совет являлся распорядительным и контролирующим органом городского самоуправления. В его состав входили советники (гласные) и члены магистрата. Советники избирались населением города сроком на три года. Их обязанности являлись почетными и не оплачивались. В зависимости от

---

³⁴ Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. 1919. № 7. Poz. 46. S. 47–48.

³⁵ Ibid. Poz. 44. S. 42–43.

³⁶ Ibid. № 13. Poz. 111. S. 137–138.

количества жителей города число советников колебалось от 12 до 70. К компетенции городских советов относилось управление муниципальным имуществом, утверждение бюджета города, принятие местных налогов и платежей, формирование городской администрации, контроль деятельности всего городского управления и т.д. Заседания совета собирались по мере необходимости, но не реже, чем один раз в месяц³⁷.

Постоянно действующим исполнительным органом городского самоуправления являлся магистрат. В его состав входили возглавлявший городские органы бургомистр, его заместитель (в Бресте и Гродно президент и вице-президент) и лавники, получавшие жалование из городской казны. Количество членов магистрата не могло превышать 10% от числа советников. Члены магистрата избирались городским советом на три года, до конца срока полномочий совета. К компетенции магистрата относилось исполнение постановлений городского совета, управление имуществом, доходами и расходами города, подготовка проектов городских бюджетов и отчетов об их исполнении, распределение налогов и городских повинностей, представление отчетов о состоянии городского хозяйства и др.³⁸

Администрация ГУВЗ наделялась значительными полномочиями по контролю над деятельностью самоуправления. Она имела право отменять решения последнего, принимать на себя выполнение функций муниципальных органов, когда те с ними не справлялись. Генеральный комиссар мог распустить городской совет или лишить его члена мандата³⁹.

Закон о городах от 14 августа 1919 г. был основан на декрете о городском самоуправлении от 4 февраля 1919 г., который определял организацию городских органов на территории Польского государства, прежде относившейся к Царству Польскому. Однако по сравнению с ним

---

³⁷ Ibid. № 12. Poz. 99. S. 125–129.

³⁸ Ibid. S. 129–130.

³⁹ Ibid. S. 131.

законодательство ГУВЗ включало дополнительные положения, которые уменьшали степень самостоятельности городских властей. В частности, выбор бургомистров и их заместителей (президентов и вице-президентов) требовал утверждения со стороны администрации. В случае отказа в утверждении организовывались новые выборы. Если же во второй раз избранные кандидаты не утверждались, генеральный комиссар осуществлял назначение на соответствующие должности⁴⁰.

В качестве делопроизводственного языка был установлен польский, что заведомо ограничивало доступ непольского населения к должностям в официальной сфере. В законе о городах было прописано, что на польском языке «осуществляется коммуникация городских органов между собой, а также с властями и частными лицами. Протоколы и акты составляются на польском языке. В остальном все местные (kraјowe) языки являются равноправными»⁴¹. Эта формулировка означала, что непольским членам самоуправления разрешалось использовать родной язык во время дискуссий и обсуждений на заседаниях городских органов. К числу «местных» языков были отнесены белорусский, литовский и украинский, тогда как использование русского и еврейских языков в работе местного самоуправления оказалось под запретом.

Подчеркнем, что таким образом деятельность городского самоуправления на территории ГУВЗ регулировалась специальными правовыми актами, содержание которых отличалось от соответствующего законодательства в других регионах Польского государства. Законы ГУВЗ в сфере территориального самоуправления, предоставлявшие администрации широкие возможности контролировать как процесс формирования персонального состава городских органов, так и их функционирование, действовали на западнобелорусских землях до 1933 г.

---

⁴⁰ Dziennik Praw Państwa Polskiego. 1919. № 13. S. 166–169.

⁴¹ Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich ZCZW. 1919. № 12. Poz. 99. S. 131.

По вопросу определения статуса населенных пунктов был избран формальный критерий, а именно количество жителей. 16 августа 1919 г. генеральный комиссар издал распоряжение об устройстве местечек. В соответствии с ним населенные пункты, где проживало менее 2 тыс. жителей, были отнесены к разряду сельских. Насчитывавшие от 2 до 4 тыс. получили статус местечек⁴². В этом документе заявлялось, что в скором времени будет принят отдельный закон, регулирующий организацию органов самоуправления в местечках, который, однако, так и не увидел свет. В ноябре 1919 г. на местечки было распространено действие временного закона о городах от 27 июня 1919 г.⁴³, в них по назначению польской администрации были образованы магистраты⁴⁴. Населенные пункты с количеством жителей, превышавшим 4 тыс. человек, объявлялись городами. В них должно было быть организовано полноценное городское самоуправление в соответствии с законом о городах от 14 августа 1919 г. Также статус городов специальным решением ГУВЗ мог быть предоставлен поселениям с меньшим количеством населения. В период польско-советской войны городской статус, предполагавший организацию выборных муниципальных органов,

---

⁴² ГАБО. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1. Л. 20. Распоряжение генерального комиссара Восточных земель об устройстве местечек. 16 августа 1919 г.

⁴³ Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 32. Poz. 345. S. 290–291.

⁴⁴ На протяжении 1-й половины – середины 1920-х гг. формальный статус местечек, определенный законом от 16 августа 1919 г., был упразднен, часть из них вошла в число сельских населенных пунктов, действовавшие здесь магистраты были ликвидированы. Остальные получили городской статус, на них было распространено действие законов о городском самоуправлении. См.: Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 8 kwietnia 1927 r. o rozciągnięciu mocy obowiązującej rozporządzeń Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich z dnia 25 czerwca 1919 r. o wyborach do tymczasowych rad miejskich oraz z dnia 14 sierpnia 1919 r. o ustawie miejskiej na niektóre gminy miejskie województw: białostockiego, nowogródzkiego, poleskiego i wileńskiego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1927. Nr. 47. Poz. 428. S. 598.

на оккупированных польскими войсками белорусских землях был введен в 29 населенных пунктах⁴⁵.

За декларациями о намерении организовать демократичное территориальное самоуправление на основе справедливой репрезентации разных национальных групп не последовало их осуществление. На практике среди преимущественно националистически настроенных поляков, из числа которых формировался персонал ГУВЗ, тех, кто считал целесообразным допустить непольских жителей к управлению краем, было немного. Схожим образом были настроены польские военные власти, которые во многих случаях контролировали ситуацию на местах. Выборы в коммунальные органы предстояло проводить в неблагоприятных для польских властей условиях. Массовые репрессии и притеснения со стороны польской армии и гражданской администрации против белорусов, евреев и др. быстро настроили их против польской власти, послужили главной причиной распространения среди них антипольских настроений. Об этом, среди прочего, многократно сообщалось в отчетах II отдела генштаба Польши (разведка и контрразведка). К примеру, в его информационной сводке за ноябрь 1921 г. указывалось: «Среди белорусского населения, входящего в состав Польского государства, в последнее время проявляется решительная неприязнь и исключительно антипольское течение... Надо полагать, что эта неприязнь к Польскому государству связана с общим озлоблением белорусского общества по причине репрессий польских властей (особенно в Гродно), по причине закрытия ими ряда белорусских учреждений, до недавнего времени существовавших легально, как, например, школьный совет, кооперативы, союзы и т.д.». Правда, авторы этого отчета главную причину подобной

---

⁴⁵ По условиям Рижского мира семь из них: Игумен (современный Червень), Койданов (современный Дзержинск), Копыль, Минск, Слуцк, Бобруйск, Борисов – вошли в состав БССР.

ситуации все же видели в пропаганде «со стороны соседних государств»⁴⁶. В изданной в 1928 г. для служебного пользования публикации II отдела генштаба, в которой подробно освещалась история белорусского политического движения, указывалось, что на момент вступления польских войск на белорусские земли в 1919 г. среди белорусского общества преобладали пропольские настроения. «Но продолжалось это недолго. Отношения между местными жителями и польской властью постепенно начали портиться. На это повлиял ряд причин, но главной была бездарность наших властей. Их поведение как в оккупированной стране, отказ считаться с настроениями и интересами белорусского населения, отсутствие решительной, последовательной национальной политики и т.д. не могло дать результат. Правление генерального комиссара Осмоловского не завоевало симпатии белорусов. Прежде всего, практически все управления были заняты местными помещиками, поляками, часто злоупотребляющими своей властью... Произвол армии также раздражал местное население»⁴⁷, – указывали авторы отчета.

В июне 1919 г. Осмоловский провел инспекцию в Брестском округе ГУВЗ. В отчете, направленном Пилсудскому, он сообщал о том, что усилия организовать эффективное управление регионом с учетом потребностей местных жителей и равномерного распределения военных повинностей встречали многочисленные препятствия со стороны военных властей, вмешивавшихся в компетенцию гражданских властей и издававших различные распоряжения, «противоречащие одновременно и букве закона, и чувству справедливости». Перечислив тяжкие преступления, совершенные польскими военными в округе в течение нескольких предшествовавших недель, Осмоловский отдельно остановился на ситуации в Пинске. Комендант города подпоручик

---

⁴⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308 (к.). Оп. 4. Д. 13. Л. 15. Информационное сообщение II отдела генштаба. Тайно. 1 ноября 1921 г.

⁴⁷ *Krótki zarys zagadnienia białoruskiego*. S. 85–86.

Ландсберг безраздельно правил в Пинске и Пинском повете, ему подчинялись городское управление, сельские солтысы и войты, полиция и др. Военные власти ввели цензуру варшавских газет, привлекали жителей к принудительным работам, проводили постоянные реквизиции без соответствующей компенсации, забрали себе имущество пинской спичечной фабрики, работу которой, по мнению Осмоловского, можно было немедленно возобновить, что позволило бы трудоустроить 2 тыс. человек. Кроме того, они присвоили 100 тыс. марок, переданных американской миссией в пользу нуждающихся жителей города, а также взимали в свою пользу налог от перевозимых железной дорогой грузов, лишив тем самым городские власти основного причитавшегося им источника дохода. «Правда, командование подарило городу наложенную на еврейское население контрибуцию в размере 100 тыс. рублей⁴⁸, однако этот подарок не удовлетворил нужды города, зато полностью подорвал доверие жителей к командованию и магистрату по той причине, что контрибуция, наложенная на богатых спекулянтов, была переложена на бедное население, которое не имело, не смотря на террор, господствующий в Пинске, возможности оплатить причитавшиеся суммы, из-за чего был издан указ о продаже с аукциона имущества... Это все создает враждебную для польских властей атмосферу и может негативно отразиться на выборах в самоуправление и предполагаемом плебисците»⁴⁹, – делал логичное заключение Осмоловский.

Проведение в таких условиях свободных муниципальных выборов в оказавшихся в зоне польской оккупации белорусских городах, в которых

---

⁴⁸ В период польско-советской войны на западнобелорусских землях в обращении одновременно находились различные валюты: польские марки, рубли Российской империи и др.

⁴⁹ Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy (BPW). Dział Starych Druków i Rękopisów. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (ZCZW). Nr акс. 1669. К. 54–56. Рапорт генерального комиссара Восточных земель начальнику государства. 19 июня 1919 г.

польское население обычно было немногочисленным, привело бы к образованию местных органов, находящихся в оппозиции к польской власти. Например, как следует из сообщения польской жандармерии, подготовленного в декабре 1919 г., одним из влиятельных людей в Бресте был полковник российской армии Адамович, возглавлявший городскую службу снабжения продовольствием. Он сумел провести своих доверенных лиц в разные государственные учреждения, в частности, в полицию, пожарная служба, по мнению информанта, фактически являлась его личной дружиной. Адамович открыто выражал свой антипольский настрой, публично предрекал скорое падение польской власти на этих землях. Среди поляков Бреста он пользовался дурной славой, поскольку в довоенный период преследовал «все что польское». Зато «местные жители русские и евреи его очень уважают, и если дойдет до выборов, то он единогласно будет избран президентом города»⁵⁰.

В условиях продолжавшегося военного противостояния, в ходе которого решался характер будущего государственного устройства этих земель, польские власти не собирались допускать существование нелояльных к ним органов самоуправления. В ряде городов, где законами предусматривалось формирование выборных городских властей, коммунальные выборы не были проведены и органы самоуправления в них замещал назначаемый администрацией магистрат. В других случаях образование лояльного к польской власти состава муниципальных органов являлось следствием административного вмешательства в процесс выборов: проводился единый избирательный список (заявленные в нем кандидаты получали места в органах самоуправления автоматически, процедура голосования не проводилась, а жители, соответственно, лишались возможности участвовать в формировании городских властей, см. далее), оппозиционные кандидаты подвергались преследованиям и др.

---

⁵⁰ ГАБО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 181. Л. 264. Командование полевой жандармерии. Сообщение о русской деятельности в Бресте. 3 декабря 1919 г.

В некоторых городах все же состоялись свободные выборы, их результаты, как правило, были для польской администрации неблагоприятными: поляки в городских органах оказались в меньшинстве, большинство мандатов получили евреи, которые, наряду с вошедшими в их состав белорусами, русскими и др., нередко открыто демонстрировали антипольские настроения. Впоследствии негодные польской власти городские советы обычно распускались.

Из семи белорусских городов Виленского округа ГУВЗ муниципальные выборы состоялись лишь в трех: Лиде, Новогрудке и Ошмянах. В Лиде результаты выборов, прошедших в июле 1919 г. и принесших 17 мандатов евреям и 7 полякам, были объявлены недействительными. Во время повторных выборов в январе 1920 г. здесь был представлен единый избирательный список, по которому в состав городского совета вошли 12 католиков⁵¹ и 12 евреев. Этот сценарий был повторен в Ошмянах, где результаты первых выборов в августе 1919 г. были отменены, на повторных выборах в декабре 1919 г. по единому списку в совет вошли 7 католиков и 5 евреев. В Новогрудке совет был образован по единому избирательному списку во время первых выборов в августе 1919 г., в него вошли 14 евреев, 3 православных, 2 католика и 5 представителей других этноконфессиональных групп⁵². В Глубоком, Гродно, Дисне и Вилейке в период существования ГУВЗ выборы не состоялись. В частности, в Вилейке достаточной причиной для отсрочки проведения выборов, назначенных на март 1920 г., оказалась болезнь

---

⁵¹ Уже указывалось, что конфессиональная принадлежность часто выступала как основной фактор национального размежевания на фоне низкого уровня национального самосознания жителей. Даже в официальных документах, отражающих сведения о персональном составе органов территориального самоуправления, понятия национальной и религиозной принадлежности депутатов нередко использовались как равнозначные и взаимозаменяемые.

⁵² BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. Nr акс. 1773/2/V. К. 3. Отчет инспектора самоуправления Виленского округа ГУВЗ. 12 декабря 1920 г.; Chata Polska. 1919. 14 września. № 26. S. 11.

председателя избирательной комиссии⁵³. Гродно был единственным городом, где продолжали функционировать городские органы, избранные еще во время немецкой оккупации в феврале 1919 г. по инициативе немецких военных властей. Тогда в Гродненский совет вошли 23 еврея, 11 поляков, 1 белорус и др.⁵⁴ Польские власти признали его полномочия. В начале 1920 г. в Гродненском совете произошел раскол. Часть еврейских советников собралась на фракционное заседание без разрешения административных властей, за что гродненский староста наложил на них денежные штрафы, а входивших в их число вице-президента города Б. Хиллера и полицейского И. Бадаша отстранил от выполнения обязанностей. В знак протеста против этих действий от своих мандатов отказались все евреи, а также несколько поляков, т.е. большинство совета, что фактически означало его самороспуск. Спустя полтора месяца староста отменил решение о наказании еврейских советников, это удовлетворило большинство членов Гродненского совета и позволило возобновить его работу⁵⁵.

В Брестском округе ГУВЗ официальный статус городов был предоставлен 13 населенным пунктам. В Бресте, Кобрине и Слониме результаты первоначальных выборов, которые польские власти посчитали неблагоприятными для себя, были отменены, и здесь состоялись повторные выборы. Например, в Бресте на повторных выборах в августе 1919 г. был проведен единый избирательный список, по которому в состав совета вошли 14 поляков и 10 русских. Польские военные власти, под контролем которых проходили эти выборы, не посчитали нужным включить в состав самоуправления ни одного представителя еврейского населения, преобладавшего в городе на тот момент. Так, из проживавших в

---

⁵³ BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. Nr akc. 1773/2/V. K. 2.

⁵⁴ РГВА. Ф. 471 (к.). Оп. 1. Д. 88. Л. 7. Политический рапорт Главного командования Войска Польского. 7 марта 1919 г.

⁵⁵ *Kołecki S. Działaność Samorządu Miejskiego w Grodnie za lata 1919, 1920 i 1921 // Kronika m. Grodna. Z. 1 / pod red. S. Kołeckiego. Grodno, 1928. S. 14–15.*

Бресте на апрель 1920 г. почти 26,5 тыс. человек евреи составляли более 18 тыс.⁵⁶ Вскоре Брестский совет избрал членов магистрата, куда вошли три поляка и двое русских, президентом города стал польский помещик Ян Урсын Немцевич. Не получив представительство в самоуправлении города, еврейские жители были возмущены. В декабре 1919 г. еврейская религиозная община⁵⁷ Бреста обратилась к городскому совету с просьбой включить двух ее делегатов в состав магистрата. В феврале 1920 г. совет принял решение удовлетворить данную просьбу, поставив при этом два условия: делегаты от еврейского населения могли обладать только правом совещательного голоса и их выбор должен был быть определен главным раввином города, а не еврейской гминой. Еврейская община была согласна на эти дискриминационные условия, но боевые действия лета 1920 г. надолго отложили решение вопроса. Только в 1924 г. два еврейских представителя вошли в состав Брестского магистрата: Б. Вильнер в качестве второго вице-президента и С. Савчицкий в качестве лавника⁵⁸.

О результатах выборов в Дятлове, Ружанах и Столине, назначенных на 10 июня 1920 г., нет сведений. В состав городского совета Несвижа вошли 12 евреев и 12 поляков, Клецка – 15 евреев, 7 христиан и 2 мусульманина, Пружан – 12 евреев, 5 поляков и 5 русских, правда, информацию о характере проведения выборов в этих городах найти не удалось. В Барановичах, Волковыске, Лунинце и Пинске были утверждены

---

⁵⁶ ГАБО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 78. Письмо Брестского магистрата брестскому поветовому старосте. 27 апреля 1920 г.

⁵⁷ Представляла собой форму еврейского самоуправления, объединяла евреев, проживавших в границах одного или нескольких близлежащих населенных пунктов. В ведении общины находились вопросы отправления религиозного культа, религиозного образования, благотворительности, она имела право взимать со своих членов принудительные платежи и взносы. Возглавлявшие общину совет и управление, формировавшиеся с помощью выборов, выступали посредником в ее взаимоотношениях с государственной властью.

⁵⁸ ГАБО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6. Л. 129. Письмо Брестского магистрата брестской еврейской религиозной общине. Февраль 1920 г.; Там же. Д. 271. Л. 315–316. Протокол заседания городского совета г. Бреста. 5 мая 1924 г.

результаты первоначальных выборов. В городской совет Барановичей были избраны 12 евреев, 6 поляков и 6 белорусов, Лунина – 9 русских, 8 евреев и 7 поляков, в Волковыске был представлен единый список, включавший 13 евреев и 11 христиан⁵⁹.

Муниципальные выборы в Пинске, состоявшиеся в конце августа 1919 г., принесли 16 мандатов евреям, 6 – полякам и 3 – белорусам. Эти результаты были обжалованы несколькими жителями города, обвинившими избирательную комиссию в ряде нарушений, в частности, в лишении права голоса одного из горожан. Рассмотрение жалобы затянулось. Только в марте 1920 г. генеральный комиссар восточных земель окончательно утвердил эти выборы, до этого объявленные начальником Брестского округа ГУВЗ недействительными. Пинский городской совет начал функционировать в апреле 1920 г., однако его работа оказалась совершенно бесплодной. Заседания совета заполнила дискуссия о делопроизводственном языке, еврейское большинство настойчиво добивалось права использовать идиш, направив генеральному комиссару делегацию с соответствующей просьбой. Помимо этого советники были заняты избранием членов магистрата и различных комиссий. До момента эвакуации городских властей в июле 1920 г. перед лицом наступавших советских войск Пинский совет не принял ни одного решения, касавшегося жизни города. «Налоги не взимаются, бюджета (города) как будто и не было»⁶⁰, – говорил на заседании совета в мае 1920 г. Б. Борисевич, вскоре избранный заместителем бургомистра.

---

⁵⁹ ВРВ. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. Nr акс. 1773/16. X. К. 1, 6, 13, 16. Отчеты о выборах в органы самоуправления. Сентябрь–октябрь 1919 г.

⁶⁰ ГАБО. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 21. Л. 9–10, 12. Протоколы заседаний избирательной комиссии по выборам в Пинский городской совет. 16 сентября 1919 г. и 8 января 1920 г.; Там же. Д. 23. Л. 94–95, 117–123, 126–127. Протоколы заседаний городского совета г. Пинска. Апрель–май 1920 г.; ВРВ. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. Nr акс. 1773/16. X. К. 16.

В Минском округе ГУВЗ насчитывалось 9 городов. В Бобруйске, Борисове и Докшицах власти отказались от проведения коммунальных выборов, назначив членов магистратов. В отчете борисовского старосты за январь 1920 г. отмечалось: «Все органы самоуправления были таковыми только по названию, в действительности, как образованные по назначению, они являлись собственно государственными органами. Это было необходимо, поскольку состояние умов жителей, которые постоянно ожидали возвращения большевиков,... не позволяло провести выборы»⁶¹. В Игумене и Слуцке результаты выборов были объявлены недействительными. В Койданове, Копыле и Ракове выборы принесли 40% мест полякам, 37% – евреям и 23% – русским⁶². В Минске, захваченном польскими войсками в августе 1919 г., выборы в городской совет состоялись в ноябре. По поводу их результатов командование Литовско-белорусского фронта сообщало в Главное командование польской армии: «Выборы показали опасность плебисцитов. Несмотря на террор и отстранение от выборов социалистов-революционеров, аресты и реквизиции, закрытие клуба, результат для нас неблагоприятный: 18 поляков, 18 евреев и 10 русских, безусловных империалистов. Таким образом, большинство враждебно Польше. Белорусы не принимали участие в выборах, потому что у них не было денег...»⁶³.

Боевые действия польско-советской войны в 1920 г. изменили ситуацию на западнорусских землях. В результате апрельского наступления польские войска вышли к Днепру. Летом началось советское контрнаступление, в ходе которого Красная армия заняла всю

---

⁶¹ BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. Nr акс. 1714. К. 11. Общая характеристика деятельности польских властей Борисовского повета Минского округа ГУВЗ за период с сентября 1919 г. по июль 1920 г.

⁶² Ibid. Nr акс. 1692. К. 62. Отчет начальника Минского округа ГУВЗ В. Рачкевича за период с 8 августа 1919 г. по 10 июля 1920 г.; Ibid. 1773/16. X. К. 47.

⁶³ Цит. по: *Gomółka K. Między Polską a Rosją...* S. 78.

белорусскую территорию. Созданные под эгидой польских властей органы городского самоуправления прекратили свою деятельность. В середине августа армии советского Западного фронта потерпели поражение в решающем сражении за Варшаву. Началось повторное наступление польских войск на восток. К октябрю 1920 г. советско-польский фронт переместился на линию р. Западная Двина – Молодечно – Столбцы – Несвиж – р. Случь. 9 сентября 1920 г. Пилсудский издал приказ о ликвидации Гражданского управления восточных земель. В тот же день Министерством внутренних дел Польши по указанию Пилсудского на вновь оккупированной белорусской территории была создана новая структура временной гражданской администрации – Управление прифронтовыми и этапными территориями при МВД, которое возглавил бывший комиссар Минского округа ГУВЗ Владислав Рачкевич, будущий президент Польши в эмиграции (1939–1947)⁶⁴.

На этот раз польские власти, памятуя о результатах муниципальных выборов периода ГУВЗ, отказались от каких-либо попыток формирования выборных органов городского самоуправления. После повторного захвата западнобелорусских земель городские советы в большинстве городов были распущены, новые выборы состоялись лишь после государственного переворота 1926 г. До этого времени в них органы самоуправления замещал магистрат, члены которого в соответствии с временным законом о городах от 27 июня 1919 г. назначались государственной администрацией⁶⁵.

---

⁶⁴ Ibid S. 129.

⁶⁵ Сведения относительно количества городов, в которых на протяжении первой половины 1920-х гг. действовали городские советы и магистраты согласно закону о городах от 14 августа 1919 г., разнятся. К примеру, Главное статистическое управление Польши со ссылкой на данные МВД сообщало, что в октябре 1924 г. в 13 западнобелорусских городах (Барановичи, Брест, Волковыск, Гродно, Клецк, Кобрин, Лида, Несвиж, Ошмяны, Пружаны, Раков, Слоним, Сморгонь) действовали органы самоуправления, организованные в соответствии с законом о городах от 14 августа 1919 г. 23 населенных пункта

Как видно, реализация законодательных актов, регулировавших правовой статус населенных пунктов на западнобелорусских землях, очень часто отличалась от формальных предписаний. Во многих случаях невозможно установить критерии, по которым принимались конкретные решения об отнесении поселения к тому или иному типу населенных пунктов⁶⁶. Нередко определение их формального статуса носило произвольный характер. В специальной заметке на тему правового статуса городов восточных воеводств, подготовленной Главным статистическим

региона (Бережа, Вилейка, Высоко-Литовск, Глубокое, Городная, Давид-Городок, Дисна, Докшицы, Дятлов, Индура, Каменец-Литовск, Коссово, Логишин, Лунинец, Новогрудок, Пинск, Радошковичи, Ружаны, Свислочь, Скидель, Столбцы, Столин, Шерешево) имели формальный статус местечек, организация местной власти в них регулировалась временным законом о городах от 27 июня 1919 г. Остальные населенные пункты на западнобелорусских землях в правовом плане относились к числу сельских (*Charakter prawny miast...* S. 219–220). В то же время по свидетельству Л. Василевского на 1926 г. выборные городские советы на западнобелорусских землях действовали лишь в Гродно и Новогрудке (*Загідулін А.М. Нацыянальная і канфесійная палітыка...* С. 46). В разрезе Полесского воеводства по сведениям, приведенным Главным статистическим управлением, в октябре 1924 г. полноценные органы самоуправления действовали в Бресте, Кобрине и Пружанах (*Charakter prawny miast...* S. 220). Однако Е. Осмоловский, на тот момент член поветового отдела в Пинске, в реферате, представленном на съезде делегатов поветовых сеймиков Польши в начале 1926 г., указывал, что во всех имевших городской статус населенных пунктах Полесского воеводства муниципальные органы замещал назначенный магистрат. Лишь в Бресте городские власти были «частично» назначены, правда, Осмоловский не уточнил, что в его понимании означала эта формулировка (*Osmołowski J. Stan gospodarczy i działalność samorządu powiatowego Województwa Poleskiego w latach 1923–1925. Warszawa, 1926. S. 16*).

⁶⁶ К примеру, доступные источники не позволяют ответить на вопрос, почему Зельва, которая в 1921 г. насчитывала 2064 жителя (*Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. S. 94*) и традиционно являлась заметным экономическим центром (можно вспомнить крупнейшие в регионе в XVIII–XIX веках Анненские ярмарки), была отнесена к числу сельских поселений, а Высоко-Литовск, Каменец-Литовск и Одельск, где в 1921 г. проживало 2100, 2348 и 1333 человек соответственно (*Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. S. 71; Ibid. T. VIII. S. 3*) и которые по своему хозяйственному значению не превосходили Зельву, официально получили городской статус.

управлением Польши, указывалось: «Законодательство Гражданского управления Восточных земель только частично вошло в жизнь; были случаи несоответствующего его принципам решения спорных вопросов или прямо противоположные им действия». По этой причине составители «Указателя населенных пунктов Польской Республики» (Skorowidz Miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej), где были представлены результаты переписи 1921 г. в разрезе всех населенных пунктов страны, приняли решение не отражать в этом сборнике фактический правовой статус поселений на западнобелорусских землях, «несоответствующий законодательству и претерпевающий постоянные изменения», а сгруппировать их по не отражающим реальную ситуацию формальным предписаниям⁶⁷. Белостокский воевода Х. Осташевский в отношении подначального ему воеводства в 1939 г. писал: «Резиденции некоторых гминных и поветовых управлений чаще всего не совпадают с центрами хозяйственного притяжения относящихся к ним территорий. Положение вещей в этой сфере является в огромной степени результатом случайности»⁶⁸.

Управление прифронтовых и этапных территорий было ликвидировано 27 ноября 1920 г., его департаменты вошли в состав соответствующих министерств Польши. 4 февраля 1921 г. польский сейм принял закон о политико-правовом положении на землях, оставшихся за Польшей согласно заключенному в октябре 1920 г. договору о перемирии и предварительных условиях мира с РСФСР и УССР. Этот закон передавал занятые белорусские территории в распоряжение центральных органов власти и тем самым включал их в состав Польского государства⁶⁹, что было окончательно закреплено Рижским мирным договором в марте 1921 г. На западнобелорусских землях 1 марта 1921 г. были созданы Полесское

---

⁶⁷ Charakter prawny miast... S. 219.

⁶⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 164.

⁶⁹ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1921. № 16. Poz. 93. S. 216.

(с центром в Бресте) и Новогрудское воеводства, а Гродненский, Волковысский и Беловежский поветы отошли к Белостокскому воеводству. Часть белорусских территорий вошла в состав Виленского административного округа, преобразованного в 1925 г. в Виленское воеводство.

***

Срок полномочий городских органов, созданных в период польско-советской войны, истек 1 июля 1922 г. Но в марте 1922 г. сеймом был принят закон, продлевающий полномочия органов самоуправления в восточных воеводствах и бывшем Царстве Польском. Было объявлено, что новые муниципальные выборы состоятся после принятия новых законов о самоуправлении⁷⁰. Последние, однако, на протяжении 1920-х гг. из-за противоречий между разными политическими силами в сейме и между сеймом и правительством так и не были приняты. Не последнюю роль в отсрочке проведения новых муниципальных выборов сыграл национальный вопрос. Полицейский террор и самоуправство со стороны шовинистически настроенной, коррумпированной местной администрации, а также национальная дискриминация были фоном, на котором развивалось антипольское диверсионно-повстанческое движение белорусского населения, поддерживаемое СССР и Литвой и приобретшее в первой половине 1920-х гг. значительный размах. В условиях политической нестабильности на западнобелорусских землях власти Польши имели все основания опасаться за результаты новых выборов в органы самоуправления. Это подтверждают, между прочим, результаты парламентских выборов осенью 1922 г., которые в восточных воеводствах принесли решительную победу национальным меньшинствам. «На креслах... в течение четырех лет не вводится ни поветовое, ни городское самоуправление, которым преобладающая их часть пользовалась даже при

---

⁷⁰ Ibid. 1922. № 28. Poz. 225. S. 441.

царизме... В качестве наиболее важного аргумента против широкого самоуправления выдвигается иногда взгляд на то, что при 2/3 поляков в Речи Посполитой общегосударственные органы обеспечивают им гегемонию, тогда как местное самоуправление дало бы кое-где меньшинствам серьезное оружие для разбития ее целостности в пользу кресовых национализмов», – утверждал в опубликованной в 1925 г. монографии В. Вакар, известный польский ученый и публицист, на тот момент председатель Союза поветовых самоуправлений⁷¹. Не случайно проекты законов о территориальном самоуправлении, обсуждавшиеся на протяжении 1920-х гг. в польском сейме, включали дискриминационные в отношении национальных меньшинств положения, призванные обеспечить польскому населению преобладающее влияние в коммунальных органах в этнически смешанных регионах государства. В частности, в них предусматривался отказ от равного избирательного права и предоставление дополнительных голосов тем, кто отвечал определенным критериям, в том числе умел говорить и писать по-польски, служил в польской армии и др.⁷²

В июле 1924 г. были приняты т.н. языковые законы, которые регулировали использование польского языка и языков национальных меньшинств в работе государственных учреждений, органов самоуправления, школьном обучении. В соответствии с законом «О государственном языке и делопроизводственном языке государственных административных властей и органов самоуправления» единственный государственный язык – польский – являлся делопроизводственным во всех органах самоуправления. В местах компактного проживания белорусов, литовцев и украинцев коммунальные власти должны были

---

⁷¹ *Wakar W. Zagadnienie samorządu w Rzeczypospolitej Odzyskanej. Warszawa, 1925. S. 72, 77.*

⁷² *Суліма [У.] Які «самаўрад» гатуе беларускаму народу...; Łuczak A. Samorząd terytorialny... S. 82–133.*

принимать заявления на их родном языке, «по требованию сторон» предоставлять ответ на государственном языке и языке заявления, разрешалось использование «местных» языков во время обсуждений на заседаниях городских советов. Решение о составлении на двух языках протоколов заседаний, объявлений, а также коммуникации коммунальных властей между собой в пределах восточных воеводств принимали сами органы самоуправления, т.е. регулирование этих вопросов было поставлено в зависимость от воли большинства их членов⁷³. По-прежнему к числу «местных» языков не относились русский и еврейские (идиш и иврит), их использование оказалось под запретом. Хотя языковые права белорусов, литовцев и украинцев в работе местного самоуправления в законодательстве в определенной степени были учтены, практика далеко отстояла от буквы закона. В частности, в работе городских властей на западнобелорусских землях использование любого другого языка, кроме польского, не допускалось, документы 1920–1930-х гг. не сохранили подобных свидетельств.

Лишение самоуправления всякой самостоятельности и подчинение полному контролю государственной администрации, а также его невысокая результативность, связанная с неэффективной организацией и скудными финансовыми основами работы, в первой половине 1920-х гг. повсеместно вызывали недовольство местных жителей, в том числе представителей польской общественности. Как следует из отчета об инспекции Полесского воеводства, проведенной МВД в конце 1924 г., хозяйство органов городского и сельского самоуправления находилось в упадке, чему способствовало отсутствие постоянного контроля над их деятельностью как со стороны воеводской администрации, так и поветового самоуправления, назначение несоответствующих в профессиональном и моральном отношении людей на должности

---

⁷³ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1924. № 73. Poz. 724. S. 1094–1095.

бургомистров, их заместителей, секретарей, войтов и др. На фоне частых злоупотреблений, высоких и многочисленных местных налогов территориальное самоуправление не пользовалось симпатиями местных жителей⁷⁴. «Трудно скрывать, что самоуправление (в Полесском воеводстве – *А. Д.*) слабое, поскольку было образовано недавно и развивается в период инфляции. Отношение населения к самоуправлению критическое, поводом для чего служит общий налоговый гнет... Также не поддерживается тесный контакт с жителями, самоуправление недостаточно реагирует на плачевные условия, в которых живет население, недостаточно бьет тревогу по этому поводу...»⁷⁵, – утверждал полесский воевода К. Млодзяновский на съезде представителей поветового самоуправления Полесского воеводства в 1924 г.

Назначение членов муниципальных органов делало их неподконтрольными в отношении городских жителей. Наряду со слабым контролем над ситуацией на местах и недобросовестным выполнением своих обязанностей представителями местной государственной администрации, это создавало благоприятные условия для злоупотреблений, позволяло отдельным деятелям использовать влияние в органах самоуправления в корыстных целях или для удовлетворения личных амбиций. Как показала люстрация местных органов Лунинецкого повета, проведенная в конце 1925 г. воеводским инспектором Я. Крахельским, возглавившим после государственного переворота 1926 г. Полесское воеводство, в повете господствовал полный хаос. Фактически здесь всем заправлял депутат сейма от ППС, член Лунинецкого поветового сеймика С. Волицкий. Под его влиянием находились органы самоуправления, это проявлялось, в частности, «в всегда единогласных голосованиях за предложения Волицкого в сеймике и отделе... в том

---

⁷⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 982. Л. 1, 3. Материалы инспекции Полесского воеводства, проведенной МВД в период с 9 по 21 декабря 1924 г.

⁷⁵ Zjazd samorządowy w Brześciu // Samorząd. 1925. № 8. S. 150–151.

факте, что все работники отдела ссылаются на его распоряжения как на правовую основу всей деятельности, иногда вопреки правовым нормам и распоряжениям». Лунинецкий староста К. Сивик, уличенный инспектором в многочисленных финансовых злоупотреблениях, также подчинялся указаниям Волицкого, что, по свидетельству Крахельского, в огромной степени снижало авторитет государственной администрации в глазах населения. Власть, легко полученную «на фоне общей несознательности и бездарности местной администрации», Волицкий использовал не на благо повета: его незаконное вмешательство в деятельность местных органов сделало их работу бесплодной, следствием агитации ППС были многочисленные налоговые задолженности и сопротивление населения в выплате налогов и др.⁷⁶ Сразу после инспекции Сивик был отстранен от должности и в отношении него было начато расследование, в декабре 1926 г. новый лунинецкий староста сообщал о прекращении противоправной деятельности Волицкого⁷⁷.

В отдельных случаях введение самоуправления в небольших городках превращалось в пародию и наносило населению существенный вред. Так, значительная часть жителей Городной Столинского повета, широко известной своим гончарным производством, уже в начале 1920-х гг. стала добиваться ликвидации ее городского статуса. Их аргументы выглядели убедительно: подчеркивая свою крайнюю бедность, в коллективном обращении полесскому воеводе они отмечали, что «городской статус для нас очень тяжел еще и потому, что мы являемся крестьянами... выйдет свинья на улицу – и протокол, а там штраф. А специальные городские расходы, как на освещение улиц и т.д., хотя ничего этого нет, но налоги на эти цели с людей взимаются... Мы на каких-то 250 плательщиков должны содержать целое управление. Каждый месяц,

---

⁷⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1078. Л. 27–28. Материалы инспекции органов самоуправления Лунинецкого повета, проведенной ПБУ 22–28 ноября 1925 г.

⁷⁷ Там же. Оп. 4. Д. 1197. Л. 56.

каждый день существования магистрата в Городной доводит нас до краха, оставляя за жителями задолженности и лишая даже возможности оплаты государственных налогов». Действительно, отнесение к городскому поселению населенного пункта, число жителей которого не достигало 3000 человек и который ввиду отсутствия промышленности, коммунальных предприятий (за исключением скотобойни), удаленности от железной дороги и неплодородности почвы не имел перспектив развития, с финансовой точки зрения было неоправданно. Городской бюджет держался только на налогах с жителей, расходы большей частью шли на содержание городской администрации, например, по бюджету за 1925 г. зарплата бургомистра была сопоставима с расходами на образование или здравоохранение. Ситуация обострилась до предела, когда в 1922 г. новым бургомистром Городной на место уличенного в финансовых махинациях Ю. Булгака решением полесского воеводы был назначен 30-летний Ю. Верниковский, также систематически допускавший вопиющие злоупотребления. Как показало расследование, проведенное служащим ПВУ, Верниковский, страдавший алкогольной зависимостью, произвольно определял сумму городских налогов для каждого жителя; выборочно осуществлял их взимание, делая поблажки для одних и беспощадно продавая имущество с аукциона в счет уплаты налогов для других; «взимал» налоги в ночное время, оплачивая ими пирушки, при этом «не обходилось без преследований, терроризирования и авантюр»; передал здание, предназначенное для начальной школы, частному лицу для коммерческого использования и др. Все это происходило при попустительстве поветовой администрации и полиции, многократные письменные обращения и делегации жителей в ПВУ также были проигнорированы. Дело сдвинулось с места лишь в 1924 г., когда обращение дошло до министерства внутренних дел. Верниковский вместе

с остальным руководством города были уволены и отданы под суд, ликвидация городского статуса Городной была закончена в 1927 г.⁷⁸

После того как в 1922 г. истек срок полномочий городских самоуправлений на западнобелорусских землях, со стороны органов государственной администрации на местах, различных общественных организаций и самих местных органов повсеместно принимались многократные обращения к центральным властям с призывом скорейшего проведения новых муниципальных выборов. Местная общественность ожидала, что организация полноценного самоуправления придаст импульс социально-экономическому и культурному развитию региона. «Следует надеяться, что с момента введения городского и поветового самоуправления восстановление края и хозяйство самоуправления встанут на соответствующий уровень», – утверждал в марте 1922 г. на заседании Полесского воеводского совета⁷⁹ начальник отдела самоуправления ПВУ Довнар-Запольский, в период польско-советской войны возглавлявший городские власти в Пинске и Минске. Члены воеводского совета единогласно решили обратиться к центральным властям с просьбой скорейшего проведения новых городских выборов в Полесском воеводстве на основе законодательства ГУВЗ, не дожидаясь принятия в сейме новых законов⁸⁰.

В Бресте после завершения срока полномочий совета тема проведения новых выборов сразу оказалась в центре внимания общественности города. Состоялись многочисленные собрания политических и общественных организаций, где обсуждались вопросы

---

⁷⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2466. Л. 25–26. Заявление делегации жителей г. Городная полесскому воеводе. 22 мая 1925 г.; Там же. Л. 40–43. Бюджет магистрата г. Городная на 1925 г.; Там же. Л. 82–83. Рапорт служащего ПВУ С. Стосика полесскому воеводе. 19 ноября 1924 г.

⁷⁹ Совещательный орган при воеводе, включавший представителей территориального самоуправления и государственной администрации.

⁸⁰ Dziennik Urzędowy Województwa Poleskiego. 1922. № 3. S. 14–15.

подготовки к проведению предвыборной кампании. «Ни о чем более не говорится, кроме как о выборах, создаются новые организации, ищутся компромиссы, работа кипит», – сообщалось в начале 1924 г. в издававшейся в Бресте официальной газете «Głos Poleski» в статье под названием «Пора распускать»⁸¹. Брестский совет не мог оставаться в стороне от этих событий, в апреле 1924 г. он постановил: «Принимая во внимание, что настоящий состав является частично неполным, и выборы в городской совет на основе положения о выборах, которое должно быть принято в сейме, в ближайшее время, вероятно, не состоятся, имея в виду все большее развитие городского хозяйства, а также распространяемые сплетни о том, что нынешние советники якобы упорно удерживают свои мандаты, городской совет... принял решение просить надзорную власть как можно скорее провести новые выборы»⁸². В январе 1926 г. полесский воевода К. Млодзяновский обратился в МВД с разъяснением необходимости новых выборов в Брестский совет, которых добивалось «все население города, невзирая на различия религий, национальностей и политических убеждений»⁸³. В итоге в апреле 1926 г. министр внутренних дел Польши В. Рачкевич распустил совет и поручил полесскому воеводе назначить в Бресте новые выборы.

Активные требования введения полноценного самоуправления и возлагавшиеся на него надежды на более успешное, чем прежде, экономическое развитие региона, во многом объясняются положительным опытом функционирования земского самоуправления. Несмотря на непродолжительный период своей работы, земства заслужили самые высокие оценки, свежие воспоминания о них в еще большей степени увеличивали недовольство ситуацией в местном самоуправлении в первой

---

⁸¹ Czas rozwiązać // Głos Poleski. 1924. 17 lutego. № 7. S. 8.

⁸² ГАБО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 271. Л. 371. Протокол заседания городского совета г. Бреста. 9 апреля 1924 г.

⁸³ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 639. Л. 55. Письмо ПВУ в МВД. 13 января 1926 г.

половине 1920-х гг. (заметим, что деятельность городского самоуправления в позднеимперский период в выступлениях и публикациях представителей общественности на западнобелорусских землях не упоминается).

В 1924 г. Е. Осмоловский, на тот момент член поветового отдела в Пинске, избранный председателем упоминавшегося съезда представителей поветового самоуправления Полесского воеводства, в своем выступлении охарактеризовал недоверие польского общества к местному самоуправлению. Главная причина такого отношения, по его мнению, заключалась «в другой по сравнению с периодом российского господства организацией самоуправления – во время существования земств средний гражданин видел ясную границу между бюрократией и самоуправлением и только в самоуправлении видел источник надежных хозяйственных приобретений и защиты перед бюрократией. Сегодня всего этого нет – в председателе (поветового отдела) и старосте в одном лице он имеет дело и с представителем правительства, сыплющем административные наказания как из рога изобилия»⁸⁴.

В 1925 г. Осмоловский на страницах «Самоуправления» опубликовал статью, в которой провел сравнение бывших земств с поветовым самоуправлением в Польше. «Значительная часть (Полесского) воеводства, вместе с большей частью 3-х восточных воеводств, в течение нескольких предвоенных лет пользовалась благами самоуправления, которое, хотя опиралось на антидемократических началах: двухуровневые выборы для мелкой собственности и отдельные курии для экономических и национальных групп, в хозяйственном отношении проявило себя очень положительно. В течение неполных десяти лет были построены многочисленные дороги и мосты, школьные здания и больницы, организована врачебная и ветеринарная помощь с многочисленным,

---

⁸⁴ Zjazd samorządowy w Brześciu. S. 150–151.

хорошо подготовленным персоналом, созданы склады семян и сельскохозяйственных орудий, основаны опытные станции, а также пункты по племенной работе, организованы лекции, курсы, выставки, которые под руководством агрономов в каждом повете значительно способствовали поднятию уровня сельского хозяйства», – так начал свою статью Осмоловский. При этом надзор со стороны государственной администрации сводился к утверждению выборов руководителей земств и контролю над законностью принимаемых решений. По свидетельству Осмоловского, земские деятели были полностью компетентны в экономических вопросах, их интеллектуальный уровень был высоким, а политические трения, вопреки ожиданиям, мало мешали в работе. Благодаря этому «земство быстро завоевало доверие жителей, и повышенные налоги поступали без задержки».

Совершенно в другом свете представлялось Осмоловскому поветовое самоуправление в Польше. Его руководителем являлся староста, что само по себе обеспечивало государственной администрации преобладающее влияние на органы поветового самоуправления, под надзором которого находились сельское самоуправление и муниципальные органы невыделенных из повета городов. «Установилось мнение, соответствующее действительности, но противоречащее существу самоуправления, что самоуправление – это староста». Контроль администрацией текущей деятельности самоуправления вплоть до мелочей, пассивность и неспособность их членов к самостоятельной работе, а также недостаточность источников финансовых поступлений отражались на результативности работы коммунальных органов: «Самоуправление не охватывает планомерно даже в своих намерениях весь объем потребностей в культурной и хозяйственной областях, но в зависимости от случая поддерживает те или иные сферы хозяйства». Кроме того, по мнению Осмоловского, активное вмешательство

государственных властей в работу муниципальных органов крайне негативно отражалось на отношении жителей и к самоуправлению, и к администрации⁸⁵.

Характерным является сообщение инспектора гминного самоуправления Несвижского повета М. Борозда. В 1924 г. он отмечал, что на фоне многочисленных случаев пренебрежения коммунальными деятелями своими обязанностями и критического отношения в обществе к самоуправлению в разных местностях Польши, причем не только в восточных воеводствах, жители Несвижского повета относились к местному самоуправлению со всей серьезностью и демонстрировали стремление работать для общественного блага. Так, владельцы арендуемых органами самоуправления под школы помещений не только терпеливо дожидались просроченных платежей за аренду, но и бесплатно доставляли школам топливо, жители добровольно из собственных средств оплачивали различные расходы на их содержание, а работники городского и сельского самоуправления готовы были посвящать себя общественной службе, несмотря на задержки с выплатой зарплаты в 2–4 месяца. Такая отличная от многих других местностей позиция жителей, можно предположить, была связана с положительным опытом работы земства на территории повета, до войны относившейся к Минской губернии. В то же время Борозд указывал на необходимость расширения источников дохода самоуправления, поскольку «в настоящих условиях выполнение обязанностей и участие общества в работе самоуправления слишком уж затруднено и не приносит вообще элементарных и соответствующих результатов, особенно здесь, на кресах»⁸⁶.

Таким образом, восстановление польской государственности в ноябре 1918 г. поставило на повестку дня проблему территориального

---

⁸⁵ *Osmołowski J.* Samorząd powiatowy w Województwie Poleskim // Samorząd. 1925. № 34. S. 660–661.

⁸⁶ *Borozd M.* Dobry przykład z pow. Nieświeskiego // Samorząd. 1924. № 13. S. 170.

размежевания с Россией, возродив вековой спор за обладание литовскими, белорусскими, украинскими землями. Глава Польского государства Ю. Пилсудский в качестве прикрытия экспансионистских замыслов на востоке избрал идею федерации под покровительством Польши Белоруссии и Литвы. Таким способом он надеялся замкнуть Россию на западе в ее этнических границах и коренным образом повлиять на расстановку сил в Восточной Европе в свою пользу. Но для создания федерации не было реальных предпосылок, поскольку ее сторонников на белорусских и литовских землях, где в это время формировалась собственная национальная государственность, практически не имелось. Хотя эта идея была далека от осуществления, варшавское руководство в рамках федералистской программы на оккупированных польскими войсками восточных землях весной 1919 г. образовало управленческую структуру по типу гражданской администрации – Гражданское управление восточных земель.

В своих декларациях Пилсудский и руководители ГУВЗ серьезную роль отводили местному самоуправлению, обещая равноправное участие в нем жителей различных национальностей, что должно было стать практическим подтверждением намерения польской власти учитывать их мнение в управлении краем. Однако проведение свободных муниципальных выборов в условиях, когда среди непольского большинства преобладали антипольские настроения, усиленные произволом польской армии и гражданской администрации, привело бы к образованию нелояльных к Польше местных органов власти. Допускать этого поляки не собирались. На практике в большинстве городов муниципальные выборы либо не состоялись (там органы самоуправления были укомплектованы по назначению), либо становились объектом прямого вмешательства польских властей, обеспечивавших себе благоприятный результат. В некоторых городах свободные выборы все же

были проведены, по их итогам поляки в городских органах, как правило, оказались в меньшинстве, большинство мандатов получили евреи, которые, наряду с вошедшими в их состав белорусами, русскими и др., нередко открыто демонстрировали антипольские настроения.

Созданные на территории ГУВЗ под эгидой польских властей органы городского самоуправления прекратили свою деятельность летом 1920 г. в результате наступления Красной армии, занявшей всю белорусскую территорию. В конце лета – середине осени западнобелорусские земли были повторно захвачены польскими войсками. На этот раз поляки отказались от каких-либо попыток формирования выборного городского самоуправления. Советы в большинстве городов были распущены, вместо всех органов самоуправления действовал магистрат, члены которого назначались государственной администрацией.

В условиях политической нестабильности на западнобелорусских землях руководство Польши отказалось от проведения очередных муниципальных выборов, которые должны были состояться в 1922 г. Сеймом был принят закон, продлевающий полномочия органов самоуправления в восточных воеводствах на неопределенный срок. Местные жители, не исключая поляков, лишённые возможности каким-либо образом участвовать в работе самоуправления, были возмущены. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к центральным властям с требованиями скорейшего проведения новых выборов в муниципальные органы, с которыми общественность на западнобелорусских землях связывала надежды на более успешное, чем прежде, послевоенное восстановление края и улучшение условий жизни. Такие ожидания во многом были вызваны свежими воспоминаниями об успешном опыте работы земского самоуправления в Минской губернии.

2.3. Идеи «государственной ассимиляции» и муниципальные органы: 1926 г. – начало 1930-х гг.

Проведение в конце 1926 – начале 1928 гг. выборов в органы территориального самоуправления в восточных воеводствах стало одним из наиболее важных мероприятий режима «санации» в рамках политики «государственной ассимиляции». Решение о проведении выборов было призвано снять недовольство местного населения, вызванное отсутствием возможности принимать участие в работе самоуправления, а также позволить пилсудчикам сориентироваться в раскладе политических сил в стране накануне предстоявших парламентских выборов⁸⁷. Коммунальные выборы вызвали живой интерес со стороны жителей и оказались в центре внимания всех политических сил. В частности, все белорусские партии призывали белорусов принять в них активное участие, подчеркивая значение самоуправления для развития национальной культуры и самосознания, а также поднятия уровня жизни⁸⁸.

Систематические сведения относительно политического и национального состава городских органов на протяжении всего межвоенного периода удалось найти только по Полесскому воеводству. Для остальных западнобелорусских территорий доступны лишь неполные данные, которые могут отражать за разные годы, например, только политическую либо национальную и конфессиональную принадлежность

---

⁸⁷ *Łuczak A.* Samorząd terytorialny... S. 136–137; *Chojnowski A.* Piłsudczycy u władzy. Dzieje Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986. S. 31.

⁸⁸ Sprawy narodowościowe. 1927. № 3. S. 283, 286; Archiwum Państwowe w Białymstoku (APwB). Zespół 47. Sygn. 37. K. 95, 118. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1229&from> (дата обращения: 30.10.2013). Недельные отчеты белостокского воеводы за период с 6 мая по 3 сентября 1927 г.

их членов. Тем не менее, имеющаяся информация дает ясное представление об общей картине.

По итогам состоявшихся в конце 1926 – начале 1928 гг. выборов в городские советы Полесского воеводства 59,1% депутатских мандатов получили представители еврейского населения, 19% – белорусского, 18,2% – польского, 2% – русского и 1,6% – украинского. Политический состав городских советов был представлен следующим образом: 18,5% депутатов являлись деятелями сионистских организаций, 18,1% – левых еврейских партий (Бунда, Поалей-Цион-правицы, Поалей-Цион-левицы), 14,1% – провластного Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББСП), 13,3% – еврейскими ортодоксами, 10% – членами РНО⁸⁹, 2,8% – КПЗБ, 2% – Белорусского крестьянско-рабочего парламентского клуба «Змаганне» (далее «Змаганне», прокоммунистическая белорусская организация, существовавшая в 1927–1930 гг.) и т.д. 9,6% депутатов являлись беспартийными. Польские оппозиционные партии в полесских городах получили незначительное представительство: христианские демократы (ХД) – 2% мандатов, ППС – 1,2%⁹⁰.

На выборах в Новогрудском воеводстве 52,2% мест в городских советах отошли евреям, 34,3% – полякам, 11,8% – белорусам и 1,7% – татарам⁹¹. В отношении выборов в белорусских городах Белостокского воеводства можно отметить, что в городском совете Свислочи из 12 мест 9 получили евреи и 3 христиане⁹², в совет Волковыска по еврейским несоциалистическим спискам прошли 8 депутатов, от ППС – 5, Бунда – 3,

---

⁸⁹ Контраст между количеством депутатов, представлявших русское население и РНО, объясняется особой ситуацией, сложившейся в коммунальных органах Давид-Городка.

⁹⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1102. Л. 8.

⁹¹ *Mileўski Я.Е.* Нацыянальная структура гарадскіх рад... С. 22.

⁹² APwB. Zespół 47. Sygn. 37. K. 115. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1229&from> (дата обращения: 30.10.2013).

ХД – 2, от православных жителей – 1 и др.⁹³ В Индуре советниками были избраны 10 евреев и 2 поляка⁹⁴, в Скиделе – 8 евреев, 2 поляка, 1 белорус и 1 татарин⁹⁵, в Гродненском совете евреи также получили большинство мест (см. далее). О результатах выборов в белорусских городах Виленского воеводства в 1927 г. точных сведений нет.

Для примера, профессиональный и социальный состав городских советов Полесского воеводства был следующим: 42,9% депутатов являлись предпринимателями (владельцами промышленных и торговых предприятий) и самостоятельными ремесленниками, 20,2% – мелкими крестьянами, 15,4% – коммунальными служащими, 6,9% – представителями свободных профессий, 4,5% – ремесленниками и торговцами, работавшими по найму, 3,6% – рабочими и т.д.⁹⁶ В последующие годы профессиональная и социальная принадлежность советников в городах Полесского воеводства в общих чертах оставалась неизменной.

Местные выборы 1927–1928 гг. в целом были проведены в соответствии с законом, хотя и не обошлось без прямого вмешательства государственной администрации, стремившейся не допустить в городские советы представителей левых сил, в первую очередь коммунистов. Последние придавали территориальным выборам серьезное значение, рассматривая самоуправление как удобную площадку для агитации. При этом выборы в крупных западнобелорусских городах принесли им заметные успехи. Так, в городские советы Бреста и Гродно было избрано по 6 представителей коммунистических избирательных блоков, обычно

---

⁹³ Ibid. К. 139.

⁹⁴ Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 78. Л. 226. Отчет о выборах в городской совет г. Индуры. Сентябрь 1928 г.

⁹⁵ Скідзель. 500 год у гісторыі. С. 130.

⁹⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 715. Л. 268–279. Статистические сведения о результатах выборов в органы территориального самоуправления Полесского воеводства. 1929 г.

именовавшихся «Рабочее единство», куда наряду с членами КПЗБ входили деятели бывшей БКРГ, местный актив которой продолжал деятельность, отдельные представители ППС, Бунда и др. В Бресте «Рабочее единство» набрало наибольшее количество голосов среди всех списков. Реакцией местной администрации были репрессии: коммунистические списки аннулировались, заявленные в них депутаты арестовывались и др. После выборов в Гродно в 1927 г. ППС и руководство классовых профсоюзов⁹⁷ города заявили, что в списки избирателей были умышленно не включены 4 тыс. жителей предместий, где преобладали левые настроения, накануне выборов из списков вычеркивались отдельные имена и др.⁹⁸

Тем не менее, результаты выборов отражали мнение большинства горожан. Преобладающую часть депутатских мест они принесли еврейским жителям, их представительство в городских советах заметно превосходило их долю среди городского населения. Успехи евреев во многом определялись их активностью и заинтересованностью в деятельности городского самоуправления. Эффективная организация и значительные финансовые средства, которыми, как правило, располагали еврейские организации, обеспечивали успешное проведение предвыборных кампаний. Так, в заметке в одной из местных газет указывалось, что в Бресте, Несвиже и Пинске поляки потеряли немало мандатов из-за своей халатности. Еврейские жители накануне коммунальных выборов являлись в избирательные комиссии с целью удостовериться, были ли их фамилии внесены в списки избирателей. Христиане же не проявили соответствующей предусмотрительности, и поэтому часть из них

---

⁹⁷ Профсоюзное движение в межвоенной Польше было разделено по политическому признаку, наиболее значительными объединениями были находившиеся под влиянием социалистов и коммунистов классовые профсоюзы, а также профсоюзы, подконтрольные эндекам, режиму «санации» и католической церкви.

⁹⁸ APwB. Zespół 47. Sygn. 38. K. 106. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1657&from> (дата обращения: 30.10.2013). Недельный отчет белостокского воеводы № 28 за период с 23 по 29 октября 1927 г.

в день выборов не смогла принять участие в голосовании, так как нередко оказывалось, что при составлении списков избирателей были учтены не все горожане, имевшие право голоса⁹⁹.

Неплохие результаты выборы принесли белорусам. В городах Полесского воеводства они получили представительство, пропорциональное их удельному весу среди жителей, обойдя поляков. В Новогрудском воеводстве их репрезентация оказалась несколько меньшей, а в белорусских поветах Белостокского воеводства – минимальной. Тем не менее, всеми белорусскими политическими силами такой результат был признан успешным¹⁰⁰.

Для польского населения выборы закончились неудачно: в городских советах они получили значительно меньшее представительство по сравнению с их долей в городском населении. В трех городах Полесского воеводства: Высоко-Литовске, Давид-Городке и Каменец-Литовске, в состав городских советов не прошел ни один поляк. Проправительственные политические организации также оказались в меньшинстве. Такой результат во многом объясняется пассивностью, которую поляки продемонстрировали в отношении выборов, о чем многократно сообщали представители местной администрации. На еще одну важную причину было указано в отчете бургомистра Пружан о состоявшихся в конце 1927 г. городских выборах. По его свидетельству, баллотировавшиеся в городской совет поляки как прибывшие из этнически польских регионов государства не пользовались популярностью у местных жителей, и поэтому победить их на выборах было легко, особенно с помощью лозунга: «За кого голосуете? За тех, кто приехал вами управлять?»¹⁰¹.

---

⁹⁹ ABC. 1927. 27 lipca. № 190. S. 6.

¹⁰⁰ Sprawy narodowościowe. 1927. № 4. S. 411.

¹⁰¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 645. Л. 3. Сообщение бургомистра г. Пружаны пружанскому поветовому старосте. 17 октября 1927 г.

Национальный и политический состав городских магистратов, избранных в 1927–1928 гг., не соответствовал составу городских советов. Например, в Полесском воеводстве 47,1% членов магистратов являлись евреями, 45,1% – поляками, 7,8% – белорусами. По своей политической принадлежности они представляли ББСП (27,5% мандатов), сионистские организации (11,8%), Поалей-Цион-правицу (7,8%), еврейских ортодоксов (7,8%), «Змаганне» (3,9%), КПЗБ (3,9%), РНО (3,9%) и др.; 21,6% оказались беспартийными¹⁰². Выборы в магистраты в Новогрудском воеводстве принесли 48,6% мест полякам, 45,7% – евреям и 5,7% – белорусам¹⁰³. Как видно, представительство поляков в магистратах намного превосходило их долю в составе городских советов и городского населения в целом. ББСП также по сравнению с советами был представлен значительно большей частью членов магистратов. Значение этого факта нельзя недооценивать, т.к. именно магистратам принадлежала решающая роль в системе муниципальных властей. Усилению позиций польского населения в городских органах также способствовало существование негласного правила, по которому ключевую должность бургомистра (президента) могли занимать только поляки, кандидатуры которых получили одобрение воеводской администрации.

Надежды некоторых пилсудчиков на то, что участие представителей всех национальностей в работе самоуправления на условиях справедливого представительства обеспечит взаимопонимание и сотрудничество между ними, оказались пустыми. Городские сообщества на западнобелорусских землях были расколоты по этноконфессиональному и политическому признаку. Уровень доверия и взаимопонимания между различными группами был низким, каждая из них преследовала свои интересы,

---

¹⁰² Там же. Оп. 8. Д. 1101. Л. 15. Статистические сведения о национальном и партийном составе служащих органов самоуправления Полесского воеводства. 1 января 1930 г.

¹⁰³ *Мілеўскі Я.Е.* Нацыянальная структура гарадскіх рад... С. 22.

призывы к совместной работе для достижения общих целей не находили благоприятной почвы. Как правило, с самого начала взаимные противоречия превратили муниципальные органы в арену столкновений интересов различных национальных и политических групп, сделав сотрудничество между ними затруднительным. Поводом для конфликтов обычно становилось стремление переложить друг на друга большую часть коммунальных налогов, а также увеличить долю городских расходов на образовательные, культурные и социальные цели в пользу собственных национальных организаций. Нередко национальные и политические противостояния внутри городских советов полностью парализовали их работу, делая невозможным избрание руководителей городов, принятие бюджетов и т.д.

Еврейские депутаты, заняв абсолютное большинство мест в муниципальных органах многих западнобелорусских городов, получили возможность проводить в них свои решения, часто игнорируя требования представителей других национальностей. Так, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. среди городов Полесского воеводства они обеспечили себе полный контроль над самоуправлением в Березе, Высоко-Литовске, Каменец-Литовске, Кобрине, Пружанах, Ружанах и др. В 1927 г. еврейское большинство в городском совете Ружан приняло решение об исключении из бюджета расходов на строительство костела, взамен были включены расходы на содержание еврейских школы и библиотеки. В знак протеста против этих действий советники поляки в Ружанах сложили с себя свои мандаты¹⁰⁴. Этот шаг не остался незамеченным: в марте 1928 г. полесский

---

¹⁰⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 155. Л. 37. Отчет пружанского старосты о деятельности самоуправления г. Ружаны за октябрь 1927 г.; Там же. Л. 40. Отчет об инспекции магистрата г. Ружаны, проведенной инспектором гминного самоуправления 28–30 ноября 1927 г.; Там же. Л. 72. Отчет пружанского старосты о деятельности самоуправления г. Ружаны за январь 1928 г. 25 февраля 1928 г.

воевода распустил Ружанский совет¹⁰⁵. Схожим образом от своих мандатов отказались советники-христиане в Кобрине, протестуя против действий еврейских представителей в городском совете¹⁰⁶. В 1929 г. депутат Брестского совета от русского населения доктор В. Редько публично обратился к своим избирателям с целью разъяснить, что решение совета об отказе увеличить незначительную сумму, предусмотренную в бюджете города на помощь Русскому благотворительному обществу, было принято голосами правых евреев, а не членами ББСП¹⁰⁷.

Более того, взаимным доверием по-прежнему не отличались отношения между национальными меньшинствами и государственной властью. Национальная политика «санации» с самого начала была непоследовательной, шаги навстречу требованиям национальных меньшинств были совершенно недостаточны, чтобы сгладить прошлые обиды и преодолеть враждебность. Лозунги «государственной ассимиляции» часто не находили понимания среди представителей местной государственной администрации, огульно воспринимавшей польских жителей как нелояльных. Также местные чиновники разделяли уверенность в том, что восточнославянское население в силу недостаточного культурного и политического развития было не в состоянии самостоятельно решать непосредственно касавшиеся его вопросы местного уровня и, соответственно, нуждалось в опеке со стороны польских властей, призванных выполнять в восточных воеводствах цивилизаторскую миссию. Если стремление белорусов, евреев и др. использовать муниципальные органы как площадку для национальной работы становилось препятствием для их нормального функционирования, то во многих случаях это происходило потому, что на практике польские

---

¹⁰⁵ Poleski Dziennik Wojewódzki. 1928. № 4. Poz. 38. S. 3–4.

¹⁰⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 185. Донесение полесского воеводы в МВД по вопросу политической ситуации в городах воеводства. 17 апреля 1930 г.

¹⁰⁷ Express Poleski. 1929. 22 maja. № 142. S. 4.

власти в принципе не признавали за меньшинствами права на национальное развитие, даже за счет их собственных средств.

Как представляется, непольские жители, составлявшие в восточных воеводствах большинство, имели все основания использовать местное самоуправление, бюджет которого формировался за счет взимаемых с них налогов и платежей, для решения своих национально-культурных целей. Но попытки проведения расходов на непольские образовательные, культурные, хозяйственные институты приводили к систематическому вмешательству в работу самоуправления государственной администрации: неугодные члены муниципальных властей лишались мандатов, власти прибегали к роспуску советов и организации новых выборов, назначению городских руководителей, блокировали исполнение решений городских самоуправлений, им навязывались бюджеты, расходная часть которых шла по линии преимущественного удовлетворения интересов польских жителей в ущерб интересам остальных горожан¹⁰⁸. Грубое административное вмешательство и несправедливое распределение городских расходов противоречили самой идее «государственной ассимиляции», затрудняли добрососедские отношения между разными национальными группами, повсеместно вызывали возмущение со стороны меньшинств, а нередко и местных поляков.

Ярким примером такой политики служит Брест. Выборы в Брестский совет состоялись в июне 1926 г., 55% мест они принесли евреям, 35,5% – полякам, 9,7% – русским и украинцам. Однако МВД по представлению полесского воеводы, назвавшего такой результат неблагоприятным для

---

¹⁰⁸ Схожая ситуация на западнобелорусских землях повторилась в деревне. На выборах в органы сельского самоуправления в 1927 г. во многих местностях белорусы, среди которых преобладали сторонники бывшей БКРГ, получили абсолютное большинство мест. Они активно добивались использования белорусского языка в качестве делопроизводственного, стремились провести в бюджеты гминных советов расходы на белорусские образовательные и культурные учреждения. Эти усилия наталкивались на категорические запреты административных властей.

польского населения города, объявило их недействительными¹⁰⁹. Новые выборы прошли в сентябре 1926 г. В этот раз результат для поляков оказался более удачным: в совет прошли 14 (45,1%) их представителей наряду с 14 евреями и 3 (9,7%) православными жителями¹¹⁰. Противоречия между брестскими депутатами сразу же дали о себе знать. Они не смогли договориться и избрать руководство города, из-за чего президент и вице-президент были назначены. Далее, воеводские власти отклонили принятый советом городской бюджет, советники, в свою очередь, отказывались утверждать навязываемый сверху вариант бюджета. В итоге городской бюджет так и не был принят, а Брестский совет в мае 1928 г. был распущен решением МВД¹¹¹.

Новые советники, избранные в Бресте в конце 1928 г., достигли между собой компромисс, который должен был создать условия для позитивной работы совета. В соответствии с соглашением между поляками и евреями, субсидии на еврейские школы и благотворительные учреждения увеличивались до 70 тыс. злотых (при этом на польские учреждения образования и социального обеспечения была предусмотрена сумма в три раза больше). Однако ПВУ в июле 1929 г. значительно сократила расходы, заложенные в городском бюджете на еврейские организации, что вызвало активные протесты со стороны советников. Председатель фракции ББСП Брестского совета поляк С. Лопотт, известный в городе хирург, в знак солидарности с евреями отказался от своего мандата. На страницах официальной газеты «Express Poleski» он заявил: «...еврейские советники совершенно справедливо рассматривают данные сокращения как вопиющую несправедливость и национально-

---

¹⁰⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 639. Л. 94. Письмо ПВУ в МВД. Июль 1926 г.: Там же. Л. 97. Письмо МВД полесскому воеводе. 24 июля 1926 г.

¹¹⁰ Там же. Л. 112. Письмо ПВУ в МВД. 25 сентября 1926 г.

¹¹¹ Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы. С. 37.

политические тенденции»¹¹². Одновременно еврейская часть городского совета направила протест на решение ПВУ в административный трибунал, а также опубликовала статью в одной из местных еврейских газет, которая затем была на польском языке перепечатана в «Express Poleski». В ней еврейские советники, выразив свое возмущение, заявили, что считают себя полноправными гражданами и, выполняя все обязательства перед государством, имеют полное право требовать, «чтобы наши (еврейских жителей. – А. Д.) дети не оказались выброшенными на улицу, а наши больные и слабые не остались без помощи»¹¹³.

Брестский совет, несмотря на письменное поручение полесского воеводы строго придерживаться измененного воеводской управой бюджета, отказался менять его первоначальный вариант. Это был демонстративный шаг, т.к. на практике органы самоуправления не имели возможности отменить решения административных властей¹¹⁴. В последующем еврейские депутаты бойкотировали заседания совета, что делало невозможным принятие бюджета, требовавшее присутствия большинства советников. Очень скоро взаимоотношения между брестскими советниками испортились: поляки обвинили еврейских представителей в том, что они, пользуясь численным преобладанием, использовали коммунальные органы в своих целях, нанося значительный вред христианскому населению и развитию города в целом. В знак протеста депутаты от ББСП отказались от своих мандатов. Вслед за этим в марте 1930 г. Я. Крахельский обратился в МВД с предложением в очередной раз распустить Брестский совет¹¹⁵. Одним из следствий описанных событий стало то, что с 1927 по 1930 г. в Бресте не было официально утвержденного бюджета.

---

¹¹² Express Poleski. 1929. 4 lipca. № 185. S. 4.

¹¹³ Ibid. 1929. 20 lipca. № 202. S. 4.

¹¹⁴ Ibid. 1929. 19 lipca. № 201. S. 4.

¹¹⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 643. Л. 67. Письмо полесского воеводы в МВД. 13 июня 1930 г.; Там же. Л. 73. Письмо полесского воеводы в МВД. 1930 г.

Не лучше дела обстояли в Гродно. На выборах в Гродненский совет в октябре 1927 г. 13 мандатов получил еврейский национальный блок, объединивший все еврейские несоциалистические партии, 9 – польский христианский комитет, куда вошли ББСП и ХД, 5 – ППС, 2 – Бунд, 1 – Поалей-Цион-левица. 6 мандатов отошли коммунистическому Объединенному рабочему блоку, в том числе трем белорусам, членам бывшей БКРГ. Как указывалось в отчете Белостокской воеводской управы (БВУ), успех блока, набравшего 14% голосов, обеспечила поддержка со стороны членов бывшей БКРГ и Товарищества белорусской школы (крупнейшей в Польше белорусской культурно-просветительской организации)¹¹⁶. Пять представителей блока уже в качестве депутатов городского совета вскоре были арестованы по обвинению в коммунистической деятельности, шестой же отказался от мандата, публично отрекшись от каких-либо связей с коммунистами¹¹⁷.

Сразу после выборов проявились непримиримые противоречия между различными политическими силами в Гродненском совете. На его первом заседании еврейский национальный блок и христианский комитет, несмотря на противодействие представителей левых партий, президентом города повторно избрали К. Рогалевича, который занял эту должность по решению совета предыдущего созыва. В знак протеста левый блок совета, ведущую роль в котором играла ППС, покинул заседание, сделав невозможным избрание остальных членов магистрата. Вскоре представители левого блока публично разъяснили свой поступок. По их свидетельству, бывшие члены магистрата, бесконтрольно управляя городом, привели его хозяйственную жизнь в упадок, совершили множество злоупотреблений, а также проводили враждебную в отношении

---

¹¹⁶ APwB. Zespół 47. Sygn. 38. K. 71. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1657&from> (дата обращения: 30.10.2013).

¹¹⁷ Ibid. K. 56, 78, 83.

трудящихся масс политику¹¹⁸. Левые деятели пообещали всеми средствами противостоять намерению несоциалистического большинства совета избрать в магистрат его прежних членов¹¹⁹. По этому вопросу советники так и не смогли договориться, в марте 1928 г. белостокский воевода назначил вице-президентом Гродно директора учительской семинарии К. Ласкевича¹²⁰.

Из-за политических и национальных противоречий работа Гродненского совета в 1928 г. так и не вошла в нормальную колею. Судя по сообщениям в гродненской печати всех политических оттенков, это привело к негативным результатам в хозяйственной деятельности городских властей и вызвало недовольство среди горожан. Как сообщалось в отчете БВУ об общественно-политической ситуации в воеводстве, в газете ББСП «Głos Prawdy Ziemi Grodzieńskiej» деятельность городского совета была подвергнута суровой и справедливой критике: «...с начала 1928 г. в совете начала распространяться беспредметная пустая болтовня, которая позднее полностью заполнила заседания совета, в результате чего хозяйство города оказалось в фатальном состоянии, а финансы практически пришли в упадок»¹²¹. «Самоуправление Гродно при

---

¹¹⁸ Здесь характерен конфликт, практически не затухавший на протяжении середины 1920-х – середины 1930-х гг. между городскими властями и работниками коммунальных предприятий, противопожарной службы, городской больницы, театра, которые были недовольны условиями зарплаты, неоплачиваемыми сверхурочными работами, отсутствием экипировки и др. Противостояние многократно переходило в забастовки и выступления коммунальщиков Гродно, обеспечение функционирования жизненно важных электростанции и водопровода в этих случаях принимала на себя армия.

¹¹⁹ APwB. Zespól 47. Sygn. 38. K. 207–208, 215. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1657&from> (дата обращения: 30.10.2013).

¹²⁰ Nowy dziennik kresowy. 1928. 23 marca. № 83. S. 4.

¹²¹ Цит. по: APwB. Zespól 47. Sygn. 47. K. 51. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=4887&from> (дата обращения: 30.10.2013). Недельные отчеты белостокского воеводы за период с 30 декабря 1928 г. по 30 марта 1929 г.

теперешнем раскладе сил переживает тяжелые минуты. Многие сферы городского хозяйства заброшены... нужно быть оптимистом, чтобы ожидать перемен к лучшему... Надзорные власти из такого положения вещей должны сделать далеко идущие выводы, чтобы уберечь городское самоуправление от безвластия, политической и, что еще хуже, национальной борьбы»¹²², – заявлялось в органе ППС «Nowy dziennik kresowy» в марте 1928 года. Дело закончилось роспуском Гродненского совета в феврале 1929 г., во главе города был поставлен комиссар А. Рончашек. Соответствующее решение МВД, зачитанное на заседании совета, присутствовавшие представители общественности встретили аплодисментами¹²³.

Новые выборы состоялись в апреле 1929 г., в городской совет прошли 15 представителей национального еврейского блока, 6 – ХД, 5 – ББСП, 4 – ППС, 4 – по совместному списку Бунда и Поалей-Цион-левицы и 1 депутат от православных жителей города русский Г. Дулевич. Коммунистические деятели оказались за бортом: на этот раз власти заблаговременно накануне выборов аннулировали список «Рабочее единство», арестовав большинство заявленных в нем кандидатов. Невысокая явка, которая составила 56% (по сравнению с 71% на выборах в 1927 г.), наверняка отражала разочарование многих горожан в работе городского самоуправления¹²⁴.

В новом составе Гродненский совет также не избежал партийных противоречий. Общая неприязнь к ББСП объединила ХД и ППС. В июне 1929 г. совет собрался на первое заседание, ему предстояло избрать

¹²² Nowy dziennik kresowy. 1928. 14 marca. № 74. S. 4.

¹²³ APwB. Zespół 47. Sygn. 47. K. 131. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=4887&from> (дата обращения: 30.10.2013).

¹²⁴ Ibid. Sygn. 48. K. 22, 29. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=5431&from> (дата обращения: 30.10.2013). Недельный отчет белостокского воеводы № 15 за период с 7 по 13 апреля 1929 г.

президента города. ББСП отдал 4 голоса в пользу комиссара Гродно Рончашека, 10 депутатов ХД и ППС проголосовали за бывшего президента города Э. Стемпневского. Еврейские депутаты, несмотря на данное ранее обещание поддержать кандидата ББСП, воздержались от голосования, предоставив советникам-полякам самим решать этот вопрос¹²⁵. Но для избрания руководителя города один из кандидатов должен был получить абсолютное большинство голосов, противоречия между различными силами в совете так и не удалось преодолеть, в августе 1929 г. решением МВД президентом Гродно был назначен Рончашек¹²⁶.

В отдельных случаях представители городского самоуправления открыто демонстрировали оппозиционные настроения по отношению к польским властям. В числе первых шагов Пинского совета, избранного в 1927 г., были решения о публикации всех изданий на двух языках: польском и идиш, и возведении памятника за счет городских средств на захоронении евреев, расстрелянных в Пинске польскими войсками в апреле 1919 г. по ложному подозрению в коммунистической деятельности. Характерно, что за принятие данных решений голосовало не только еврейское большинство совета, но и все остальные присутствовавшие на его заседании члены за исключением одного советника поляка¹²⁷. В апреле 1928 г. совет Пинска принял решение предоставить служащим магистрата дополнительный выходной на 1 мая. Все названные постановления были отменены воеводскими властями.

Естественно, подобные противоречия как внутри городского самоуправления между представителями различных национальностей, так и между государственной администрацией и городскими органами, не

---

¹²⁵ Ibid. К. 205. Недельный отчет белостокского воеводы № 26 за период с 23 по 28 июня 1929 г.

¹²⁶ Ibid. Syg. 49. К. 81. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=5432&from> (дата обращения: 30.10.2013). Месячный отчет белостокского воеводы за август 1929 г.

¹²⁷ Gazeta Poleska. 1927. 16 września. № 16. S. 6–7.

способствовали эффективной работе последних. В начале 1931 г. на съезде старост Полесского воеводства воеводский инспектор коммунальных органов А. Соколовский отчитывался о проведенных им в течение двух предшествовавших лет ревизиях. По его свидетельству, если органы сельского самоуправления вели хозяйство целесообразно и бережно расходовали общественные средства, не вызвав серьезных нареканий, то в работе городских властей дела обстояли гораздо хуже. Соколовский указал на «очень неосмотрительное» заключение магистратами договоров на выполнение различных работ, условия которых нередко явно противоречили городским интересам, бесплановость в работе, часто городские органы вели хозяйство, не обращая внимания на проекты бюджетов, не использовали все причитающиеся доходные позиции и др. В основе неэффективной работы городских самоуправлений лежала неподготовленность и пассивность их членов, часто не проявляющих заинтересованности в общественных делах¹²⁸.

В отчетах о люстрациях городских самоуправлений Полесского воеводства, проведенных во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., обычно повторяется примерно одинаковая картина: недобросовестное отношение их членов к своим обязанностям, безобразия с отчетностью, самоуправство в расходовании городских средств, реальные действия по улучшению жизненных условий горожан нередко оказывались на заднем плане. Различные источники изобилуют сообщениями о многочисленных злоупотреблениях членов городских органов, оказывавшимися заинтересованными лицами в хозяйственных сделках магистратов, участниками различных махинаций с взиманием налогов, прямых хищений и т.д.¹²⁹

---

¹²⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 396. Л. 45, 47, 48, 53. Протокол съезда поветовых старост Полесского воеводства, состоявшегося 23 и 24 января 1931 г.

¹²⁹ К примеру, в 1929 г. решением МВД был лишен мандата городского советника и уволен с должности лавника магистрата Бреста С. Померанец,

Но были и положительные примеры. Так, Соколовский в отчете о ревизии магистрата Лунинца, проведенной в марте 1930 г., указывал, что городское хозяйство относительно имевшихся финансовых средств велось удовлетворительно, работа немногочисленного персонала была оценена им положительно. Однако недовольство инспектора вызвал национальный состав магистрата, все служащие которого оказались русскими¹³⁰.

являвшийся заинтересованным лицом в хозяйственных сделках городских властей с частными предприятиями (Express Poleski. 1929. 19 lipca. № 201. S. 4; Ibid. 1929. 26 września. № 270. S. 4). В это же время был доказан факт хищения руководителем финансового отдела Брестского магистрата из городской кассы существенной суммы в размере 126,6 тыс. злотых (ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 643. Л. 95. Сообщение полесского воеводы в МВД. Ноябрь 1929 г.). На протяжении второй половины 1920-х гг. два кассира Гродненского магистрата в результате махинаций со взиманием платежей за воду похитили около 30 тыс. злотых (Głos Ziemi Białostockiej. 1931. 28 sierpnia. № 196. S. 4). Проведенная в 1929 г. инспекция городских властей Кобрина выявила массовые нарушения в выполнении бюджета, ведении кассовой отчетности, взимании налогов и др. (ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 35. Л. 20. Материалы инспекции органов самоуправления Кобринского повета, проведенной воеводским инспектором А. Соколовским в период с 26 по 30 ноября и с 3 по 5 декабря 1929 г.; Там же. Л. 68–70. Отчет инспектора гминного самоуправления М. Андрушкевича об инспекции магистрата г. Кобрина в сентябре–ноябре 1929 г.). Очередная проверка в «высокой степени запущенного» Кобрина в 1932 г. вновь зафиксировала многочисленные проколы со стороны коммунальных властей, среди прочего оплату из городской кассы личных долгов служащих, в частности долгов заместителя бургомистра Бирмана в вино-водочном магазине. После этой люстрации воеводские власти пришли к выводу о необходимости замены всего персонала магистрата (ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 970. Л. 36, 48. Материалы инспекции органов самоуправления Кобринского повета, проведенной в период с 30 августа по 11 сентября 1932 г.). В 1929 г. в работе городских властей Коссова были выявлены многочисленные злоупотребления при взимании налогов, члены магистрата практически не платили налоги, бургомистр из городской кассы одалживал деньги городским служащим и третьим лицам на личные цели (ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 238. Л. 1–3. Материалы инспекции магистрата г. Коссова, проведенной инспектором гминного самоуправления Скшинским 27–29 мая 1929 г.).

¹³⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1079. Л. 8. Материалы инспекции органов самоуправления Лунинецкого повета, проведенной воеводским инспектором А. Соколовским 12–15 марта 1930 г.

***

Срок полномочий органов городского самоуправления истек в 1930 году. Но польские власти не пошли на проведение очередных выборов во всех западнобелорусских городах. Вместо этого по каждому отдельному городу принималось решение о назначении новых выборов, там, где властям это представлялось нецелесообразным, срок полномочий городских органов был продлен на неопределенный период.

В апреле 1930 г. ПВУ в связи с предстоящими муниципальными выборами направила в МВД записку с характеристикой политической ситуации в городах Полесского воеводства. Воеводская управа рекомендовала центральным властям провести выборы во всех городах, указывая на то, что в любом случае они не приведут к уменьшению незначительного польского представительства в городских советах, а их отмена в более крупных городах оживит «выступления антиправительственных групп, создавая нежелательные настроения». По мнению воеводских властей, на фоне назревавшего политического кризиса в стране¹³¹ не следовало давать столичной оппозиционной прессе дополнительные поводы для критики¹³². В МВД учли этот совет частично, назначив выборы в Бресте, Пинске (что не стало неожиданностью, учитывая описанный выше конфликтный характер взаимоотношений между властями этих городов и государственной администрацией) и пяти невыделенных городах: Высоко-Литовске, Каменец-Литовске, Кобрине, Коссово и Логишине. В оставшихся 7 мелких городах продолжили работу муниципальные органы, избранные в 1927–1928 гг.

В большинстве случаев легко просматривается принцип, по которому новые выборы состоялись в тех городах, где поляки имели

---

¹³¹ Имеется в виду противостояние между «санацией» и блоком шести левых и центристских партий, получившим название «Центролев». Этот конфликт разрешился осенью 1930 г. арестом руководителей оппозиции, роспуском парламента и проведением досрочных парламентских выборов.

¹³² ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 193–194.

незначительное представительство или вообще не входили в советы. Так, в Высоко-Литовске все 12 депутатов являлись евреями, в Каменец-Литовске еврейскую общину представляли 11 депутатов из 12, в совете Коссово 7 мест принадлежали евреям, 3 – белорусам и 2 – полякам¹³³. В Кобрине в 1927 г. в состав совета были избраны 17 евреев, 4 поляка, 2 украинца и 1 русский. В 1929 г. советники-христиане в знак протеста против действий еврейского большинства сложили с себя мандаты. После этого христианские жители бойкотировали состоявшиеся в том же году дополнительные выборы, поэтому евреям отошли еще 7 мандатов и они получили исключительное представительство в Кобринском совете. Воеводское руководство сообщало, что в этой ситуации продление срока полномочий совета христиане рассматривали бы как «покровительство еврейского правления в городе»¹³⁴. Исключение в этом ряду составляет Логишин, где в 1930 г. состоялись новые выборы, хотя в 1927 г. в его совет вошли 10 поляков и 2 еврея¹³⁵. Источники не позволяют ответить на вопрос, по какой причине было принято решение о назначении в Логишине новых выборов. Также не ясно, почему вопреки рекомендациям воеводских властей в МВД решили не проводить выборы в Березе, Давид-Городоке, Лунинце, Пружанах, Ружанах, Столине и Шерешево, в городских органах которых поляки находились в меньшинстве либо вообще не были представлены. К примеру, в Лунинецком совете наиболее многочисленная «русско-белорусская группа» состояла из девяти-десяти советников, находившихся под влиянием РНО и «Змаганя». На почве антипольских настроений они нашли общий язык с еврейской группой, состоявшей из семи депутатов. ПВУ сообщала в МВД: «Отношение совета к правительству (за исключением проправительственной группы¹³⁶) в

---

¹³³ Там же. Оп. 8. Д. 1102. Л. 8.

¹³⁴ Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 180–182.

¹³⁵ Там же. Оп. 8. Д. 1102. Л. 8.

¹³⁶ В ее состав входили шесть поляков.

целом оппозиционное. Русско-белорусская и еврейская группа всегда единодушна, когда идет речь о выражении этого отношения». По свидетельству воеводских властей, бургомистр Витольд Станкевич, русифицированный поляк, «совершенно немощный старичок», находился под полным влиянием своего заместителя лавника Н. Хофштейна, сторонника коммунистических взглядов¹³⁷.

Выборы в городские советы, состоявшиеся в белорусских городах Полесского воеводства в 1930 г., принесли 62,6% мандатов еврейскому населению, 27,6% – польскому, 4,9% – белорусскому, 3,3% – русскому и др. 22% советников представляли левые еврейские партии, 22 – еврейских ортодоксов, 18,1 – ББСП, 11 – сионистские организации, 2,4 – РНО, 1,6 – КПЗБ. Количество мандатов, полученных польской оппозицией, вновь было минимальным: ППС – 3 места (2,4%), христианские демократы – 2 места (1,6%), Национальная партия – 1 место (0,8%). 13,4% советников являлись беспартийным¹³⁸. Таким образом, в Полесском воеводстве

---

¹³⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 189. Из данного отчета следует, что в центре внимания большинства горожан находились экономические проблемы, вопросы благоустройства и др., тогда как тема проведения новых выборов обычно их интересовала слабо. Как указывалось в отчете, практически повсеместно одним из принципиальных факторов в работе муниципальных органов являлось противостояние за влияние между христианскими и еврейскими жителями. При этом различные еврейские политические организации нередко были готовы объединить усилия для обеспечения своих интересов, тогда как политические, национальные и классовые противоречия между жителями-христианами носили непримиримый характер, что затрудняло сотрудничество и было одной из важных причин их незначительного представительства в советах большинства полесских городов. Также авторы отчета указывали, что депутатов-белорусов отличали ярко выраженные антипольские настроения. К примеру, белорусы в советах Березы и Пружан, не входя ни в одну политическую партию, многократно демонстрировали негативное отношение к Польскому государству, стремясь затруднить взаимодействие муниципальных властей с государственной администрацией.

¹³⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1100. Л. 70. Статистические сведения о национальном и партийном составе служащих органов самоуправления Полесского воеводства. Второй квартал 1931 г.

произошло дальнейшее увеличение еврейского представительства в городских советах, одновременно возросло число мандатов, отошедших полякам. Для белорусов их результат оказался неудачным, но надо учитывать, что в тех городах, где в 1927–1928 гг. они добились значимых результатов, в первую очередь в Давид-Городке, Лунинце и Шерешево, в 1930 г. выборы не проходили.

По-прежнему успехи евреев на выборах во многом объяснялись их активностью и грамотной организацией предвыборных кампаний, тогда как остальные жители не всегда могли похвастаться подобной слаженностью действий. Так, Я. Крахельский сообщал в МВД, что в Бресте и Пинске деятели ББСП настолько неумело вели предвыборную агитацию, что не получили ни одного мандата¹³⁹.

Как и на предыдущих выборах, представительство поляков и ББСП в городских магистратах было большим, чем в советах. В составе магистратов городов Полесского воеводства, избранных в 1930 г., 50% мест получили представители еврейского населения и 46,2% – польского. ББСП принадлежали 34,6% мест, сионистам – 15,4%, еврейским ортодоксам – 19,2%, левым еврейским партиям – 7,6 и др.¹⁴⁰

Не удалось найти информацию относительно проведения городских выборов в 1930 г. на остальных западнобелорусских территориях.

Вопрос распределения бюджетных средств между образовательными и благотворительными организациями различных национальностей по-прежнему оставался причиной возникновения конфликтов в органах самоуправления многих западнобелорусских городов. Например, в декабре 1932 г. Пинский совет единогласно принял решение направить в МВД жалобу на изменения, внесенные ПВУ в бюджет города, которые, между прочим, предусматривали списание расходов на еврейские школы и

---

¹³⁹ Там же. Д. 475. Л. 54. Сообщение полесского воеводы в МВД по поводу результатов выборов в городской совет в Пинске. 21 октября 1930 г.

¹⁴⁰ Там же. Д. 1100. Л. 70.

благотворительность, а также здравоохранение и пожарную службу. В ходе последовавшей в городском совете дискуссии депутат А. Шлакман, председатель партийной ячейки Бунда, критикуя решение воеводских властей, заявил: «...я считаю списание суммы в 2000 злотых на топливо для еврейских школ проявлением антисемитизма и рассматриваю действия, в результате которых школьники в зимнюю пору остаются без дров, как бессовестные». Тогда же советник Ю. Топча, член Поалей-Цион-левицы, выступила с заявлением, в котором рассказала про игнорирование со стороны администрации минимальных нужд еврейских масс и предложила обратиться в МВД с просьбой предоставить совету возможность самостоятельно определять бюджет, «что обеспечило бы ему право деятельности как института самоуправления»¹⁴¹. Полесский воевода отреагировал на эти события письмом в МВД, в котором просил лишить мандатов за антиправительственные выступления трех пинских депутатов, в том числе Шлакмана и Топчу¹⁴². Запрос был удовлетворен.

Уже отмечалось, что отдельным лицам или группам, часто объединенным по национальному или политическому признаку, в целом ряде городов удавалось подчинить органы самоуправления своему влиянию. Недостаточный общественный контроль, а также неудовлетворительное выполнение своих обязанностей представителями государственной администрации на местах давали им возможность использовать власть в корыстных целях, о чем свидетельствуют многочисленные случаи коррупции и злоупотреблений. Демонстрируемые чиновниками низкие профессиональные качества или безразличие к общественному интересу вели к тому, что вклад муниципальных органов в улучшение условий жизни горожан нередко был минимальным. Это, в

---

¹⁴¹ Там же. Оп. 4. Д. 117. Л. 34–37. Протокол заседания городского совета г. Пинска 13 декабря 1932 г.

¹⁴² Там же. Д. 662. Л. 190–191. Донесение полесского воеводы в МВД. 20 декабря 1932 г.

свою очередь, давало государственной администрации дополнительный повод для вмешательства в деятельность городского самоуправления и подчинения его полному контролю.

В 1932 г. совет Высоко-Литовска 11 голосами еврейских депутатов против голоса единственного поляка отказался от предложенного совету брестским старостой правительственного полномочия на строительство электростанции и электрификацию города. Данное решение, очевидно, противоречило интересам города, для которого электростанция могла стать важнейшим источником дохода. В соответствии с рапортами брестского старосты эта позиция объяснялась личной заинтересованностью части депутатов в передаче права на электрификацию Высокого в частные руки. Дело в том, что они были связаны с кооперативом «Светло», организованным в 1931 г. несколькими наиболее богатыми жителями города с целью строительства электростанции. Несмотря на отсутствие разрешения, кооператив немедленно приступил к возведению объекта. Вопреки запрету на продолжение работ и многократные предупреждения брестского старосты, при попустительстве городского магистрата и местных органов полиции строительство в 1932 г. было завершено. Первыми абонентами, получившими электричество, стали магистрат и пост полиции (последнему электричество поставлялось бесплатно). Однако вскоре деятельность электростанции была принудительно приостановлена воеводскими властями.

Советом Высоко-Литовска этого же созыва были приняты другие сомнительные решения: он отказался от участия в строительстве дороги Высоко-Литовск – Верховичи, потребовал от бургомистра отказаться от мощения улиц, принял решение добиваться разрешения у административных властей стелить крыши домов легковоспламеняющимися материалами, в том числе соломой. По мнению

старосты, подобная политика, наносившая городу значительный вред, была связана со стремлением совета продемонстрировать оппозиционные настроения по отношению к польской власти. Последние объяснялись принадлежностью значительной части депутатов к партиям Бунд и Поалей-Цион, а также недовольством еврейских советников списанием из бюджета на 1932 г. расходов на еврейские образовательные и благотворительные организации. «Городское самоуправление в собственном смысле слова в Высоко-Литовске было досадной фикцией, и служило только для прикрытия с одной стороны личных, с другой – антигосударственных тенденций определенных групп еврейского населения», – докладывал в 1932 г. брестский староста полесскому воеводе. В конце года решением воеводы городские совет и магистрат Высоко-Литовска были распущены¹⁴³.

Схожим образом злоупотребления и пренебрежение коммунальными деятелями своими обязанностями, наносившие развитию городов заметный вред, привели к роспуску городских советов в Коссово, Лунинце, Столине¹⁴⁴.

В число наиболее громких дел входит масштабная махинация в Пинске. Здесь в 1921 г. произошел пожар, уничтоживший около 500 домов, практически всю центральную часть города. Десять лет спустя по инициативе владельцев недвижимости, пострадавшей в огне, при городском магистрате была создана технико-строительная комиссия, в состав которой вошли вице-президент С. Хшановский, руководитель хозяйственного отдела магистрата М. Павловский, городской архитектор Л. Савицкий, лавники Я. Слуцкий, Р. Аранович и др. Как следует из отчета

---

¹⁴³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 662. Л. 219–220. Распоряжение полесского воеводы о роспуске городского совета г. Высоко-Литовск. 14 ноября 1932 г.; Там же. Л. 224–226. Сообщение брестского старосты полесскому воеводе. 13 августа 1932 г.

¹⁴⁴ Poleski Dziennik Wojewódzki. 1930. № 14. Poz. 119. S. 270–271; Ibid. 1931. № 12. Poz. 94. S. 260–261; Ibid. 1932. № 15. Poz. 95. S. 268–269.

следователя А. Хмеля, представленного в июле 1934 г., основной деятельностью комиссии стало предоставление владельцам недвижимости за взятку свидетельств о том, что их здания были построены или капитально отремонтированы в недавнем времени, хотя обычно это не соответствовало действительности. Такая справка освобождала от налога на недвижимость на 10–15 лет. По свидетельству Хмеля, налоговые льготы распространялись на 1300 строений в Пинске, т.е. на большинство из них. Только установленный им ущерб государственной казне составил 620 тыс. злотых, что сопоставимо с бюджетом Пинска на 1933–1934 гг.¹⁴⁵ Все члены технико-строительной комиссии были арестованы, последовавшие разбирательства выявили другие многочисленные нарушения и злоупотребления в работе Пинского управления, повлекшие возбуждение новых уголовных дел, работы лишились около 70 служащих (для сравнения, в 1934 г. персонал управления и городских предприятий составлял 110 человек)¹⁴⁶.

Таким образом, после государственного переворота Пилсудского 1926 г. официальной программой новой национальной политики была объявлена основанная на идеалах политической нации «государственная ассимиляция». Прозвучали обещания, что при условии лояльности меньшинств государство обеспечит им возможность свободного развития национальной культуры и образования на родном языке, а также будет заботиться об улучшении хозяйственного положения. Некоторые пилсудчики подчеркивали роль самоуправления в новой национальной политике: участие в нем представителей всех национальностей на основе принципа равноправия и справедливой репрезентации должно было, по их мнению, гарантировать сближение польского и непольского населения.

---

¹⁴⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 368. Л. 6, 16, 23. Отчет следователя А. Хмеля о проведенном расследовании по делу о злоупотреблениях технико-строительной комиссии городского управления г. Пинска. 5 июля 1934 г.

¹⁴⁶ Там же. Д. 339. Л. 2–3. Отчет об инспекции городского управления Пинска, проведенной в период с 31 января по 2 февраля 1935 г.

Проведение в 1926–1928 гг. относительно свободных выборов в муниципальные органы стало одним из наиболее значимых шагов в рамках политики «государственной ассимиляции». Большинство мест в городских самоуправлениях на западнобелорусских землях голосование принесло евреям, которые продемонстрировали высокую заинтересованность избирательной процедурой и слаженную организацию предвыборных кампаний. Белорусы получили представительство, примерно соответствовавшее их доле среди горожан, для поляков выборы закончились неудачно, что объяснялось их пассивностью во время проведения избирательных кампаний, а также недоверием, с которым относилось к ним непольское большинство.

Попытка использовать самоуправление как одно из средств преодоления напряженности в отношениях с национальными меньшинствами с самого начала буксовала и закончилась неудачей. Городские сообщества на западнобелорусских землях были расколоты по этноконфессиональному и политическому признаку. Уровень доверия и взаимопонимания между различными группами был низким, каждая из них преследовала свои интересы, призывы к совместной работе для достижения общих целей не находили благоприятной почвы. Как правило, взаимные противоречия превратили муниципальные органы в арену столкновений интересов различных национальных и политических групп, сделав сотрудничество между ними затруднительным.

С другой стороны, национальная политика «санации» изначально являлась непоследовательной, шаги навстречу требованиям национальных меньшинств были недостаточными. Также лозунги «государственной ассимиляции» часто не находили понимания среди представителей местной государственной администрации, не признававших за непольскими жителями право на национальную жизнь и огульно воспринимавших их как нелояльных. Местные чиновники разделяли

уверенность в том, что восточнославянское население в силу недостаточного культурного и политического развития было не в состоянии самостоятельно решать непосредственно касавшиеся его жизни вопросы местного уровня и, соответственно, нуждалось в опеке со стороны польских властей, призванных выполнять в восточных воеводствах цивилизаторскую миссию. Это вело к систематическому вмешательству в работу городского самоуправления со стороны государственной администрации, направлявшей его активность в русло преимущественного удовлетворения интересов польских жителей. Представители национальных меньшинств, которые исходя из своего численного преобладания должны были иметь в муниципальных органах право решающего голоса, не без основания считали себя дискриминированными.

Очень скоро польские власти отказались от любых уступок в отношении белорусских жителей, взяв курс на их скорейшую полонизацию.

2.4. Городское самоуправление в 1930-е гг.

В выступлении на съезде старост Полесского воеводства в 1930 г. воевода Крахельский достаточно четко обозначил свои взгляды на политику в отношении восточнославянского населения в Польше, которые укладывались в русло концепции «государственной ассимиляции». Эффективное разрешение национальной проблемы чиновник считал главной политической задачей государства в восточных воеводствах, жизненно необходимых для «имперского» будущего страны. По его

мнению, чуждость и враждебность, возникшие здесь в отношениях между польским и восточнославянским населением еще в довоенное время, в полной мере сохранились в возрожденном Польском государстве. Среди польской общественности преобладала «психология оккупанта в чужом краю»; по мнению Крахельского, «польский кресовый национализм сегодня создает на восточных землях политическую ситуацию для государства в высшей степени вредную и опасную». Выходом воеводе представлялось справедливое и равное отношение административных властей ко всем жителям невзирая на национальность, исключение любых проявлений неприязни со стороны польских жителей к восточнославянскому населению, замещение его представителями должностей в государственной администрации и, прежде всего, в местном самоуправлении, а также сближение жителей разных национальностей посредством работы в общественных организациях. Кроме того, воевода призывал значительно увеличить государственные капиталовложения в экономику восточных воеводств, считая улучшение материальных условий жизни необходимым условием завоевания симпатий местных жителей¹⁴⁷.

Но у отстаиваемой Крахельским позитивной программы снятия межнациональной напряженности сторонников было немного, подобные либеральные взгляды на национальную политику не находили понимания в польском обществе. В 1930 г. на страницах «Самоуправления» была опубликована характерная статья под названием «Проблема самоуправления на восточных кресах». Ее автор, М. Корвин-Пётровский, утверждал, что работа местного самоуправления в восточных воеводствах «из-за национально-политического брожения» протекает в совершенно других условиях по сравнению с остальными частями государства, здесь «все проблемы самоуправления... приобретают своеобразный смысл сквозь призму национальной политики». По мнению автора, непольские

---

¹⁴⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 329. Л. 1–4. Выступление полесского воеводы на съезде поветовых старост в Дрогичине 20 января 1930 г.

жители видели в нем легальное средство, призванное служить их национальным целям или даже антигосударственной агитации и борьбе. Это превращало самоуправление в арену политических интриг, исключавших продуктивную хозяйственную и культурную работу. В качестве решения проблемы назывался жесткий административный контроль: «В этих условиях самоуправление естественным образом должно быть отрегулировано так, чтобы ось его работы не на йоту не отклонялась от линии общей государственной политики... Этот тезис... должен быть основой персональной политики в самоуправлении на восточных кресах»¹⁴⁸. Несогласие с таким подходом сразу же высказал главный редактор издания М. Ярошинский. Но это был именно тот взгляд, который разделяли большинство представителей государственной администрации и польского общества в целом.

Центральное место в политической концепции пилсудчиков занимала идея о приоритете интересов государства в общественной жизни. Самоуправление рассматривалось как продолжение государственной администрации, призванное выполнять местные задачи в соответствии с полученными от государственных органов инструкциями и под их строгим контролем. Одним из тезисов политики в отношении самоуправления стал призыв к деполитизации (*odpolitycznienie*) – недопущению к его работе политических деятелей, готовых жертвовать реальными интересами местных сообществ в угоду политическим соображениям. Звучали призывы обеспечить преобладающие позиции в самоуправлении не замешанным в политических противостояниях профессионалам, работающим в хозяйственной, общественной и культурной сферах,

---

¹⁴⁸ *Korwin-Piotrowski M. Zagadnienie samorządu na kresach wschodnich // Samorząd. 1930. № 46. S. 812–813.*

которые должны были организовать его эффективную деятельность под лозунгами органической работы¹⁴⁹.

С одной стороны, преодоление политических конфликтов в органах городского самоуправления на западнобелорусских землях действительно было важным условием повышения его эффективности. Однако, реализуя лозунг вытеснения политики из самоуправления, режим «санации» преследовал собственные политические цели. Во-первых, пилсудчики стремились поставить коммунальные органы под контроль, обеспечив большинство мест в них своим сторонникам. Во-вторых, с конца 1920-х гг. польские власти отказались от каких бы то ни было уступок в отношении белорусских жителей, обещанных в рамках программы «государственной ассимиляции», вернувшись к националистической политике, нацеленной на их скорейшую ассимиляцию. Среди прочего это проявилось в шагах, призванных обеспечить полякам преобладающее влияние в органах самоуправления в регионе.

В 1933 г. депутат сейма от Полесского воеводства, член парламентской комиссии по подготовке нового законодательства в сфере территориального самоуправления К. Дух на страницах прессы открыто заявлял, что к числу основных трудностей при составлении законов, регулировавших избрание органов сельского самоуправления, относилось «совмещение двух принципов: сохранение голосования за отдельных кандидатов и достаточная защита интересов польских жителей на креслах»¹⁵⁰. А. Инслер, юрист из Львова, видный деятель сионистского

---

¹⁴⁹ *Szwed R.* Samorządowa Rzeczpospolita... S. 31–32; *Paruch W.* Samorzady w autorytaryzmie... S. 151–178.

¹⁵⁰ *Duch K.* Ochrona interesów ludności polskiej na kresach w ordynacji wyborczej do rad gromadzkich i gminnych // *Express Poleski*. 1933. 21 lutego. № 52. S. 2. Приведенная цитата указывает, что идеи обеспечения польского большинства в органах территориального самоуправления в восточных воеводствах путем правовой дискриминации непольских жителей в 1930-е гг. не были окончательно забыты. Другим примером являются взгляды Е. Гертыха, одного из наиболее влиятельных идеологов эндеков на протяжении 1930-х гг.

движения, депутат сейма в 1922–1927 гг., в 1929 г. опубликовал книгу, в которой дал точную оценку влияния национального вопроса на ситуацию в муниципальных органах. Он утверждал, что большинство теоретиков и практиков самоуправления в Польше видят в нем «возможность организации сепаратистских стремлений, и, желая противостоять этим тенденциям, фактически не хотят самоуправления. С этой точки зрения можно понять попытку создания двух видов самоуправления в Польше – одного на землях чисто польских, другого на землях, где проживает национально смешанное население; или же попытку проведения ограниченного самоуправления на территории всего государства из-за опасений, связанных с частью государственной территории». Инслер считал стремление ограничить влияние национальных меньшинств главной причиной подчинения самоуправления жесткому контролю со стороны государственной администрации, осуществлявшегося под лозунгом деполитизации. «Метод этот, однако, не только не приводит к очищению самоуправления от политики, но, наоборот, сам – порожденный

В 1932 г. он опубликовал книгу с изложением своей программы национальной политики, в которой, среди прочего, указывал, что действия в отношении территориального самоуправления необходимо подчинить «требованию политического сплочения кресов с Польшей». По мнению Гертыха, самоуправление в восточных воеводствах должно было быть, во-первых, «фактором распространения полонизаторских влияний», во-вторых, «фактором позитивной административной, хозяйственной, культурной и т.д. работы». Оба пункта в полной мере соответствовали и представлениям «санации» в этой сфере. Различие между эндеками и пилсудчиками заключалось во взглядах на практические способы достижения целей. Гертых считал необходимым установление для каждой местности региона в зависимости от локальных условий особых избирательных законов, предлагая введение голосования по национальным, религиозным и экономическим куриям, переход к косвенным выборам или даже полную ликвидацию территориального самоуправления в наиболее отсталых районах, которые, судя по всему, представлялись ему одновременно наименее польскими (*Giertych J. O program polityki kresowej. Warszawa, 1932. S. 105–106*). Пилсудчики же решили не ограничивать законодательно права непольских жителей, предпочитая достигать свои цели путем избирательных манипуляций и административного давления.

политикой – вводит политику в самоуправление. В искусственной, тепличной атмосфере протекции, которая хочет одарить одну часть населения за счет другой, погибнет дух предпринимательства и здоровой конкуренции у польского населения, и вырастет чувство обиды и импульс непрерывного протеста против этого у непольского населения»¹⁵¹, – писал Инслер.

По мере дрейфа режима «санации» в сторону свертывания демократии местное самоуправление в Польше оказывалось под все более жестким административным контролем. Способом достижения цели исключения оппозиционных партий из муниципальных органов, а также обеспечения доминирующих позиций полякам в этнически смешанных регионах стали административный нажим и фальсификации на выборах, прозванные современниками «чудом над урной»¹⁵², которые имели место во всех регионах Польского государства, но наибольший масштаб приобрели в восточных воеводствах¹⁵³. Обеспечение нужного результата на выборах возлагалось на воеводскую и поветовую администрацию, а также местные организации ББСП. Важнейшим средством являлся роспуск городских советов или признание недействительными результатов выборов в муниципальные органы, а также прямые назначения членов магистратов. Так, на август 1932 г. в Полесском воеводстве в Высоко-Литовске, Коссове, Пинске и Столине руководители городских органов осуществляли свои функции по назначению¹⁵⁴. В отношении оппозиционных партий широко использовалось признание

---

¹⁵¹ *Inslер A. Zagadnienia ustrojowe samorządu terytorjalnego w Polsce (uwagi na marginesie)*. Lwów, 1929. S. 11, 13.

¹⁵² Каламбур от выражения «чудо над Вислой», которым стала обозначаться победа польских войск над Красной Армией в битве под Варшавой в августе 1920 г.

¹⁵³ *Chojnowski A. Piłsudczycy u władzy...* S. 62.

¹⁵⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 662. Л. 124, 125. Список городов Полесского воеводства, в которых на день 15 августа 1932 г. члены муниципальных органов были назначены государственной администрацией.

недействительными избирательных списков по формальным причинам (недостаточное знание польского языка, отсутствие необходимых документов и др.), разгон предвыборных собраний с помощью боевых отрядов, устрашение местных активистов, например, с помощью арестов на основании фальшивых обвинений. Кроме того, ББСП получал дотации из государственного бюджета, позволявшие ему вести интенсивную пропаганду с помощью прессы, листовок, собраний с участием депутатов парламента¹⁵⁵. Активно применялись манипуляции с разделом городов на избирательные округа: мандаты между ними делились непропорционально, на рабочие районы, где преобладали оппозиционные настроения, приходилось относительно меньшее их количество¹⁵⁶. Определялся непродолжительный период, отделявший момент объявления новых выборов от даты голосования, что для оппозиционных сил делало затруднительным проведение предвыборной агитации и выполнение формальностей при составлении избирательных списков¹⁵⁷. Так, в распоряжении новогрудского воеводы от 14 июня 1930 г. дата новых выборов в городской совет Клецка была определена на 20 июня¹⁵⁸.

Удобным инструментом в руках «санации» являлись единые «компромиссные» избирательные списки. В соответствии с законодательством в случае, если во время избирательной кампании противоборствующие политические силы находили компромисс и ими выдвигался один общий список, процедура голосования не проводилась, а все депутатские мандаты автоматически отходили кандидатам, заявленным в нем. Всем политическим, профессиональным и хозяйственным организациям, занимавшим лояльные позиции в отношении властей,

---

¹⁵⁵ *Chojnowski A. Piłsudczycy u władzy...* S. 225–226; *Łuczak A. Samorząd terytorialny...* S. 105–106.

¹⁵⁶ *Historia Polski. T. IV. 1918–1939. Cz. 3.* S. 354.

¹⁵⁷ *Łuczak A. Samorząd terytorialny...* S. 266.

¹⁵⁸ ГАГО. Ф. 541. Оп. 1. Д. 416. Л. 5. Распоряжение новогрудского воеводы о назначении выборов в городской совет Клецка. 14 июня 1930 г.

предписывалось участвовать в местных выборах только в союзе с ББСП, возглавлявшим «компромиссные» списки. В ходе неформальных переговоров выработывались условия выдвижения общего списка, например, какое количество мандатов в совете получит каждая из сторон либо какие кандидатуры будут избраны будущим советом в городской магистрат. В проправительственные «компромиссные» списки во главе с ББСП входили также представители национальных меньшинств, заявившие о готовности сотрудничать с польской администрацией, что оставалось единственной возможностью обеспечить участие в самоуправлении. Кандидаты в подобные списки должны были получить одобрение административных властей, а списки от оппозиции, как правило, признавались недействительными. Составление единых избирательных списков и проведение выборов без голосования лишало избирателей возможности влиять на формирование состава органов самоуправления.

Очередные муниципальные выборы состоялись в соответствии с новым законодательством в области местного самоуправления, принятым в марте 1933 г. Им были установлены единые принципы организации городского самоуправления практически для всей территории Польши. Магистрат был переименован в городское управление. Срок полномочий муниципальных органов увеличивался с 3 до 5 лет. Возрастной ценз для получения активного избирательного права был увеличен до 24 лет, пассивного – до 30. Был подтвержден языковой ценз – членами городских советов и управлений могли стать только граждане, владеющие польским языком. Произошло дальнейшее уменьшение самостоятельности городских властей. Были расширены полномочия городского управления и бургомистра (президента) за счет сокращения компетенции городского совета. Органы государственной администрации наделялись правом издавать распоряжения и поручения руководителям городов (президентам

и бургомистрам) и налагать на них наказания в виде напоминания и выговора. Городской совет получил возможность лишать своего члена мандата¹⁵⁹. В соответствии с принятым в марте 1934 г. законом, регулировавшим процедуру избрания городских советов, комплектование избирательных комиссий также не отличалось демократичностью: председателя, его заместителя и половину членов назначали административные власти, вторая половина членов определялась бургомистром (президентом) города¹⁶⁰. Данные законы означали дальнейшее подчинение самоуправления государственной администрации и ослабление влияния граждан на формирование его состава и деятельность.

Новые подходы к территориальному самоуправлению также нашли отражение в положениях апрельской конституции 1935 г. Если конституция 1921 г. гласила, что политическое устройство страны опирается на принципе широкого территориального самоуправления (статья 3), то в конституции 1935 г. на территориальное самоуправление прямо указывалось как на составную часть государственного аппарата, которая «создается для осуществления задач государственной администрации в рамках местных потребностей» (статьи 72 и 75)¹⁶¹.

Муниципальные выборы, прошедшие на западнобелорусских землях в 1934 г., вновь вызвали значительный интерес политических сил. Как и прежде, в избирательную кампанию активно включились еврейские партии. Мнение белорусских политических партий на этот раз разделилось. Так, Белорусская христианская демократия приняла решение бойкотировать выборы в знак протеста против нового антидемократического законодательства в сфере

---

¹⁵⁹ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1933. № 35. Poz. 294. S. 693–714.

¹⁶⁰ Ibid. 1934. № 29. Poz. 259. S. 488–489.

¹⁶¹ Ustawa z dnia 17 marca 1921 roku Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1921. № 44. Poz. 267. S. 634; Ustawa Konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 roku // Ibid. 1935. № 30. Poz. 227. S. 497, 506.

самоуправления. Полонофильские организации, такие как группа Р. Островского, призвали своих сторонников участвовать в выборах на стороне ББСП¹⁶². В то же время городские жители, лишённые на практике какой-либо возможности влиять на формирование состава городских органов, проявили во время голосования безразличие и пассивность. «Заинтересованность населения выборами в городах была незначительной и вообще несоизмеримой с организационными усилиями, которые вложили ББСП и ЕКГМ¹⁶³. Даже всегда многочисленные собрания еврейских организаций не пользовались в этот раз большой посещаемостью»¹⁶⁴, – указывалось в тайном отчете ПВУ о политической ситуации в воеводстве за май 1934 года.

По итогам выборов представители еврейского населения в городских советах Полесского воеводства получили 41,7% мандатов, польского – 40,8%, «тутэйшие» – 14,9%, русские – 2,6%. Политическая принадлежность советников была следующей: ББСП получил 33,8% мандатов, «сочувствующие» ББСП (лица, не принадлежавшие ни к одной политической партии, но заявившие о поддержке правительственного курса) – 28,5%, ЕКГМ – 16,7%, сионистские организации – 8,8% и др. Представительство еврейских социалистических партий уменьшилось до 4% мест. Польские оппозиционные партии не получили ни одного мандата¹⁶⁵.

В Новогрудском воеводстве поляки в городских советах получили 45,5% мест, евреи – 42%, белорусы – 10,8%, русские – 1,7%¹⁶⁶. ББСП отошло 56,8% мандатов, 30,7% – сионистам и 7,4% – лояльным евреям и

¹⁶² *Sprawy narodowościowe*. 1934. № 2–3. S. 267.

¹⁶³ Еврейский клуб государственной мысли – политическая организация, созданная в 1930 г., объединяла евреев, занимавших лояльные позиции по отношению к властям.

¹⁶⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 74. Л. 42. Тайный отчет полесского воеводы о деятельности польских и других легальных партий, общественных организаций и религиозных движений в воеводстве за май 1934 г.

¹⁶⁵ Там же. Оп. 8. Д. 1096. Л. 1.

¹⁶⁶ *Sprawozdanie wojewody nowogródzkiego za 1934/1935 rok...* S. 152.

ортодоксам¹⁶⁷. В советы в белорусских городах Виленского воеводства вошли 58 поляков (46,4%), 49 евреев (39,2%), 15 белорусов (12%), 1 русский (0,8%) и др.¹⁶⁸ ББСП здесь также получил абсолютное большинство мандатов (76,6% в целом по Виленскому воеводству)¹⁶⁹. Данных по коммунальным выборам в белорусских городах Белостокского воеводства нет, но не приходится сомневаться, что их результат был схожим (так, ББСП отошли 59,6% мест в городских советах в целом по воеводству¹⁷⁰).

Среди членов городских управлений Полесского воеводства, избранных в 1934 г., 54% представляли польское население, 37% – еврейское, 7% оказались «тутэйшыми» и 2% – русскими. Проправительственные политические организации в городских управлениях доминировали в еще большей степени, чем в советах: к ББСП относились 54% депутатов, ЕКГМ – 19%, к «сочувствующим» ББСП – 14%. Также в городских управлениях 9% мест принадлежали членам сионистского движения, 3% – беспартийным и др. Оппозиционные партии в городских управлениях не были представлены¹⁷¹. В управления белорусских городов Виленского воеводства были избраны 29 поляков, 12 евреев и 4 белоруса¹⁷².

Таким образом, выборы 1934 г. означали кардинальное изменение национального и политического состава городских органов: большинство мест перешли к представителям польского населения и проправительственным депутатам. При этом официальные результаты выборов не отражают реальную

---

¹⁶⁷ *Szwed R. Polska Partia Socjalistyczna w wyborach...* S. 89.

¹⁶⁸ *Związki samorządowe województwa Wileńskiego...* S. 12–13.

¹⁶⁹ *Szwed R. Polska Partia Socjalistyczna w wyborach...* S. 89.

¹⁷⁰ *Ibid.* S. 89.

¹⁷¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1097. Л. 19. Статистические сведения о национальном и партийном составе служащих органов самоуправления Полесского воеводства за второе полугодие 1934 г.

¹⁷² *Związki samorządowe województwa Wileńskiego...* S. 14–15.

поддержку городскими жителями тех или иных политических и национальных организаций.

В 1934 г. формирование состава городских советов в результате волеизъявления горожан стало исключением. В Полесском воеводстве голосование состоялось лишь в отдельных избирательных округах Бреста и Пинска. Во всех остальных городах был представлен один избирательный список, соответственно, состав советов был сформирован без проведения голосования¹⁷³. Для сравнения, на выборах 1927–1928 и 1930 гг. единый избирательный список был составлен только в одном городе – Коссово. Накануне выборов 1934 г. в тех избирательных округах Бреста и Пинска, где среди населения преобладали оппозиционные настроения, ПВУ признала недействительными по формальным причинам избирательные списки от партий Поалей-Цион (левица и правица), Бунд и ППС¹⁷⁴. В Новогрудском воеводстве голосование прошло только в Лиде, это был единственный город, где евреи выступили самостоятельно, отказавшись присоединиться к «компромиссному» списку. Но и в Лиде ББСП одержал победу, получив 16 из 24 мандатов¹⁷⁵. В Виленском воеводстве советы большинства городов также были сформированы путем выдвижения единого избирательного списка¹⁷⁶.

Практический механизм формирования «компромиссных» списков отражают несколько примеров. В мае 1934 г. руководитель полесского воеводского секретариата ББСП Э. Дунин-Маркевич сообщил воеводе В. Костек-

---

¹⁷³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 490. Л. 127–129. Отчет о результатах выборов в городские советы Полесского воеводства в 1934 г.

¹⁷⁴ Там же. Л. 34–38. Тайное письмо полесского воеводского секретариата ББСП полесскому воеводе. 4 июня 1934 г.; Там же. Л. 48. Письмо ПВУ в МВД. 5 июня 1934 г.

¹⁷⁵ Там же. Оп. 10. Д. 100. Л. 64–65. Месячный отчет новогрудского воеводы в МВД об общественно-политическом и национальном движении в воеводстве за май 1934 г.

¹⁷⁶ Там же. Д. 63. Л. 146. Месячный отчет виленского воеводы в МВД об общественном и национальном движении в воеводстве за апрель 1934 г.

Бернацкому о том, что в список кандидатов в совет Столина, предложенный столинским поветовым комитетом ББСП, по требованию столинского старосты были включены 2 служащих староства, хотя последнее было запрещено законом¹⁷⁷. В рапорте, направленном полесскому воеводе в это же время, отмечалось, что все кандидаты в городской совет Пинска были определены пинским старостой Болдоком и его другом, заместителем председателя поветового комитета ББСП Бергом из числа их общих знакомых. При этом, по мнению информанта, в действительности практически все кандидаты являлись сторонниками национальных демократов и ХД, среди них был даже бывший большевистский активист Ю. Маркевич¹⁷⁸.

Пристальное внимание, как и прежде, уделялось замещению должностей бургомистров и их заместителей (президентов и вице-президентов). Накануне коммунальных выборов поветовые старосты представили воеводам свое мнение относительно возможных кандидатов на должности руководителей городов. При этом, в соответствии с тайным распоряжением МВД, направленным воеводам в апреле 1934 г. в связи с предстоящими муниципальными выборами, отказ в утверждении результатов выборов и прямые назначения должны были использоваться как крайняя мера. Исходя из этого, требовалось заранее определить, какие кандидаты могли быть избраны в качестве городских руководителей, и достичь договоренности с советниками об исключении нежелательных вариантов. В случае, если предположительный итог выборов был неблагоприятным и, соответственно, возникала необходимость их аннулирования и прямых назначений, следовало своевременно определиться с назначенцами. Кандидаты на должности бургомистров (президентов) во всех городах и их заместителей в городах с населением, превышавшим 10 тыс. чел., должны были получить одобрение воеводы¹⁷⁹. В условиях, когда абсолютное

---

¹⁷⁷ Там же. Оп. 8. Д. 478. Л. 7. Письмо руководителя полесского воеводского секретариата ББСП полесскому воеводе. 15 мая 1934 г.

¹⁷⁸ Там же. Л. 3. Письмо Х. Заборовского полесскому воеводе. 24 мая 1934 г.

¹⁷⁹ Там же. Оп. 2. Д. 167. Л. 6–7.

большинство депутатов являлись сторонниками проправительственной ориентации, городские советы, как правило, послушно соглашались с определенными местной администрацией кандидатами.

Стоит отметить, что негласное правило, по которому главой города обязательно являлся поляк, а его заместителем – представитель национальности, составлявшей большинство городских жителей, т.е. обычно еврей, и которое прежде соблюдалось, к середине 1930-х во многих случаях во второй своей части утратило силу. Например, в 1934 г. из 14 городов Виленского воеводства (без Вильно) в 8 заместителями бургомистра стали поляки, в 5 – евреи и в 1 – белорус¹⁸⁰.

Характерным для ситуации в органах городского самоуправления является письмо, адресованное в июне 1934 г. полесскому воеводе и подписанное руководителями местных ячеек организаций сионистов-ревизионистов, ортодоксов, еврейских хозяйственных и благотворительных учреждений в Пинске, а также пинских отделов профсоюзов работников химической промышленности и работников самоуправления и социальных учреждений. В тексте отмечалось, что евреи, составлявшие большинство жителей Пинска, согласились накануне выборов в городской совет уступить значительную часть своих мандатов в пользу поляков, исходя из желания продемонстрировать поддержку «общегосударственных интересов и понимания стремления документально подтвердить польский характер восточных кресов». Взамен за эти уступки еврейское население города рассчитывало, что, «по крайней мере, ему не будет навязана личность вице-президента». Далее следовала просьба поддержать в качестве кандидата на эту должность Арьяна, который на тот момент возглавлял отдел социального обеспечения Пинского управления и, по мнению

---

¹⁸⁰ Związki samorządowe województwa Wileńskiego... S. 16–17.

авторов письма, пользовался поддержкой большинства еврейских жителей Пинска¹⁸¹.

Важной чертой положения городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1930-е гг. стало регулярное проведение на должности бургомистров (президентов) бывших военных, в т.ч. военных осадников¹⁸². Еще в 1921 г. МВД издало циркуляр, обязывающий административные власти добиваться, чтобы при занятии должностей в самоуправлении при прочих равных служебных характеристиках кандидатов предпочтение отдавалось бывшим военным и инвалидам войны¹⁸³. Со временем при военном министерстве был создан специальный отдел – опекунский комитет, задачей которого являлся подбор кандидатур бывших военных для занятия должностей в местном самоуправлении¹⁸⁴. В 1930-е гг. замещение должностей городских руководителей кандидатами не из их числа стало во многих случаях невозможным, ярким примером чему служит персональная политика в отношении муниципальных органов полковника Вацлава Костек-Бернацкого, назначенного в 1932 г. полесским воеводой.

В годы польско-советской войны Костек-Бернацкий командовал жандармами в 1-й бригаде легиона, а в период процесса над Центролевым являлся комендантом военной тюрьмы Брестской крепости, где содержались ведущие польские оппозиционные политики, подвергавшиеся физическому и психологическому насилию. С его именем связано создание в 1934 г. концентрационного лагеря в Березе-Картузской. В 1934

---

¹⁸¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 419. Д. 154. Письмо представителей еврейских политических, хозяйственных и благотворительных учреждений, а также профсоюзов в Пинске полесскому воеводе. 30 июня 1934 г.

¹⁸² Колонисты из числа бывших военнослужащих польской армии, выходцы из этнически польских территорий, которым в восточных воеводствах предоставлялись земельные участки.

¹⁸³ Dziennik Urzędowy Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. 1921. № 7. Poz. 213. S. 13–14.

¹⁸⁴ *Cichoracki P.* Droga ku anatemie... S. 208.

г. в ответ на устное поручение министра внутренних дел М. Зындрам-Косцялковского Костек-Бернацкий изложил свои взгляды на национальную политику. Полесский воевода считал национальную проблему крайне актуальной: «Каждый год, пока она остается нерешенной, является катастрофой для будущего государства. У нас 35% польских жителей. В тяжелые моменты доля государства, как, например, война (которая представлялась ему неизбежной. – *А. Д.*), не можем рассчитывать на каждого третьего гражданина и солдата». Не считая белорусов отдельной нацией и не видя здесь темы для обсуждения, Костек-Бернацкий сосредоточился на рассмотрении политики в отношении украинцев. В принципе не допуская возможности согласования интересов польских и непольских жителей, он предлагал радикальные методы решения национальных проблем. «Украинцы должны стать слабыми. Говорю про силу и слабость духа... Тюрьма и эшафот сами по себе не сломают их дух. Они должны быть соединены с грозным методом политической борьбы и массовыми, беспощадными и длительными репрессиями всех видов». Воевода был уверен в том, что препятствием скорой полонизации безразличных к «мифу Украины» украинских масс, гарантией которой выступала «несравненно более высокая» польская культура, служила горстка профессиональных революционеров и недовольных, стоявших за украинской национальной работой. «Эта горстка должна быть полностью ликвидирована... без сомнения, массы очень тяжело пострадают от такой слепой ликвидации. Но иначе не может быть. Наверняка случится много несправедливости. Но наивысшая справедливость – существование государства. Ни одной уступки не должно иметь место, только тогда удар для Украины будет менее болезненным...»¹⁸⁵.

---

¹⁸⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2899. Л. 180–183. Тайное письмо полесского воеводы министру внутренних дел. 8 сентября 1934 г.

Костек-Бернацкий возглавлял воеводство до начала Второй мировой войны и, обладая здесь практически неограниченными полномочиями, оказал на его жизнь огромное влияние. Стремясь лично контролировать функционирование местных властей даже в незначительных деталях, он установил полный контроль над самоуправлением, которому придавал большое значение и живо интересовался его деятельностью. Полесский воевода не скрывал, что муниципальные выборы при нем стали формальностью и что замещение должностей в этой сфере могло происходить только с его ведома и согласия. В апреле 1934 г. он направил письмо генералу Ф. Славой-Складковскому, руководившему в это время опекуном комитетом военного министерства. Воевода просил, чтобы любые предложения комитета сразу направлялись только ему, поскольку «...в любом случае никто не будет принят на должность в самоуправлении в воеводстве без моего согласия»¹⁸⁶. В феврале 1934 г. главное управление Союза резервистов обратилось к Костек-Бернацкому с письмом, в котором рекомендовало М. Вуйтика на должность президента Бреста, высоко оценивая его профессиональные и личные качества¹⁸⁷. Следствием этого письма стало назначение полесским воеводой Вуйтика градоначальником Бреста в мае 1934 г., а вскоре Брестский совет единогласно избрал его на этот пост¹⁸⁸. В июле 1934 г. Костек-Бернацкий писал своему знакомому в ответ на просьбу провести его на должность брестского президента: «Жаль, что обратился ко мне так поздно, охотно бы видел тебя на этой должности в Бресте. 2 июля уже был избран президентом Вуйтик, мой кандидат, конечно»¹⁸⁹.

---

¹⁸⁶ Там же. Л. 17. Письмо полесского воеводы второму вице-министру внутренних дел. 3 апреля 1934 г.

¹⁸⁷ Там же. Оп. 8. Д. 419. Л. 10. Письмо главного управления Союза резервистов полесскому воеводе. 20 февраля 1934 г.

¹⁸⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 114. Л. 4. Распоряжение президента г. Бреста. 4 мая 1934 г.; Там же. Л. 15. Протокол выборов президента г. Бреста. 2 июля 1934 г.

¹⁸⁹ Там же. Оп. 10. Д. 2899. Л. 64. Письмо полесского воеводы. 10 июля 1934 г.

Назначение на руководящие должности бывших военнослужащих польской армии, помощь в трудоустройстве которым считал своей обязанностью, Костек-Бернацкий рассматривал в качестве решения кадрового вопроса в органах самоуправления. Характерным является один из пунктов программы визита в воеводство президента Польши И. Мостицкого, обрисованный воеводой в марте 1934 г.: «В день приезда президента я организовал бы собрание, как я его называю, самоуправления, т.е. Союза резервистов. Очень хотел бы показать президенту самоуправление на Полесье, наиболее рациональное и единственно возможное на Полесье в том случае, если оно вообще собирается реально работать, не следуя принципу *liberte ou la mort* (свобода или смерть. – *А. Д.*). Две тысячи солтысов, войтов, бургомистров и т.д. в униформах и военных головных уборах в соответствии с правилами Союза. Выглядит это хорошо, по команде самоуправления так основательно молчит, что слышно, как летают мухи»¹⁹⁰.

Более того, под его пристальным вниманием оказалось даже замещение рядовых должностей в местных органах и на городских предприятиях. Например, в 1934 г. пинский староста В. Болдок написал Костек-Бернацкому о Я. Третьякове, русском, занимавшем техническую должность в Пинском управлении, недавно переехавшем из СССР и жившем на широкую ногу, несмотря на мизерный доход на официальной должности. Староста просил уволить такую подозрительную личность, напомнив о «большом количестве людей, имеющих заслуги перед государством и остающихся без работы». Решить это вопрос на месте не получалось, поскольку президент Пинска Олевинский сопротивлялся вмешательствам старосты в городские дела. Воевода немедленно поручил

---

¹⁹⁰ Там же. Л. 221. Письмо полесского воеводы министру внутренних дел. 7 марта 1934 г.

пинскому президенту уволить Третьякова, потребовав объяснений, почему последний был принят на работу без его ведома¹⁹¹.

Полесский воевода, проводя полонизацию муниципальных органов, стремился выбирать на руководящие должности тех, кто обеспечил бы положительную динамику развитию городов, но был непоследователен в соблюдении этого принципа. Так, лесник Н. Гонсовский по просьбе поляков Давид-Городка был предложен столинским старостой Г. Граффом на должность заместителя бургомистра города. Однако Костек-Бернацкий, получив на Гонсовского негативную характеристику от властей Поморского воеводства, на территории которого тот в течение определенного времени являлся бургомистром города Скаршев, поручил старосте подобрать новую кандидатуру. В итоге заместителем бургомистра Давид-Городка был утвержден православный священник Александр Беляев¹⁹².

В июле 1934 г. Костек-Бернацкий дал указание коссовскому старосте Г. Курочинскому организовать избрание на должность бургомистра Ружан С. Рапацкого, военного осадника, проживавшего в окрестностях города. Накануне местное руководство Союза осадников обратилось к воеводе с рекомендацией Рапацкого на эту должность, отмечая его «чрезвычайную энергию, решительность, работоспособность, организаторские качества, дисциплинированность и добросовестность». Однако коссовский староста поспешил заверить воеводу, что, хотя он выполнил поручение и городской совет Ружан был готов избрать Рапацкого бургомистром, это было бы, по его мнению, нежелательным. Во-первых, протее воеводы успел настроить против себя большинство жителей города и членов совета,

---

¹⁹¹ Там же. Оп. 8. Д. 419. Л. 40. Сообщение пинского старосты В. Болдока полесскому воеводе. 16 мая 1934 г.; Там же. Л. 41. Письмо полесского воеводы президенту г. Пинска П. Олевинскому. 23 мая 1934 г.

¹⁹² Там же. Оп. 2. Д. 3506. Л. 19. Письмо косцежского поветового старосты в ПВУ. 20 июля 1934 г.; Там же. Л. 26. Письмо полесского воеводы столинскому старосте. 17 октября 1934 г.

оклеветав обвинениями в финансовых злоупотреблениях директора местной школы, что гарантировало конфликт между советом и новым бургомистром, во-вторых, он не отличался какими-либо способностями руководителя. Так, организованный Рапацким молочный кооператив в скором времени разорился, принеся значительные убытки его участникам и подорвав доверие местных жителей к кооперативному движению. После этого Костек-Бернацкий распорядился провести Рапацкого на должность бургомистра в Высоко-Литовске, жителям которого о новом руководителе ничего не было известно¹⁹³.

Среди назначенцев в руководстве городского самоуправления были умелые администраторы, которым удавалось организовать эффективную работу. Так, по сообщению официальной брестской газеты «Express Poleski», энергия и организаторские способности Грациана Лапчинского, ротмистра в отставке, назначенного бургомистром Высоко-Литовска в начале 1930-х гг., привели к заметным успехам в повышении уровня благоустроенности города: впервые за межвоенный период были замощены практически все улицы, выложены тротуары, разбиты скверы, открыты спортивная площадка, пляж, отремонтированы частные дома и т.д. Все это было сделано с помощью шарварка (натуральной дорожной повинности) без каких-либо существенных расходов со стороны городского бюджета¹⁹⁴. Информация газеты подтверждается рапортом брестского старосты, направленным полесскому воеводе в 1934 г., где также указано, что благодаря Лапчинскому кардинально изменилось санитарное состояние и внешний вид Высокого. Это, по мнению старосты,

---

¹⁹³ Там же. Д. 3505. Л. 33. Письмо полесского воеводского совета Союза осадников полесскому воеводе. 14 июля 1934 г.; Там же. Л. 42–43. Письмо коссовского старосты полесскому воеводе. 3 августа 1934 г.; Там же. Л. 48. Письмо полесского воеводы брестскому старосте. 10 сентября 1934 г.

¹⁹⁴ Express Poleski. 1933. 23 września. № 264. S. 4; Ibid. 1934. 22 sierpnia. № 233. S. 4.

в значительной степени способствовало поднятию авторитета польской власти среди жителей города¹⁹⁵.

Однако выбор воеводы не всегда был удачным: в некоторых случаях деятельность избранных им руководителей городов носила негативный характер, и от них он впоследствии избавлялся. Так, Костек-Бернацкий в 1934 г. в письме В. Славеку, председателю ББСП, дал следующую характеристику Исидору Прико, бывшему депутату сената по списку ББСП от Полесского воеводства, которого воевода незадолго до того по личной просьбе Славека назначил бургомистром Столина: «...назначение вызвало неслыханное в местных условиях сопротивление (жителей). Конечно, я не обратил бы на это внимание, и Прико остался бы в должности, если бы не аргументы и факты. Так вот, этого Прико ненавидит вся округа Столина за то, что бьет по морде, причем палкой, калечит людей, не говоря уже о ругательствах, восходящих к Адаму и Еве. Кроме того, он имеет достаточно темное прошлое с 1918 года. Сам признался, что бил крестьян и не крестьян, но, по его мнению, это было необходимо. Это неправда... он бьет по принципу и с увлечением. Это не очень деликатная политика...»¹⁹⁶.

В целом же назначенцы, квалификация которых не предполагала выполнение ответственных заданий в городской администрации, в большинстве случаев не проявили себя умелыми и ответственными руководителями городов¹⁹⁷. Неподконтрольные в своей деятельности

---

¹⁹⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3505. Л. 13. Письмо брестского поветового старосты полесскому воеводе. 10 мая 1934 г.

¹⁹⁶ Там же. Оп. 10. Д. 2899. Л. 256. Письмо полесского воеводы председателю ББСП В. Славеку. 26 марта 1934 г.

¹⁹⁷ В апреле 1934 г. Костек-Бернацкий в письме заместителю министра обороны Ф. Славой-Складковскому писал: «До сих пор достаточно редко на значительных должностях в самоуправлении находятся вполне надежные люди» (ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2899. Л. 17). В мае 1939 г. полесский воевода сообщал в МВД о низком профессиональном уровне работников самоуправления в воеводстве (*Cichoracki P. Droga ku anatemie... S. 214*).

местным сообществам, они нередко злоупотребляли своими полномочиями. Превращение городского самоуправления в придаток государственной администрации, дискриминация по национальному признаку при замещении муниципальных должностей и проведение на руководящие посты польских колонистов, а также низкая эффективность работы и высокие местные налоги вели к тому, что самоуправление не пользовалось доверием и симпатиями местных жителей, а его задачи оставались для них непонятными.

На западнобелорусских землях воеводы и старосты повсеместно мелочно контролировали деятельность городских властей, изменяли местные бюджеты по своему усмотрению. Полная зависимость от произвола местной администрации становилась очередным препятствием для нормальной работы самоуправления. На проходившем в Вильно в 1937 г. съезде представителей городов восточных воеводств с докладом, посвященным взаимоотношениям между муниципальными органами и государственной администрацией, выступил виленский депутат адвокат В. Олехнович. Не называя конкретные города и имена, он привел многочисленные примеры вмешательства административных властей в деятельность городского самоуправления, собранные им во время специальной поездки. По его свидетельству, в ряде городов восточных воеводств бургомистрам было запрещено без ведома старост куда-либо выезжать, один из восточных воевод запретил городским властям без его согласия принимать на муниципальную службу даже извозчиков и сторожей (можно предположить, это был Костек-Бернацкий). В некоторых случаях старосты заставляли городские органы нести несоответствующие

«Несмотря на то, что прошел 21 год после восстановления нами независимости, постоянно повторяются значительные недостатки в государственной администрации и самоуправлении», – говорил столинский староста Л. Гутовский на повтовом съезде бургомистров и войтов в июле 1939 г. (ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 122. Л. 1. Протокол съезда бургомистров и войтов Столинского повета, состоявшегося 7 июля 1939 г.).

расходы, например, оплачивать стоимость съезда резервистов и украшать город по случаю армейских учений. В одном из городов староста заставил городское управление разбить парк, для чего пришлось заметно сократить социальные расходы и полностью отказаться от поддержки внешкольного образования. При этом, по мнению докладчика, городские самоуправления поддаются давлению администрации и между ними «господствует полное согласие. Бургомистры подчиняются всем указаниям, городской совет принимает все, что желает староста». Все это превращало в реальность популярный анекдот о том, что «самоуправление означает, что староста сам управляет». Делегаты съезда единогласно поддержали сказанное Олехновичем¹⁹⁸.

Известный польский этнограф Ю. Обрембский в 1936 г. на научном съезде, посвященном восточным воеводствам Польши, прочитал информативный доклад, в котором представил результаты проводимых им с 1934 г. полевых исследований на территории Полесского воеводства. Среди прочего ученый привел характеристику сельского самоуправления на Полесье, которая во многом была справедлива и для городского самоуправления: «Тот тип самоуправления, который существует на Полесье, мы могли бы, используя популярные сегодня термины, назвать авторитарным самоуправлением. Это самоуправление полностью ликвидировало прежнюю автономию деревни и общины, характерную царскому режиму... гминное управление формируется на основе решений политических властей... В такой ситуации население действительно принимает в самоуправлении явно фиктивное участие. Решения гмины, которые касаются гминных налогов, мероприятий и начинаний в рамках гмины, принимаются и осуществляются при пассивном, а часто и с элементами сопротивления, участия населения...»¹⁹⁹.

***

---

¹⁹⁸ Zjazd miast województw wschodnich... S. 45–48.

¹⁹⁹ *Абрэмбскі Ю. Сённяшнія людзі Палесся // АРСНЕ. 2013. № 4. С. 491.*

Переход «санации» к грубой национальной политике во второй половине 1930-х гг. не остался без влияния на ход последних в межвоенный период муниципальных выборов на западнобелорусских землях, состоявшихся весной 1939 г. Если в этнически польских воеводствах правящий режим пошел на либерализацию выборов в стремлении консолидировать польское общество перед лицом внешней угрозы, что позволило оппозиции (ППС и эндекам) добиться заметного успеха, то восточные воеводства либеральные изменения затронули слабо. Так, в полесских городах, наряду с городами Волынского воеводства, Лагерь национального объединения (ЛНО²⁰⁰) получил наибольший процент мандатов по сравнению с другими воеводствами Польши²⁰¹. На Полесье доминирующие позиции поляков и правительственных организаций в городских органах только усилились. Среди членов городских советов Полесского воеводства, избранных в мае 1939 г., польское население представляли 58,2% депутатов, еврейское – 26,3%, белорусское – 6%, русское – 1,3%, 8,2% были отнесены к «тутэйшим». По политической принадлежности состав советов был следующий: 40,5% советников относились к ЛНО, 34,5% – к беспартийному проправительственному блоку, 4,3% – к Поалей-Цион, 16,4% советников являлись беспартийными и др.²⁰²

В отношении остальных западнобелорусских территорий удалось найти сведения о результатах выборов только по отдельным городам, практически в каждом из них «санация» одержала победу, хотя оппозиционные партии получили большее, чем в 1934 г., представительство. Так, в Молодечно ЛНО получил 8 мандатов или половину от общего числа, список белорусов – 5, «региональная группа «тутэйшие» – 2 и эндеки – 1; в Ракове ЛНО и

---

²⁰⁰ ЛНО (ONR), проправительственная политическая организация, созданная в 1937 г. с целью консолидации широких слоев польского общества вокруг правящей группы.

²⁰¹ *Jakubowski W. Bilans polityczny...* S. 7.

²⁰² ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 708. Л. 1. Статистические сведения о результатах выборов в городские советы Полесского воеводства. 1939 г.

присоединившиеся к нему хозяйственные организации и профсоюзы – 7 мандатов из 12, еврейские партии – 3 и «тутэйшыя» – 2; в Радошковичах ЛНО и его сторонники – 8 и еврейские партии – 4; в Вилейке ЛНО – 8, «тутэйшыя» – 5 и евреи – 3²⁰³. В Волковыске христианскому списку, где большинство составляли члены ЛНО, отошли 14 мандатов (58%), еврейским партиям – 6 и ППС – 4, в Скиделе ЛНО и его сторонникам – 6 мест (50%), остальные мандаты распределились между беспартийными, сионистами и Бундом²⁰⁴.

Из общей для западнобелорусских земель картины выбивается Гродно, где выборы закончились победой ППС, получившей 13 мест (на предыдущих выборах ей не досталось ни одного мандата), 10 мест они принесли ЛНО, 6 – Бунду и еврейскому блоку, 6 – эндекам и др. Союз ППС и Бунда образовал социалистическое большинство в Гродненском совете²⁰⁵.

Как и в 1934 г., городские советы во многих случаях были сформированы без проведения выборов. Так, в Полесском воеводстве в 1939 г. в результате выдвижения «компромиссных» избирательных списков были образованы советы в 8 городах. В Бресте и Пинске выборы состоялись в отдельных избирательных округах. Во всех избирательных округах выборы прошли в Ружанах и Высоко-Литовске²⁰⁶. В мае 1939 г. в отчете полесскому воеводе кобринский староста сообщал, что в Кобрине после согласования с ним был составлен «компромиссный» список от беспартийных христиан и евреев. Список, предложенный, по словам старосты, «менее ценными людьми», которые по своей национальности являлись русскими, был объявлен недействительным по формальным причинам²⁰⁷.

²⁰³ Wyniki wyborów do samorządu // Kurjer Białostocki. 1939. 24 maja. № 83. S. 2.

²⁰⁴ Wyniki wyborów do rad miejskich // Kurjer Białostocki. 1939. 16 maja. № 75. S. 4.

²⁰⁵ Bilans wyborczy do rad miejskich w województwie // Kurjer Białostocki. 1939. 19 maja. № 78. S. 4; Dzień Dobry! Gazeta Białostocka. 1939. 18 maja. S. 12.

²⁰⁶ Мілеўскі Я.Е. Нацыянальная структура гарадскіх рад... С. 22–23.

²⁰⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 707. Л. 2. Письмо кобринского поветового старосты в ПВУ. 9 мая 1939 г.

Сведений о составе городских управлений, избранных советами летом 1939 г., нет.

По-прежнему значительное внимание коммунальным выборам уделили еврейские политические организации. Белорусское национальное объединение (новое название БХД с 1936 г.), после роспуска КПЗБ в 1938 г. ставшее наиболее влиятельной белорусской партией в Польше²⁰⁸, призвало белорусов принять в выборах активное участие: после ликвидации польскими властями просветительских и хозяйственных организаций белорусов самоуправление представлялось единственной площадкой для работы в направлении реализации белорусских национально-культурных требований²⁰⁹. Среди горожан выборы вновь не вызвали какой-либо заметной заинтересованности.

Как видно, нараставшее административное давление и фальсификации на коммунальных выборах на протяжении 1930-х гг. привели к ликвидации самостоятельности городского самоуправления. Польские власти использовали полный контроль над ситуацией в муниципальных органах для обеспечения абсолютного преобладания в них поляков, резко сократив представительство национальных меньшинств. К участию в самоуправлении допускались только лояльные депутаты, что сделало невозможным проявление оппозиционных настроений. По сути это означало превращение самоуправления в инструмент полонизации в полном соответствии с идеями эндеков.

***

Таким образом, в межвоенный период муниципальные органы на западнобелорусских землях оказались заложниками национальной политики польских властей, нацеленной на полонизацию региона. Недоверие к непольскому населению, значительная часть которого была

---

²⁰⁸ Правда, к 1939 г. наряду с ней продолжала функционировать лишь Белорусская национал-социалистическая партия, сторонников у которой было крайне мало.

²⁰⁹ Sprawy narodowościowe. 1938. № 6. S. 645–646.

настроена антипольски и разделяла просоветские симпатии, проявилось в отказе предоставить местным жителям самостоятельное решение вопросов локального уровня посредством справедливого замещения в ходе свободных выборов должностей в территориальном самоуправлении. Одновременно власти стремились обеспечить преобладающее влияние в органах городского самоуправления полякам, которые составляли меньшинство горожан. Все это привело к ликвидации самостоятельности городских органов и подчинению их полному влиянию государственной администрации. Под ее контролем оказался как процесс замещения персонального состава муниципальных структур, так и их текущая деятельность.

Став объектом полонизаторской политики, органы городского самоуправления в свою очередь превратились в один из инструментов реализации курса на усиление польского влияния в регионе, опекая исключительно польское образование, культуру, поддерживая польские производственные и торговые предприятия, поощряя городскую колонизацию из этнически польских земель. В то же время дискриминационные меры в отношении непольских жителей оказались неэффективными, никак не способствовали принятию ими польской идентичности и завоеванию их симпатий, а, наоборот, лишь усугубили сложившиеся недоверие и антагонизмы.

Глава 3. Финансовое положение и деятельность органов городского самоуправления

3.1. Финансовое положение городского самоуправления

Как известно, результативность деятельности органов самоуправления напрямую зависит от их финансовых возможностей. В свою очередь, финансовое положение западнобелорусских городов в 1919–1939 гг. и, более широко, их роль и функции в развитии региона, определялись, прежде всего, общей экономической ситуацией.

Белорусские земли в составе межвоенной Польши, так же как и ранее в пределах Российской империи, являлись отсталой сельскохозяйственной окраиной с невысоким уровнем развития обрабатывающей промышленности. В то же время, во второй половине XIX – начале XX вв. развитие транзитной торговли стало важным стимулом индустриализации многих белорусских городов. Однако те скромные успехи, которые были достигнуты на этом пути, свела практически к нулю Первая мировая война. Военные разрушения в период немецкой оккупации в 1915–1918 гг., а затем польско-советской войны в 1919–1920 гг. опустошили край, усугубив сложившуюся в предыдущие периоды общую хозяйственную отсталость. За эти годы промышленность почти полностью перестала существовать, упадок сельского хозяйства в период военных действий между Польшей и Россией привел к голоду в городах.

Критическое положение городов региона: запущенное санитарное состояние, низкий уровень благоустройства, многочисленные проблемы в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения, отсталое

коммунальное хозяйство, ставили перед сформированными в 1919–1920 гг. на оккупированных польских войсками западнобелорусских землях муниципальными органами непростые задачи.

***

Первоначально поступление финансовых средств в городские бюджеты регулировалось распоряжением генерального комиссара восточных земель от 25 октября 1919 года. В соответствии с ним, городские власти наделялись правом взимать в свою пользу различные налоги и платежи, к числу важнейших из них относились налог на недвижимость в размере 12% от величины арендной платы или 1% от стоимости недвижимости, налог на промышленные и торговые предприятия в размере 50% от соответствующего государственного налога, налог на сдачу жилья в аренду, рекламу, увеселительные мероприятия, питейные заведения, предметы роскоши и т.д.¹

С августа 1923 г. формирование бюджетов органов территориального самоуправления определялось законом о временном урегулировании коммунальных финансов, который с многочисленными изменениями действовал до сентября 1939 года. В соответствии с ним, в бюджет органов самоуправления поступали местные (коммунальные) налоги, а также отчисления от государственных налогов. К основным государственным налогам, с которых органам самоуправления шли отчисления и надбавки, относились налог на промышленные и торговые предприятия, земельный и подоходный налоги, акцизные сборы, они могли самостоятельно устанавливать коммунальные налоги на недвижимость, наследование и дарение, рекламу, увеселительные мероприятия и др. Первоначально городские власти самостоятельно взимали местные налоги, в 1932 г. эта функция перешла к государственным фискальным органам.

---

¹ Rozporządzenie Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich, dotyczące skarbowości miast // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziemi Wschodnich. 1919. № 27. Poz. 285. S. 252–254.

Законом о временном урегулировании коммунальных финансов определялись процентные ставки отчислений в пользу местных органов от государственных налогов и надбавок к ним, принципы поступления местных налогов, платежей, привлечения кредитов и т.д. По этому закону надбавки и отчисления от государственных налогов становились основным источником дохода городского самоуправления². Было установлено, что решения органов самоуправления относительно собственных бюджетов подлежат утверждению административных властей.

Как доходы, так и расходы муниципальных органов делились на две части: обычные (плановые, неэкстренные) и чрезвычайные. Обычные доходы включали текущие поступления от налогов, платежей, доходы от коммунальных предприятий и имущества и др., чрезвычайные в основном сводились к кредитам. К обычным расходам относились текущие расходы на городские нужды, тогда как чрезвычайные за вычетом сумм на обслуживание долга направлялись на капитальные вложения в развитие городских предприятий, создание школ, больниц, устройство городских коммуникаций и др.³

К основным обязанностям городского самоуправления относилось удовлетворение локальных социальных, хозяйственных и культурных нужд жителей, в частности, содержание начальных общественных школ, социальное обеспечение, здравоохранение, контроль над санитарным состоянием городов, их благоустройство, деятельность коммунальных предприятий, содействие развитию хозяйственной жизни и др. Также муниципальные органы выполняли целый ряд делегированных

---

² Это, между прочим, противоречило конституции 1921 г., 69-я статья которой гласила: «Источники дохода государства и самоуправления будут строго разграничены» (*Ustawa z dnia 17 marca 1921 roku Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1921. № 44. Poz. 267. S. 646*).

³ *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1923. Nr. 94. poz. 747. S. 1096–1106; Landau Z. Budżet komunalny // Encyklopedia Historii Drugiej Rzeczypospolitej / pod. red. W. Chmielewskiego i in. Warszawa, 1999. S. 46–47.*

обязанностей⁴, например, участие в осуществлении воинского призыва, расквартировании войск в городах, содержание тюрем, сбор статистической информации и т.д. Обязанности территориального самоуправления не были точно и систематически определены каким-либо отдельным законом, но фиксировались в многочисленных правовых актах и были подвержены постоянным изменениям.

Распоряжение генерального комиссара от 25 октября 1919 г. установило сравнительно благоприятные правовые основы для финансовой деятельности западнобелорусских городов: количество причитавшихся им налогов и размер ставок превышали соответствующие позиции органов сельского самоуправления и городов бывшего Царства Польского⁵. Несмотря на это, вплоть до середины 1920-х гг. финансовая ситуация муниципальных органов была крайне тяжелой. Основным источником пополнения городских бюджетов являлись налоги. Однако налоговые поступления от замершей сферы производства и торговли, а также разоренных войной горожан, при том что количество последних резко уменьшилось, были незначительными. Малочисленные и пришедшие в упадок в военные годы городские предприятия также не приносили существенных доходов, финансовая поддержка со стороны польских властей была спорадической и мизерной⁶.

---

⁴ Обязанности, которые обычно относятся к компетенции государственной администрации, но по решению центральных властей переданы коммунальным органам для исполнения.

⁵ *Markowski B.* *Finanse samorządu terytorialnego (1919–1928)* // *Bilans gospodarczy Dziesięciolecia Polski Odrodzonej. Praca zbiorowa pod redakcją Dr. St. Zaleskiego i in.* Tom 2. Poznań, 1929. S. 314.

⁶ Финансовую ситуацию городов в этот период ярко характеризует тот факт, что доминирующую роль в формировании их бюджетов играла одна доходная позиция – налог на перевозимые через города грузы. К примеру, в середине 1919 г. за его счет формировалось до 60% бюджета Гродно (*Kolecki S.* *Działalność Samorządu Miejskiego w Grodnie...* S. 13). Когда ГУВЗ, совершенно справедливо считая, что этот налог тормозил развитие хозяйственной жизни региона, осенью 1919 г. его отменило, власти западнобелорусских городов

Охватившая Польшу в 1921–1923 гг. гиперинфляция ставила органы самоуправления в проигрышную ситуацию: любая задержка при взимании налогов приводила к тому, что суммы, поступающие в городские кассы, стремительно обесценивались. В то же время первоначально, в 1921–1922 гг., инфляция создала благоприятные условия для быстрого восстановления промышленности и торговли, что являлось предпосылкой для увеличения налоговых поступлений в будущем⁷. Уже осенью 1923 г. в Польше начался хозяйственный кризис, который продолжался до начала 1926 г. и привел к падению не успевшего полностью восстановиться после войны производства, наложив новые ограничения на финансовые возможности западнобелорусских городов. К тому же критическое финансовое положение государства толкало центральные власти покрывать дефицит государственного бюджета в том числе за счет территориального самоуправления: были урезаны ставки налоговых поступлений в пользу муниципальных органов, ряд налоговых позиций, пополнявших городские бюджеты, перешел государственной казне. Это, естественно, привело к уменьшению дохода органов самоуправления и усугубило их финансовое положение. Одновременно государство возлагало на муниципальные власти новые обязанности без обеспечения соответствующих источников финансовых поступлений, которые покрывали бы дополнительные расходы⁸.

оказались практически без средств к существованию. Они упорно добивались возвращения налога, порой успешно. Так, в 1921 г. этот источник принес в бюджет Гродно 53% от общей суммы налоговых поступлений (*Kolecki S. Działalność Samorządu Miejskiego w Grodnie... S. 13*). В 1923 г. налог на перевозимые грузы был окончательно отменен (*Markowski B. Finanse samorządu terytorialnego... S. 314*).

⁷ *Landau Z., Tomaszewski J. Gospodarka Polski międzywojennej. T. 1. 1918–1923. Warszawa, 1967. S. 91–93.*

⁸ *Markowski S. Finanse samorządu terytorialnego... S. 307; Zawadzki A. Finanse samorządu terytorialnego w latach 1918–1923 // Finanse. 1969. № 1. S. 17–18.*

В таких условиях городские самоуправления были обречены на хронический дефицит, большая часть их бюджетов уходила на административные расходы (т.е. на содержание самих городских органов) при минимальных расходах на городские нужды. Это не позволяло осуществлять в данный период планомерную и систематическую деятельность, активность городских властей сводилась к срочным расходам на преодоление последствий войны, попыткам урегулирования наиболее острых проблем в сфере социальной защиты, здравоохранения, образования, санитарного состояния. Значительные усилия самоуправления прилагало для снабжения малоимущих жителей продовольствием и обеспечения топливом.

Инспектор самоуправления Виленского округа ГУВЗ С. Копеч, отчитываясь о своей работе в 1919–1920 гг., отмечал, что финансы городов округа находились в фатальном состоянии, их доходы в основном сводились к налоговым поступлениям, а «расходы ограничивались содержанием городских управлений и их персонала. Средств для развития нормального городского хозяйства, также как на цели образования, здравоохранения и другие культурные нужды не было вообще или они были очень ограничены»⁹. «Подводя итог хозяйству наших городов, можно сказать, что оно находится еще в состоянии первобытном и очень далеком от идеала. Почти в каждой сфере, даже в г. Вильно, предстоит очень многое сделать... в послевоенный период соответствующее ведение городского хозяйства делал невозможным постоянный финансовый кризис и отсутствие возможности сбалансировать бюджеты без дефицита»¹⁰, – утверждал Копеч в 1925 г. в отношении городов Виленского административного округа.

---

⁹ BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. Nr akc. 1773/2/V. K. 10.

¹⁰ Копеч С. Характерыстыка стану саморządu на terenie Wileńskiego Okręgu Administracyjnego w kwietniu 1925 roku // Samorząd. 1925. № 24. S. 459.

Бюджетно-валютная реформа В. Грабского 1924 г., позволившая обуздать инфляцию, создала условия для стабилизации городских финансов, в этом году западнобелорусские города впервые стали закрывать бюджеты без дефицитов. Однако достижение ими бюджетного равновесия на фоне экономического кризиса 1923–1926 гг. и ограничения источников налоговых поступлений в пользу государственного бюджета было возможным только за счет дальнейшего сжатия расходов и отказа от удовлетворения части городских нужд.

В 1926 г. Польша вступила в полосу благоприятной экономической конъюнктуры, продолжавшейся до 1929 г. Высокие темпы роста производства и торговых оборотов создали условия для улучшения финансового состояния городского самоуправления. За эти годы бюджеты городов четырех восточных воеводств (без г. Вильно) значительно увеличились: в 1928/1929 финансовом году по сравнению с 1926 г.¹¹ доходы возросли в 2,3 раза, расходы – в 2,1 раза¹². Органы самоуправления начали в полном объеме выполнять свои обязанности, впервые появилась возможность для капиталовложений в развитие городского хозяйства. Так, по анкете, проведенной Союзом польских городов в 1929 г., в городах восточных воеводств велось строительство или расширение 8 электростанций, 7 скотобоен, 3 рынков, 1 бетонного завода, 2 школ, в одном городе работали над возведением водопровода и канализации¹³.

В наиболее благоприятном в финансовом отношении 1928/1929 бюджетном году профицит бюджетов западнобелорусских городов составил 3,4%. В структуре доходов преобладали налоги и платежи, принесшие 45% всех доходов (для сравнения, в 1924 г. этот показатель

---

¹¹ До 1926 г. финансовый год в Польше совпадал с календарным, в 1926 г. он был перенесен на период с 1 апреля по 31 марта.

¹² Рассчитано по: *Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej*. 1928. Warszawa, 1928. S. 534–539; *Ibid.* 1930. Warszawa, 1930. S. 562–567.

¹³ *Biegeleisen L.W.* Stan i tendencje rozwoju polskich urzędzeń miejskich // *Samorząd miejski*. 1929. № 7–8. S. 569.

составил 60%), коммунальное имущество и предприятия обеспечили 21% поступлений (в 1924 г. – 32%), кредиты – 25% (0,1%), государственные дотации и субвенции – 5% (в 1924 г. их не было вообще). Более 70% поступлений от налогов и платежей составляли отчисления и надбавки к государственным налогам, на местные налоги и платежи приходилось 28%¹⁴. Несмотря на заметный рост бюджетов, собственных средств городов было недостаточно для значительных вложений и практически любые капитальные затраты требовали привлечения недоступных ранее кредитов, чем объясняется значительное увеличение их доли.

К основным статьям расходной части бюджетов относились административные расходы (21% от общей суммы), расходы на образование (15%), благоустройство улиц, дорог и парков (14%), муниципальное имущество (13%), обслуживание долга (9%), здравоохранение (7%), социальное обеспечение (6%) и др. К концу 1920-х гг. по сравнению с 1924 г. заметно сократилась доля административных расходов (36% на 1924 г.), резко возросли расходы на обслуживание долга (0,7% на 1924 г.). В 1928/1929 г. на инвестиции приходилось 27% всех расходов (13% в 1924 г.), в том числе 12% расходов составили вложения в коммунальные предприятия и недвижимое имущество, 14% – в создание школ, учреждений здравоохранения и обустройство улиц¹⁵.

Размер коммунальных налогов в расчете на 1 жителя в городах восточных воеводств в 1928–1929 гг. равнялся 24,5 злотым (для сравнения, это составляло 80–85% от суммы государственных налогов¹⁶), что было сопоставимо с уровнем западноукраинских и центральных воеводств Польши – 22,7 и 26,8 злотых соответственно, и заметно уступало западным – 36,5 для Познани и Поморья и 45,1 для Силезии. Сравнимая с

¹⁴ Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1925/1926. Warszawa, 1927. S. 498–499, 504, 506, 514–515; Ibid. 1930. S. 563, 565, 567.

¹⁵ Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1925/1926. S. 498–499, 504, 506, 510–511; Ibid. 1930. S. 562, 564, 566.

¹⁶ Memoriał w sprawie... S. 61.

экономически более развитыми центральными воеводствами величина коммунальных налогов означала использование городскими властями на западнобелорусских землях максимальных налоговых ставок. Это делало фискальное бремя крайне обременительным и нередко неподъемным для жителей, что повсеместно вызывало их возмущение на протяжении всего межвоенного времени. Кроме того, высокое налогообложение являлось тормозом экономического развития региона¹⁷. Расходы на 1 жителя равнялись 55,5 злотых, тогда как в западноукраинских воеводствах – 54,1 злотых, в центральных – 110,4, Силезии – 141,6¹⁸. Существенная разница в значении этого показателя между восточными и центральными воеводствами страны при сопоставимом уровне налоговой нагрузки на население отражает низкий уровень доходов от коммунальных предприятий и имущества в западнобелорусских городах.

Мировой экономической кризис, продолжавшийся в Польше с 1930 по 1935 г., означал перелом в финансовой ситуации городского самоуправления на западнобелорусских землях, которое утратило способность полноценно выполнять своих функции по удовлетворению насущных нужд городов. Глубокое падение производства, торговых оборотов, платежеспособности жителей привело к резкому сокращению поступлений в коммунальные бюджеты. Наряду с последствиями хозяйственного кризиса другой важной причиной финансовых проблем самоуправления стала неблагоприятная политика центральных властей Польши. Как уже отмечалось, с середины 1920-х гг. правительство пыталось решить собственные финансовые проблемы в том числе за счет территориального самоуправления, постоянно ограничивая источники налоговых поступлений городских бюджетов в пользу государственного бюджета, а также передавая в его компетенцию все больше

---

¹⁷ *Sand H. Zagadnienie organicznego uzdrowienia finansów komunalnych // Samorząd miejski. 1938. № 1–2. S. 118; Memoriał w sprawie... S. 59.*

¹⁸ *Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1930. Warszawa, 1930. S. 562–567.*

делегированных полномочий, что позволяло сократить функции государственной администрации. Тем самым нарушалось правило, прописанное в 1923 г. в законе о временном урегулировании коммунальных финансов, по которому можно было передать самоуправлению новые обязанности, только обеспечив ему соответствующие источники дохода. По свидетельству директора Союза польских городов М. Поровского, к 1937 г. этот закон менялся 22 раза, и каждый раз не в пользу городов¹⁹. Кроме того, меры по уменьшению налогового бремени населения приводили к урезанию ставок или отмене части коммунальных налогов. Так, еще во второй половине 1920-х гг. были сокращены отчисления в пользу самоуправления от подоходного налога (в два раза), акцизов на алкоголь (с 30 до 20%), наполовину была уменьшена ставка местного налога на наследование и дарение, освобожден от местных налогов перевоз строительных материалов железной дорогой. За тот же период муниципальным органам был поручен ряд новых обязанностей, в том числе вакцинация от оспы, оплата жилья для учителей начальных школ, ведение ряда показателей статистики, контроль над качеством продуктов питания, борьба с заразными заболеваниями животных и др.²⁰ В середине 1930-х гг. были уменьшены или отменены отчисления от земельного налога, дорожные платежи, оплата за перегон через город скота, прогрессивный налог на доходы физических лиц и др.²¹ Также сказывалась передача в 1932 г. права взимания местных налогов государственным фискальным органам, которые добивались первоочередной уплаты государственных налогов, что в условиях

---

¹⁹ Zjazd miast województw wschodnich... S. 7.

²⁰ Samorząd. 1925. № 19. S. 358; *Gliszczyński S.* Kryzys samorządowy // Samorząd. 1931. № 11. S. 178.

²¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 213. Л. 41. Отчет полесского воеводы о деятельности государственной администрации, органов самоуправления, экономическом и культурном состоянии Полесского воеводства за 1937 г.

нарастания налоговой задолженности не гарантировало полное поступление коммунальных налогов.

Упадок деятельности городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1930-е гг. был обусловлен также его высокой задолженностью перед кредитными организациями и органами государственной власти²². Нарращиванию капиталовложений в городах во второй половине 1920-х гг., основным источником финансирования которых были кредиты, не всегда сопутствовала осмотрительность деятелей самоуправления. Более того, активные вложения на основе кредитов не были вовремя прекращены даже после начала экономического кризиса. На фоне резкого падения доходов и дефицита бюджетов всех уровней, покрытие которых вело к дальнейшему росту долгов, ситуация с задолженностью в первой половине 1930-х гг. приобрела угрожающий характер. Так, в 1934/1935 г. долг городов Новогрудского воеводства в 4,1 раза превышал их обычный годовой доход²³, для невыделенных городов Полесского воеводства этот показатель в 1934 г. составлял 3,2 раза, для Бреста и Пинска – 1,9²⁴; на этом фоне заметно лучше выглядели белорусские города Белостокского воеводства: Гродно – 110%, Волковыск

---

²² К примеру, в 1933 г. долгосрочная задолженность городов Новогрудского и Полесского воеводств составляла 5 853 тыс. злотых, из них 86,3% приходилось на коммунальные и государственные кредитные организации и органы государственной власти. В частности, долги перед Министерством вероисповеданий и общественного просвещения составляли 12,6% муниципальной задолженности, перед Банком отечественного хозяйства (Bank Gospodarstwa Krajowego, один из крупнейших в Польше государственных банков) – 57%, перед специализировавшимся на кредитовании органов самоуправления Польским коммунальным банком – 13,9%. Доля задолженности перед частными кредитными организациями составляла 6,9% (Statystyka samorządowa. 1932/1933. Warszawa, 1934. S. 40).

²³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 240. Л. 75. Отчет новогрудского воеводы об общем состоянии воеводства, работе государственной администрации и территориального самоуправления за 1933–1934 финансовый год.

²⁴ Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych miast województwa Poleskiego. S. 39–41.

– 86%, Скидель – 67% и др.²⁵ При этом структура задолженности была неблагоприятной: ее большая часть приходилась на краткосрочные долги, привлекавшиеся под высокие проценты. Обслуживание задолженности поглощало значительную часть бюджетов, а нередко было вообще непосильным для городов.

Падение бюджетов городских органов было катастрофическим. Доходы небольших городов, насчитывавших до 20 тыс. жителей, в 1932–1933 финансовом году составили 43% от уровня 1928–1929 г., расходы к 1933–1934 г. уменьшились до 40%. В городах с населением свыше 20 тыс. человек доходы в 1932–1933 г. составили 48% по сравнению с 1928–1929 г., расходы – 58%. Ухудшилась и структура бюджетов: уменьшилась доля расходов на городские нужды, в то время как на городскую администрацию и оплату долгов в 1932–1933 гг. уходила почти половина всех расходов западнобелорусских городов (для сравнения, в 1928–1929 гг. этот показатель составлял 30%). Резко упала доля инвестиций в бюджетах: в 1932–1933 гг. она составила лишь 8% ²⁶. Самоуправлениям пришлось отказаться от любых новых капиталовложений, в лучшем случае они могли рассчитывать на завершение ранее начатых работ. Более того, кризис привел к свертыванию текущей деятельности в образовании, здравоохранении, социальной опеке, была ликвидирована часть коммунальных предприятий. Как следует из отчета новогрудского воеводы за 1931–1932 г., муниципальные органы ликвидировали 14 из 17

---

²⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 219. Л. 103–104. Отчет белостокского воеводы о деятельности государственной администрации, органов самоуправления, экономическом и культурном состоянии воеводства за 1932–1933 финансовый год.

²⁶ Statystyka samorządowa. 1932/1933. S. 4–26; Ibid. 1933/1934. Warszawa, 1935. S. 4.

созданных в 1920-е гг. бетонных заводов, ряд других производств, были закрыты 10 поликлиник²⁷.

К примеру, задолженность Столина в конце 1934 г. в 8 раз превышала его годовой бюджет, что привело к наложению секвестра на отчисления и надбавки к государственным налогам, практически единственный источник дохода города, сделавшее невозможным осуществление какой-либо деятельности²⁸. В отчете о люстрации органов самоуправления Столинского повета, проведенной воеводской инспекцией в 1933 г., указывалось: «Активность местных властей сводится здесь к выклянчиванию у вышестоящих властей кредитов и дотаций, которые голодающее население не в состоянии вернуть... Неосмотрительное и неумелое ведение хозяйства полностью разрушило финансы городов Столина и Давид-Городка... Если магистраты перестали считаться с негативным мнением (коммерческих и общественных организаций. – *А. Д.*), которое установилось об этих городах из-за недобросовестного выполнения своих обязательств, то тем более они потеряли амбиции в сфере содержания городов в должном порядке и обеспечения жителей даже самыми примитивными удобствами... [жители] вынуждены соглашаться с установлением магистратами максимальных налоговых ставок, тарифов за электроэнергию, норм шарварка, переключиванием на собственников недвижимости стоимости содержания улиц и тротуаров и т.д.»²⁹. Формы, которые приняло ведение хозяйства городами Столинского повета, беднейшего в Полесском воеводстве, были яркой иллюстрацией

---

²⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 287. Л. 38. Отчет новогрудского воеводы об общем состоянии воеводства, работе государственной администрации и территориального самоуправления за 1931–1932 финансовый год.

²⁸ Там же. Д. 121. Л. 7. Письмо Столинского поветового отдела в Столинское городское управление. 29 декабря 1934 г.; Там же. Л. 8. Протокол люстрации городского управления в Столине, проведенной инспектором гминного самоуправления З. Целиховским 14 декабря 1934 г.

²⁹ Там же. Оп. 8. Д. 347. Л. 3, 14–15.

проблем, стоявших перед городскими органами на западнорусских землях в целом.

Центральные власти Польши предприняли меры, призванные улучшить финансовую ситуацию самоуправления. С начала 1930-х гг. активизировалась т.н. акция экономии, начатая еще в середине 1920-х гг. и имевшая целью установление бюджетного равновесия в органах самоуправления, которая представляла собой механическое сокращение расходов местных бюджетов под давлением государственной администрации. На съезде старост Полесского воеводства в феврале 1932 г. воевода Крахельский говорил: «Финансовая ситуация государства заставляет самоуправления уменьшать собственные налоги, чтобы уменьшить нагрузку на плательщика в пользу государственного бюджета и сделать возможным его соответствующее исполнение. Для достижения этой цели, которую во время настоящего кризиса надо считать самой важной, самоуправления должны вести далеко идущие экономии и ограничения в прежнем хозяйстве, ликвидируя дефицитные предприятия и менее жизненно важные дела, концентрируя главные усилия в направлении ликвидации теперешней задолженности». Не менее определенно высказывался и начальник отдела самоуправления ПВУ В. Сохацкий: «Хозяйство самоуправлений в 1932–1933 г. должно в основном ограничиться только ликвидацией долгов, хозяйственные расходы должны оказаться на последнем плане»³⁰. Урезание расходов позволило городам с середины 1930-х гг. в большинстве случаев закрывать бюджеты с профицитом.

Но за подобными подходами стояли судьбы конкретных людей. Начальник отдела самоуправления НВУ Ц. Галасевич на страницах «Самоуправления» в 1933 г. протестовал против стремления, названного

---

³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 1214. Л. 2, 5. Протокол съезда председателей поветовых отделов Полесского воеводства, состоявшегося 11 и 12 февраля 1932 г. в Бресте.

им «психозом кризиса», ограничить деятельность самоуправления выплатой задолженности при отказе от удовлетворения местных нужд. Он писал: «Кто знает гмину и повет – тот знает, какой трагедией является сегодня принудительное взимание общественной дани. Оно нередко связано с полным разорением отдельных хозяйств и по большей части с приведением их в состояние первобытной культуры... Такие сферы, как здравоохранение и социальное обеспечение, всё более запущены. Количество больниц, детских домов и приютов уменьшается с каждым днем, а состояние оставшихся ухудшается, так что основная их часть просто издевается над представлением о том, как данный институт должен выглядеть»³¹.

Следующим шагом стала реструктуризация задолженности, которая в отношении городов была проведена в 1935–1937 гг. При посредничестве государственной администрации были достигнуты соглашения с кредиторами о конверсии краткосрочных обязательств в долгосрочные, снижении процентов, увеличении сроков возврата и отсрочки платежей, списании части задолженности. Это позволило сократить расходы городов восточных воеводств на обслуживание долга примерно на треть³².

Сокращение расходов к уровню мизерных доходов происходило на фоне увеличения списка обязанностей при одновременном росте потребностей в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, обусловленных как обнищанием горожан, так и ростом их численности. Это означало для большинства муниципальных органов отказ от решения многих насущных проблем городской жизни или удовлетворение их на примитивном уровне. Как видно из итогового отчета центральной комиссии по экономии и реструктуризации задолженности самоуправления, опубликованного в 1937 г., в абсолютном большинстве городов Польши преодоление бюджетного дефицита было возможным

---

³¹ *Galasiewicz C.* Psychoza kryzysu – a samorząd // *Samorząd*. 1933. № 9. S. 126.

³² *Zjazd miast województw wschodnich...* S. 14.

лишь при условии сведения выполнения функций к «неизмеримо низкому уровню, часто значительно более низкому, чем минимум, требуемый от органов самоуправления». Пришлось смириться с нехваткой помещений для общеобразовательных школ, средств для обслуживания городских улиц и дорог, что вело к их разрушению, грабительской эксплуатацией городских предприятий, когда амортизационные отчисления приходилось тратить на другие цели³³. Полесская воеводская комиссия по экономии и реструктуризации задолженности засвидетельствовала, что даже после завершения акции три города воеводства (Бережа-Картузская, Лунинец и Ружаны) не могли выполнять свои финансовые обязательства, еще пять (Высоко-Литовск, Давид-Городок, Каменец-Литовск, Коссово, Столин) могли рассчитываться по кредитам при сохранении бюджетного равновесия только за счет отказа от выполнения своих основных обязанностей, соответственно, только четыре оставшихся города (Брест, Кобрин, Пинск, Пружаны) могли выполнять свои функции³⁴. В Новогрудском воеводстве на конец 1930-х гг. муниципальные власти были нефункциональны в 4 из 10 городов³⁵.

Начавшееся в 1935 г. оживление экономики позволило западнобелорусским городам несколько улучшить свое финансовое положение: в 1936–1937 г. доходы городов с населением до 20 тыс. человек составили 49,3% к уровню 1928–1929 г., расходы – 44,8%. Для насчитывавших более 20 тыс. жителей городов эти показатели равнялись 70,2 и 60,1% соответственно. Улучшилась структура бюджетов: доля расходов на администрацию и долги сократилась до 28%, городские органы смогли возобновить капитальные затраты, прежде всего, в сфере школьного строительства, дорожных работ и инвестиций в городские

---

³³ Oddłużenie samorządu terytorialnego... S. 96–97.

³⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 213. Л. 74.

³⁵ Oddłużenie samorządu terytorialnego... S. 67.

предприятия, доля которых составила 36,3% расходов³⁶. Как и прежде, проведение капитальных работ в определяющей степени зависело от кредитов и государственных дотаций, их активизация привела к повторному нарастанию задолженности в конце 1930-х гг.

В то же время серьезные расходы на развитие городов в большинстве случаев по-прежнему оставались для муниципальных властей недоступными, как правило, средств хватало лишь на жизненно необходимые нужды, причем на минимальном уровне³⁷.

Как отмечал полесский воевода в своем отчете, представленном в 1939 г., за 20 лет в составе Польши инвестиционная деятельность самоуправления Полесского воеводства (включая сельское и поветовое) из-за нехватки средств была крайне ограничена. Сумма капиталовложений составила примерно 40 млн злотых, из нее более половины было

---

³⁶ Statystyka samorządu terytorialnego. 1936/1937. Warszawa, 1938. S. 25–26.

³⁷ Виленский воевода Л. Бочанский в годовом отчете за 1935–1936 г. указывал, что для деятельности муниципальных органов были характерны существенные недостатки в сфере начального образования, здравоохранения и социального обеспечения, приведение их бюджетов в равновесие сопровождалось дальнейшим прозябанием в экономическом плане (ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 223. Л. 7, 13. Отчет виленского воеводы о деятельности государственной администрации, органов самоуправления, экономическом и культурном состоянии воеводства за 1935–1936 финансовый год). Характеризуя финансовое положение невыделенных городов, в годовом отчете за 1936–1937 г. воевода Костек-Бернацкий утверждал: «Маленькие, насчитывающие по несколько тысяч жителей местечки после отмены несколько лет назад налога на хозяйственный оборот между городом и деревней с трудом покрывают обязательные расходы на администрацию и образование» (ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 213. Л. 40). В мае 1938 г. городской совет Бреста, признав, что не имеет возможности выполнять свои обязанности в отношении горожан, принял единогласное решение обратиться с просьбой к правительству Польши о созыве специальной сессии парламента, посвященной реформе системы финансов самоуправления (Samorząd miejski. 1938. № 10. S. 759–760). Тогда же похожее решение с призывом о помощи принял городской совет Лиды, в котором было указано, что положение города остается критическим и «может измениться к лучшему только в случае уменьшения обязанностей городской гмины или расширения ее финансовых основ» (Samorząd miejski. 1938. № 13. S. 930).

направлено на строительство и содержание дорог и мостов. На остальные деньги были построены 339 школ, 6 электростанций, 93 артезианских колодца, несколько скотобоен, 150 зданий под медицинские пункты, бани и др., выполнена значительная часть работ по созданию водопровода и канализации в Бресте, начато их сооружение в Пинске. Основная часть реализовывавшихся в воеводстве на 1939 г. инвестиций приходилась на возведение 150 начальных школ, в том числе 100 «школ-памятников» имени Ю. Пилсудского³⁸ (о них см. далее). Масштабные капитальные затраты органов городского самоуправления на протяжении межвоенного периода были единичными: паротурбинная электростанция и ратуша в Бресте, значительные вложения в создание водопровода и канализации в Гродно и Бресте и др.

На съезде городов восточных воеводств, состоявшемся в 1937 г. в Вильно, Т. Нагурский, вице-президент Вильно и автор ряда краеведческих и экономических исследований по восточным воеводствам Польши, утверждал, что за 18 лет существования Польского государства разница в хозяйственном уровне между городами восточных воеводств и городами остальных регионов государства увеличилась, вместо того чтобы сократиться. По его свидетельству, в 1937 г. из 59 городов Виленского, Новогрудского, Полесского и Волынского воеводств только в Вильно имелись соответствующие организованные водопровод и канализация, в двух городах – современные скотобойни, в большинстве мелких городов не было собственных электростанций и они пользовались услугами частных или железнодорожных, была замощена лишь третья часть городских улиц, при этом мощение велось по отсталым технологиям, абсолютное большинство городов не имели приспособленных школьных помещений, больниц и т.д. По мнению Нагурского, «если восточные

---

³⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1017. Л. 107–108. Отчет полесского воеводы о деятельности государственной администрации, органов самоуправления, экономическом и культурном состоянии Полесского воеводства за 1938 г.

города за 18-летний период польского самоуправления не подняли свое хозяйство на соответствующий уровень, то произошло это по причине нищеты жителей и следующего из этого плохого состояния коммунальных финансов. Помощь со стороны Польского государства была недостаточной, т.к. была значительно меньше, чем средняя кредитная помощь для городов всей Польши»³⁹.

Таким образом, вплоть до середины 1920-х гг. финансовая ситуация городского самоуправления на западнобелорусских землях была катастрофической. Основным источником пополнения городских бюджетов являлись налоги, однако налоговые поступления с разоренных войной горожан, количество которых резко уменьшилось, а также застывшей сферы производства и торговли были незначительными. Малочисленные и пришедшие в упадок в военные годы городские предприятия также не являлись существенным источником дохода, финансовая поддержка со стороны польских властей была sporadicческой и мизерной. В таких условиях городские самоуправления были обречены на постоянный дефицит финансов, большая часть их бюджетов уходила на административные расходы при минимальных расходах на городские нужды. Это не позволяло им осуществлять в этот период планомерную и систематическую деятельность, активность городских властей сводилась к чрезвычайным расходам на преодоление последствий войны, попыткам срочного урегулирования наиболее острых проблем. Во второй половине 1920-х гг. на фоне благоприятной хозяйственной конъюнктуры финансовое состояние городского самоуправления улучшилось. Оно вышло на полноценное выполнение своих обязанностей, а также смогло приступить к проведению капитальных работ. Начавшийся в 1930 г. экономический кризис поставил финансы муниципальных органов в

---

³⁹ Zjazd miast województw wschodnich... S. 12–13.

критическое положение. В 1930-е гг. их текущая деятельность по решению локальных задач городской жизни оказалась в упадке.

3.2. Основные направления деятельности городских властей на западнобелорусских землях

3.2.1. Поддержание санитарии и благоустройство

На муниципальных органах лежала основная часть обязанностей по благоустройству городов и поддержанию санитарии – в частности, мощение улиц и содержание их в чистоте, строительство общественных колодцев, туалетов, мусорных урн, организация ассенизационных служб и др. Одновременно многие задачи в этой сфере были закреплены за самими жителями, которые были обязаны не только содержать в чистоте собственные дома и дворы, но и своими силами вести строительство тротуаров на прилегающих улицах, подметать их, безвозмездно участвовать в мощении дорог методом шарварка и др.

В западнобелорусских городах специальных санитарных служб за редким исключением не было. Обычно контроль за исполнением гигиенических норм возлагался на поветовых врачей, состоявших на балансе поветового самоуправления либо государственной администрации, и органы полиции. Городских врачей и санитарных контролеров содержали лишь несколько крупных городов региона.

В 1921 г. Союзом польских городов было проведено анкетирование на предмет санитарного состояния городов. В нем приняли участие 256

городов Польши, в том числе 13 городов Новогрудского и Полесского воеводств. Как отмечал организатор этого исследования Ю. Поляк, оно отразило значительную разницу между регионами Польши, до Первой мировой войны входившими в состав различных государств, тогда как санитарное состояние городов в пределах отдельных регионов отличалось поразительным сходством. На фоне слабого развития благоустроенности городов Польши в целом проявилось серьезное отставание западнобелорусских городов практически по всем позициям. В 4 из них (31%) замощенных улиц не было вообще, в 7 (54%) качество дорожных покрытий Поляк определил как «плохое», в 2 (15%) – как «среднее», мощение по улучшенным технологиям здесь не велось. В целом по Польше соответствующие цифры составляли 6, 44, 34 и 16%. Под «средним» уровнем понималась ситуация, когда в городе имелись деревянные тротуары и все или большая часть улиц были выложены полевым камнем, что уже в то время считалось отсталой технологией; «плохой» уровень означал, что таким образом была вымощена лишь часть улиц. Водоснабжение во всех западнобелорусских городах было обозначено как «плохое», что означало отсутствие здесь не только водопроводов, но и трубчатых колодцев, вода в имевшихся шахтных колодцах часто была не пригодна для питья. Всего в Польше 58% городов также имели «плохое» снабжение водой, в 24% были трубчатые колодцы, в 18% водопроводы. Примитивно организованные городские ассенизационные службы действовали только в более крупных городах западнобелорусского региона: нечистоты сливались в специальные бочки и на телегах вывозились за пределы города. В небольших городах служб ассенизации не было. Городских служб вывоза мусора не было ни в одном западнобелорусском городе. В 8 (62%) городах уличного освещения либо не было вовсе, либо оно представляло собой редкую сеть керосиновых ламп, в 5 (38%) имелось электрическое освещение, «крайне скудное», по

мнению Поляка. Газового освещения не было ни в одном городе. Соответствующие средние цифры по Польше составляли 46, 39 и 15%. Общественные бани действовали лишь в двух западнобелорусских городах (16% по сравнению с 40% в среднем по Польше). По свидетельству Поляка, города восточных воеводств были полностью лишены озеленения. Больницы действовали в менее чем трети городов, ни в одном из них не было отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям школьных помещений, скотобоен⁴⁰.

Несмотря на многочисленные неотложные нужды, эффективные меры по поднятию санитарного положения в большинстве западнобелорусских городов стали предприниматься далеко не сразу. При этом финансовые затруднения муниципальных органов в первой половине 1920-х гг. были не единственной причиной, по которой запаздывали реальные действия городских сообществ по улучшению собственных условий жизни. Среди многочисленных препятствий в результативной работе местных властей на первое место часто выходил низкий уровень бытовой, гигиенической культуры городских жителей, отсутствие среди них понимания необходимости следования санитарно-гигиеническим предписаниям. Недооценка значения вопросов благоустройства и санитарии во многих случаях была характерна и для муниципальных деятелей. Их безответственность и некомпетентность на фоне межпартийных и межнациональных противостояний внутри городских органов нередко становились основной причиной полного бездействия городского самоуправления в этой сфере.

В целом на протяжении первой половины – середины 1920-х гг. ситуация оставалась без значимых изменений. Например, отчеты поветовых врачей о санитарном состоянии поветов Полесского воеводства за 1926 г. повсеместно рисуют мрачную картину неблагоустроенности

---

⁴⁰ *Polak J.* Stan higieniczny miast polskich // *Samorząd miejski.* 1924. Т. 3. S. 78–86.

городов. Потребность в воде обеспечивалась с помощью деревянных шахтных колодцев или прилегающих водоемов, трубчатые колодцы в городах исчислялись единицами. Используемая жителями вода, как правило, была непригодна для питья, что чаще всего было связано с загрязнением нечистотами, проникавшими через землю. Города, застройка которых носила преимущественно сельский характер, не содержались в чистоте. То же касалось частных домов и приусадебных участков. Из-за отсутствия урн мусор обычно скапливался во дворах или хозяйственных постройках. Канализации не было ни в одном городе, частные туалеты во дворах были только в Бресте. Жители, как правило, довольствовались выгребными ямами, стены и дно которых ничем не были выложены, а их содержимое не вывозилось и не дезинфицировалось, что вело к загрязнению почвы нечистотами. Столинский поветовый староста в отчете за 1926 г. отмечал: «Борьба с антисанитарным состоянием дворов в городах трудная из-за всеобщей нечистоплотности населения, особенно еврейского. Составление протокола чаще всего бесполезно из-за низкого административного штрафа – 1–3 злотых. Владелец двора считает более удобным для себя иногда заплатить пару злотых штрафа, чем постоянно содержать двор в чистоте. Санитарные комиссии на территории всего повета были созданы, но редко проявляли свою деятельность, что объясняется пренебрежением санитарными делами со стороны органов самоуправления»⁴¹. В большинстве городов в общественных местах, в первую очередь рынках, не было туалетов и урн, что вело к загрязнению близлежащих частных владений. Большая часть городских дорог оставалась немощеной, из-за отсутствия или непригодности сточных канав на многих участках улиц образовывались большие лужи с грязной водой, куда жители прилегающих домов сливали отходы и нечистоты.

---

⁴¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 67. Л. 36. Отчет столинского поветового старосты о санитарном состоянии повета за 1926 г.

Многие горожане занимались скотоводством, что также отражалось на гигиене улиц. К примеру, как следует из годового отчета поветового коммунального союза Коссовского повета за 1926 г., центральные улицы в Коссово и Ружанах в теплое время года были постоянно загрязнены навозом от ежедневно перегоняемого через них скота⁴². Отмечалось недостаточное количество бань, в основном не отвечавших санитарным требованиям. Большинство из них представляли собой миквы – еврейские ритуальные бани, практически не посещавшиеся христианским населением.

В соответствии с отчетом начальника отдела здравоохранения НВУ З. Доманского о санитарном состоянии городов Новогрудского воеводства, представленном в 1927 г., состояние бань и микв было «настолько плачевно, что без... страха заразиться педикулезом обычному жителю трудно решиться воспользоваться их услугами». Не лучше дела обстояли в сфере ассенизации, жители в соответствии с привычным для них способом продолжали закапывать экскременты в землю в пределах своих владений. При этом городские власти не считали нужным нести какие-то бы ни было расходы на организацию санитарного надзора. По свидетельству Доманского, потребовалось приложить много усилий для того, чтобы убедить коммунальных служащих в необходимости приступить к организации ассенизационных служб, благодаря давлению воеводской администрации городские власти в Барановичах и Новогрудке начали строительство новых бань, остальные города дожидались получения соответствующих кредитов⁴³. По оценке гродненских властей, в конце 1920-х гг. службами ассенизации вывозилось за пределы города не более

---

⁴² Там же. Оп. 4. Д. 155. Л. 8–9. Отчет о деятельности муниципальных органов Коссовского повета за 1926 г.

⁴³ ГАГО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 121. Л. 1. Отчет начальника отдела здравоохранения НВУ З. Доманского о санитарном состоянии городов Новогрудского воеводства. 1927 г.

25% нечистот, остальное оставалось в городской черте, приводя к загрязнению почвы и воздуха⁴⁴.

Неблагоустроенность городов создавала прямую опасность для их жителей. В Березе полное отсутствие уличного освещения и плохое состояние тротуаров стали причиной падения бургомистра Довнара в 1928 г., приведшего к перелому руки, падение другого заметного общественного деятеля города Кухарского закончилось переломом ноги⁴⁵.

В таких условиях инициатива в деле упорядочения городов нередко исходила от государственной администрации. Вскоре после государственного переворота Пилсудского министром внутренних дел был назначен генерал Ф. Славой-Складковский, врач по образованию, ранее возглавлявший санитарную службу в польской армии. Придавая огромное значение вопросам гигиены, новый министр предпринял энергичные действия в направлении улучшения санитарного состояния населенных пунктов Польши. Были изданы предписания, обязавшие местные органы государственной администрации и территориального самоуправления в сжатые сроки обеспечить чистоту на улицах, рынках и частных дворах, организовать подметание улиц, их упорядочение и озеленение, обеспечить наличие в каждом частном имении сельских туалетов⁴⁶ и накрытых урн.

Инициатива центральных властей совпала по времени с улучшением хозяйственной конъюнктуры, окрепшие финансы давали самоуправлению возможность предпринять более активные действия. Но давление центральных и воеводских властей и улучшение финансовой ситуации были благоприятными, но не решающими факторами для повышения

---

⁴⁴ Kanalizacja miasta Grodno // Kronika m. Grodno. Z. 2. S 23–24.

⁴⁵ Express Poleski. 1928. 27 grudnia. № 358. S. 4.

⁴⁶ По требованиям должны были представлять собой деревянную будку над выложенной досками, кирпичами или зацементированной выгребной ямой; в народе получили название «славойки» по имени министра внутренних дел, не брезговавшего лично контролировать выполнение данных предписаний во время многочисленных поездок по стране.

уровня благоустроенности городов, дальнейшие изменения, прежде всего, зависели от личных качеств ответственных за это людей на местах. Там, где находились компетентные и исполнительные люди, как в городском самоуправлении, так и местной государственной администрации, которые подхватывали инициативу сверху, из одинаковых исходных позиций удавалось достичь немало. В других случаях муниципальные власти, несмотря на давление сверху, не желали предпринимать активные действия, из-за их пассивности санитарная ситуация оставалась крайне неблагоприятной.

Характерная ситуация сложилась в Бресте. Критический уровень антисанитарии и неблагоустроенности в центре воеводства стал темой освещения в центральной польской прессе («Иллюстрированный ежедневный курьер», «Варшавская газета», «Утренний экспресс»), в связи с чем Крахельскому в июне 1929 г. пришлось отчитываться о ситуации министру внутренних дел. Воевода подтвердил запущенное состояние Бреста: «Замощена только незначительная часть улиц, тротуары были разрушены в такой степени, что по ним невозможно было ходить, дома не ремонтировались с довоенного времени или с момента их восстановления после войны, из-за чего штукатурка и карнизы отвалились, балконы грозили обвалиться, лестничные клетки были разрушены, кроме того, торчащие с военного времени руины домов грозили обрушиться, в их подвалах гнездились криминальные элементы, они служили местом вывоза всяких нечистот». По свидетельству Крахельского, планомерная акция по упорядочению города началась в 1928 г., ее проведение он поручил городским властям. Но из-за межпартийных конфликтов работа городских совета и магистрата была бесплодной, несмотря на давление со стороны воеводы городское хозяйство оставалось в полном упадке. Это привело к роспуску Брестского совета, но вновь избранные советники также проявили полное бездействие. В итоге Крахельский возложил

ответственность за санитарное состояние города на брестского поветового старосту Ф. Барана⁴⁷. Для начала староста созвал в марте 1929 г. совещание с участием начальника отдела здравоохранения ПВУ Зароского, представителей магистрата, полиции и общества владельцев недвижимости в Бресте, на котором потребовал в течение трех месяцев добиться кардинального улучшения благоустроенности города. Брестский магистрат издал соответствующие указания, но жители их привычно проигнорировали, а городские власти по-прежнему не собирались ничего предпринимать. Тогда Баран, как следует из его записки, направленной полесскому воеводе в августе 1929 г., решил лично заняться благоустройством Бреста при помощи персонала староства и органов полиции. Он разделил город на 4 района, в одном из которых сам проводил инспекции домов и участков на предмет выполнения санитарных предписаний, ответственными за остальные районы были определены его заместитель Усаевич, поветовый врач Ромецкий и начальник уголовного отдела староства Палюшкевич. При этом представитель магистрата Пашковский принимал участие в инспекциях лишь в течение первых нескольких дней. Многократные инспекции каждого владения, а также репрессивные шаги в виде денежных штрафов и наказаний арестом убедили горожан в серьезности намерений старосты⁴⁸. По свидетельству воеводы, уже к июню 1929 г. работа по благоустройству Бреста была выполнена на 80%, его внешний вид серьезно изменился: в каждом владении были поставлены туалеты и урны, практически все дома отремонтированы, участки огорожены, руины домов были разобраны и т.д. При этом Крахельский утверждал, что требования старосты за небольшим исключением встречали понимание среди жителей, а карательные

---

⁴⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 214. Письмо полесского воеводы в МВД. 5 июня 1929 г.

⁴⁸ Там же. Л. 203. Отчет брестского старосты полесскому воеводе. 17 августа 1929 г.

действия с его стороны были умеренными: из примерно 4 тыс. владельцев недвижимости за отказ заняться благоустройством своих имений 6 человек были заключены под стражу на срок до двух недель, 19 получили незначительные штрафы. Существенные штрафы в размере 100 или 200 злотых были наложены на 57 зажиточных жителей, среди которых многие являлись членами городского совета, демонстративно отказывавшимися следовать санитарным нормам⁴⁹. Но со стороны ситуация выглядела иначе. Врач В. Борковский, инспектируя в мае 1929 г. учреждения здравоохранения Бреста и Пинска, стал свидетелем того, как в Бресте на праздник православной пасхи многие жители, гонимые страхом на фоне арестов за невыполнение в срок указаний по благоустройству, спешно красили заборы. При этом Борковский признал успехи в наведении порядка в городе⁵⁰.

Заметим, что для значительного улучшения благоустроенности одного из крупнейших городов региона оказалось достаточно решимости старосты, при помощи его мобилизационных методов результат был достигнут без каких-либо значительных финансовых затрат со стороны государственной или муниципальной казны. Но Брест, где местной государственной администрации в стремлении повысить благоустроенность города фактически пришлось преодолевать сопротивление городских властей, был исключением. Ситуация в большинстве случаев все же зависела от позиции муниципальных органов, их ответственности и исполнительности. В отличие от брестских магистрата и совета, в ряде западнобелорусских городов предписания государственных властей, касавшиеся вопросов санитарии и

---

⁴⁹ Там же. Л. 215.

⁵⁰ Там же. Оп. 4. Д. 1207. Л. 48. Отчет об инспекции учреждений здравоохранения Бреста и Пинска, проведенной доктором В. Борковским 4–5 мая 1929 г.

благоустройства, послушно выполнялись муниципальными органами, их усилия давали свои плоды.

Судя по рапортам местных и воеводских властей, к началу 1930-х гг. разительно улучшилось санитарное состояние городов Пружаны и Береза Пружанского повета. В соответствии с отчетом пружанского поветового врача Францишека Имёлка за 1931 г., в Пружанах были замощены все дороги, в Березе – половина дорог. При всех домах были установлены туалеты и урны, дома и приусадебные участки были упорядочены и отремонтированы. Пружаны отличались интенсивным озеленением, уличные деревья ежегодно подстригались и белились. Пружанский магистрат в 1930 г. построил 9 шахтных колодцев с насосами⁵¹. В отчете пружанского староства за первое полугодие 1931 г. указывалось, что «вид городов (Пружан и Березы. – *А. Д.*) в целом хороший, везде видны усилия по озеленению, улицы и городские площади хорошо и вовремя подметаются и чистятся»⁵². Поветовый староста Р. Валевский улучшение санитарного состояния повета в первую очередь приписывал «исключительной старательности и ответственности» Имёлка, которого в 1929 г. представил к серебряному кресту заслуги. Также Валевский предложил полесскому воеводе выразить письменную благодарность бургомистру Березы Яну Довнару, под руководством которого за короткое время на всех улицах города были выложены тротуары и построены за коммунальные средства крытые ларьки на городском рынке, а также начальникам местных постов полиции⁵³. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в отчетах старост и поветовых врачей отмечалось удовлетворительное санитарное состояние городов Лунинецкого и Коссовского поветов.

---

⁵¹ Там же. Оп. 5. Д. 90. Л. 113–114. Отчет пружанского поветового врача Ф. Имёлка о санитарном состоянии повета за 1931 г.

⁵² Там же. Оп. 4. Д. 1217. Л. 34. Отчет о санитарном состоянии Пружанского повета за первое полугодие 1931 г.

⁵³ Там же. Оп. 5. Д. 33. Л. 114. Письмо пружанского старосты полесскому воеводе. 29 ноября 1929 г.

Но нередко муниципальные власти по-прежнему не проявляли заинтересованность в санитарных делах, жители не спешили изменять своим привычкам, а энергичных и целеустремленных старост, как в Бресте, не хватало на все города. Например, в годовом отчете за 1931 г. столинский поветовый врач писал, что «привычка жить в грязи, [вера в] знахарство играют не последнюю роль, с одной стороны, в расширении заразных заболеваний, с другой, в сохранении антисанитарного состояния. Несмотря ни на постоянные напоминания, ни на наказания, налагаемые на отдельных жителей, до сих пор при домах не устроены туалеты, не все колодцы соответствуют гигиене. Вера в знахарство в высокой степени затрудняет борьбу с заразными болезнями, так как благодаря ей просто невозможна регистрация повсеместно выступающих заболеваний». В Столине были замощены лишь две улицы, в Давид-Городке – ни одной⁵⁴. Вину за неблагоустроенность поветовый врач возложил на бургомистров и магистраты, а также посты государственной полиции, не предпринимавшие действенных мер для наведения порядка в городах⁵⁵. В конце 1929 г. местные власти сообщали о достигнутых в Пинске и Логишине успехах в области санитарии: количество отремонтированных домов здесь за два года увеличилось с 1100 до 2700, накрытых урн было соответственно 1800 и 3900, туалетов, построенных в соответствии с санитарными требованиями, – 1950 и 4000⁵⁶. Однако воеводская инспекция коммунальных органов Пинска в октябре 1930 г. отразила совсем другую картину: городское хозяйство находилось в упадке, «задания гмины по профилактике болезней, поддержанию соответствующего санитарного состояния... были полностью запущены». Например, за период с 1927 г.

---

⁵⁴ Там же. Д. 90. Л. 111. Отчет столинского поветового врача о санитарном состоянии повета за 1931 г.

⁵⁵ Там же. Оп. 4. Д. 1217. Л. 156. Отчет о санитарном состоянии Столинского повета за 1930 г.

⁵⁶ Там же. Оп. 5. Д. 33. Л. 104. Письмо пинского старосты полесскому воеводе. 30 ноября 1929 г.

муниципальные власти построили лишь один колодец, работы по мощению улиц продвинулись вперед лишь в предшествовавшие инспекции несколько месяцев, что в значительной мере объяснялось утверждением МВД решения городского совета о переносе стоимости содержания улиц на владельцев прилегающих домов⁵⁷.

Таким образом, если в начале 1920-х гг. уровень санитарии и благоустроенности во всех городах региона был критически низким, то к концу 1920-х – началу 1930-х гг. между ними сложились заметные различия, что зависело, в первую очередь, от эффективности действий местных органов власти. В целом, достигнутые результаты в большинстве случаев были ограниченными и не означали качественных перемен.

Г. Рудинский, врач из Вильно, председатель воеводской секции Виленского врачебного товарищества, впоследствии возглавивший отдел здравоохранения Виленской воеводской управы, в 1932 г. опубликовал обширную статью на тему состояния здравоохранения в Виленском воеводстве. По его мнению, проводимая с 1927 г. «энергичная акция принудительного упорядочения страны в целом дала очень заметные результаты». Усилиями государственных властей и органов самоуправления общий вид и благоустроенность населенных пунктов воеводства изменились до неузнаваемости: частные имения были упорядочены, улицы в городах вымощены и высажены деревьями, жители начали соблюдать гигиенические предписания относительно содержания колодцев, устранения нечистот и др. В то же время Рудинский уточнял, что из городов воеводства, не считая Вильно, высоким уровнем благоустроенности отличались поветовые центры Вилейка и Поставы. Остальные же города представляли собой преимущественно тесные, неправильно застроенные поселения с недостаточным озеленением. «В

---

⁵⁷ Там же. Оп. 4. Д. 36. Л. 14, 16–17, 22. Отчет о ревизии органов самоуправления г. Пинска, проведенной воеводским инспектором А. Соколовским 15–25 октября 1930 г.

своим теперешнем виде они не имеют никаких условий для того, чтобы их можно было привести в соответствующее санитарное состояние», – свидетельствовал автор, противореча собственной общей позитивной оценке. В качестве примера он привел Глубокое, насчитывавшее 6 тыс. жителей, зажатое между двумя озерами, с узкими улицами и грязными дворами. Жители сливали нечистоты в озера, которые одновременно служили им основным источником воды, из-за чего в городе постоянно свирепствовала эпидемия брюшного тифа⁵⁸. Для решения проблемы требовалось создание водопровода, на что у властей Глубокого не было денег. В связи с масштабом эпидемии департаментом службы здоровья МВД с конца 1920-х гг. обсуждалась возможность финансирования строительства водопровода из собственных средств – при условии, что магистрат за городские деньги подготовит соответствующий план. Но даже выполнение этого условия превышало финансовые возможности города⁵⁹.

Оптимизм Рудинского совершенно не разделял Д. Кезевич, санитарный врач в Барановичах, который в 1931 г. на съезде представителей городов Виленского и Новогрудского воеводств выступил с содержательным докладом на тему их санитарных проблем. Этот доклад был высоко оценен редакцией журнала «Городское самоуправление», центрального органа Союза польских городов, и опубликован в нем. «Более половины городских улиц не вымощены. Озеленение слабое. Исследования колодцев показывают значительное загрязнение; очень высокая смертность детей до года; туберкулез ежегодно собирает богатый урожай», – свидетельствовал Кезевич. Немощеные улицы часто представляли собой болота, делавшие невозможным проезд, куда жители

---

⁵⁸ *Rudziński H. Zdrowotność publiczna na Wileńszczyźnie // Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. 1932. № 4–5. S. 228, 269, 277.*

⁵⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 284. Л. 22. Отчет виленского воеводы об общем состоянии воеводства, деятельности органов самоуправления и государственной администрации за 1931–1932 финансовый год.

сливали отходы и выкидывали мусор. Высаженные в городах деревья обычно уничтожались детьми, не осознававшими их значение. Многочисленные предписания городских властей и санитарные инспекции частных владений и предприятий позволяли улучшить положение дел только в определенной степени. По мнению Кезевича, упорядочению городов препятствовали два фактора: «первое – психология населения, его воспитание и привычки, второе – тяжелое материальное положение жителей. Население под давлением администрации и санитарного контроля устанавливает требуемые санитарные сооружения (туалеты и урны. – *А. Д.*), но достаточно часто не пользуется ими, а иногда даже предохраняет от загрязнения... Жители избегают расходов на ассенизацию и любыми способами делают скрытые выгребные ямы, подкопы, разные другие запрещенные санитарным надзором приспособления и операции, вплоть до стоков во владения своего податливого соседа». Кезевич справедливо считал, что в этой ситуации эффект могло принести только гигиеническое просвещение посредством школы: «Это долгий, но надежный путь»⁶⁰.

Действительно, улучшения, достигнутые под давлением государственных властей, часто были недолговечными. Выполнение обязанностей в сфере санитарии и благоустройства было обременительным для горожан, которые, во многих случаях живя в крайней бедности и не придавая большого значения вопросам гигиены, готовы были следовать соответствующим предписаниям только под принуждением. Но любое ослабление контроля быстро вело к утрате достижений. Так произошло в 1930 г. после начала экономического кризиса, резко ограничившего и без того небольшие возможности местных сообществ по улучшению собственных условий жизни. Согласно письму Крахельского, направленному старостам в августе 1930 г., проведенные

---

⁶⁰ *Kieziwicz D. Zagadnienie sanitarne miast wschodnich // Samorząd miejski. 1931. № 16–17. S. 904, 906–907, 909.*

инспекции показали, что «во многих случаях интенсивность акции по благоустройству в сравнении с предыдущими годами значительно ослабла. Частные дворы как в городах, так и местечках и деревнях содержатся грязно, улицы не подметаются или подметаются очень редко и неаккуратно, в мясных лавках, продовольственных магазинах и ресторанах – грязь и неряшество... ремонт домов и упорядочение владений с прошлого года практически не ведется». Судя по всему, пример с брестским старостой Ф. Бараном впечатлил воеводу, поручая лично контролировать санитарные дела, Крахельский утверждал: «В тех поветах, где староста проявляет личную заинтересованность в деле упорядочения населенных пунктов, результат всегда успешный»⁶¹.

В 1930-е гг. финансовые трудности толкали городские власти при проведении благоустроительных работ все более активно использовать шарварк, в рамках которого каждый трудоспособный житель ежегодно должен был безвозмездно отработать определенное количество дней на коммунальных работах. По своему желанию жители могли заменить натуральную отработку выплатой установленных денежных сумм. На фоне критического состояния финансов самоуправления шарварок для большинства мелких городов стал основным средством, позволявшим муниципальным властям при минимальных расходах со стороны городских бюджетов силами самих жителей вести какие бы то ни было работы. С другой стороны, он означал дополнительное бремя для горожан, возложение на них все больших обязанностей по благоустройству было одним из свидетельств низкой эффективности работы муниципальных органов. В крупных городах региона в середине – второй половине 1930-х гг. проблемы в сфере благоустройства в значительной степени решались с помощью общественных работ для безработных, организованных за счет кредитов и государственных дотаций, поступавших через Фонд труда.

---

⁶¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 55. Л. 5. Письмо полесского воеводы поветовым старостам. 13 августа 1930 г.

Основное внимание уделялось мощению улиц. Так, за межвоенные годы в городах Пружанского повета было вымощено 12,5 км дорог, стоимость этих работ равнялась почти 270 тыс. злотых. 21,5 тыс. злотых из данной суммы составили дотации из Фонда труда, остальное пришлось на собственные средства самоуправления. Другие работы по благоустройству включали строительство городского рынка в Березе за 2 тыс. злотых, в Пружанах на обустройство рынка, общественных туалетов и 28 трубчатых колодцев, обеспечивших город достаточным количеством чистой воды, муниципальные власти израсходовали примерно 22 тыс. злотых⁶².

Как явствует из отчета коммунальных властей Бреста за 20-летний период своей деятельности, к 1939 г. ими было вымощено 24 км дорог, или 29% от их общей длины. Для сравнения, 30 км дорог были вымощены до Первой мировой войны, примерно столько же оставались немощеными. За межвоенный период бетонной плиткой было выложено 42 тыс. кв. м. тротуаров. Для контроля за качеством продуктов питания в 1932 г. городские власти открыли пищевую лабораторию с бактериологическим отделом, услугами которой пользовались все города Полесского воеводства. Кроме того, к концу 1930-х гг. во всех владениях города были установлены туалеты и урны⁶³. Продолжалась работа по озеленению. Например, в 1936 г. управление Бреста провело конкурс среди жителей на лучшее украшение цветочными растениями окон, балконов и садов, победители которого получили денежные вознаграждения. Тогда же было принято решение объявить благодарность городскому садовнику за содержание на высоком художественном уровне двух городских парков,

---

⁶² Там же. Оп. 1. Д. 1040. Л. 16, 23. Отчет о деятельности государственной администрации и органов самоуправления Пружанского повета за 1919–1938 гг.

⁶³ Там же. Д. 1022. Л. 32, 33, 39.

обустроенных в 1920-е гг.⁶⁴ За межвоенные годы в городе было высажено более 15 тыс. деревьев⁶⁵.

Как и прежде, результативность усилий городских органов зависела, прежде всего, от возглавлявших их людей, способности последних эффективно организовать натуральные отработки жителей и использовать скудные городские средства. Там, где назначенные в 1930-е гг. воеводами и старостами бургомистры оказывались умелыми руководителями, удавалось заметно улучшить состояние дел. Одним из примеров служит деятельность уже упоминавшегося бургомистра Высоко-Литовска Лапчинского.

Однако в большинстве западнобелорусских городов власти не смогли добиться значительных результатов в поднятии уровня благоустроенности и санитарии, свидетельства 1930-х гг. в целом рисуют неблагоприятную картину. К примеру, в Пинске к концу 1930-х гг. было вымощено 37% городских улиц, насчитывался 41 общественный артезианский колодец, из них 24 были построены в межвоенное 20-летие⁶⁶. В Лиде в конце 1930-х гг. были вымощены 36% дорог, из почти 1000 колодцев трубчатыми были 17⁶⁷. В Столине в середине 1930-х гг. была лишь одна вымощенная улица, в Давид-Городке – ни одной⁶⁸.

Судя по отчету брестского староства за 1935 г., в Бресте примитивные и переполненные нечистотами и мусором туалеты и урны в частных владениях часто не соответствовали своему назначению. Служба ассенизации была отдана частным предпринимателям, которые отказывались вывозить нечистоты на отведенные для этого отдаленные поля и, несмотря на штрафы, выливали их в пределах города на

---

⁶⁴ Samorząd miejski. 1936. № 16–17. S. 1101.

⁶⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1022. Л. 33.

⁶⁶ Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126. Л. 6, 9.

⁶⁷ *Лаўрэш Л.* Прамысловасць горада Ліды... С. 187.

⁶⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 151. Л. 31. Отчет о санитарном состоянии Столинского повета. Март 1935 г.

территории бесхозных владений и городского парка. К середине 1930-х гг. в Бресте не было общественной бани, действовала лишь одна небольшая еврейская миква и большинство жителей воеводского центра были лишены возможности поддерживать личную гигиену⁶⁹. Разведение жителями лошадей и крупного рогатого скота в своих владениях даже в центральной части города делало затруднительным поддержание чистоты на улицах⁷⁰. По свидетельству брестского поветового врача О. Ансельма, предпринятые в 1929 г. усилия по улучшению санитарного состояния Бреста были продолжены городскими властями, но из-за ненадлежащего исполнения и нехватки санитарного персонала им вновь не удалось добиться значимых результатов. В 1932 г. государственной администрации в очередной раз пришлось взять под свой контроль вопросы санитарии в городе, определив из числа служащих староства и магистрата «санитарных опекунов», призванных совместно с представителями полиции совершать инспекции частных владений, заставляя горожан выполнять соответствующие предписания⁷¹. В 1935 г. заместитель брестского старосты Ф. Усаевич предлагал перепоручить назад городским властям в Бресте законодательно закрепленные за ними обязанности по контролю над санитарным состоянием города⁷².

Отмеченные выше значительные успехи в благоустройстве Пружан и Березы, о которых рапортовали местные власти, были очевидны далеко не всем. Инспекции, проведенные в 1933 г. пружанским старостой Лисовским в Березе и воеводским инспектором коммунальных органов Хмелевским в Пружанах, выявили запущенное состояние улиц, «большую грязь и

---

⁶⁹ Там же. Д. 60. Л. 2, 4. Отчет брестского поветового старосты об акции по улучшению санитарного состояния г. Бреста в 1935 г. 16 января 1936 г.

⁷⁰ Там же. Оп. 4. Д. 1205. Л. 10. Материалы инспекции санитарного состояния г. Бреста, проведенной ПВУ 15–17 декабря 1932 г.

⁷¹ Там же. Оп. 5. Д. 151. Л. 2–3. Отчет брестского поветового врача О. Ансельма о санитарном состоянии повета. 1935 г.

⁷² Там же. Д. 60. Л. 2.

непорядок»⁷³. В прилагавшемся к протоколу инспекции сообщении анонимного информатора указывалось, что жители Пружан, в первую очередь христиане, возмущены несправедливым распределением шарварка, который «...указывают отработывать на улицах, прилегающих к рынку, где живут евреи, тогда как улицы, где живут христиане, залиты водой, экскрементами и грязью. Например, ул. Домбровского ... перейти абсолютно невозможно и дети из-за большой грязи не ходят в школу, но, несмотря на частое упоминание об этом местному бургомистру, уже третий год проходит, а люди как тонули, так и дальше тонут, и как гнили коты, псы и другая падаль в канавах, так и дальше гниют, но... бургомистр пренебрегает здоровьем местного населения, что можно сделать хозяйственным способом без каких-либо расходов...»⁷⁴. В это же время один из жителей Березы направил обращение в адрес МВД, в котором жаловался на засилье евреев в городских органах. В соответствии с этим свидетельством, заместитель бургомистра Н. Закхайм, «местный царь и бог», при всякой возможности притеснял христиан, в частности, замощенные улицы располагались преимущественно в еврейской части города, а «на остальных улицах можно было топить собак». Недовольство действиями органов самоуправления вылилось в просьбу заменить их комиссаром, который «держал бы всю власть в своих руках, и тогда был бы порядок в нашем городе»⁷⁵. Хотя анонимным свидетельствам безоговорочно верить нельзя, но они отражали, по крайней мере, настроение части городских жителей.

По мнению Ц. Галасевича, за период польской власти в городах Новогрудского воеводства в направлении улучшения санитарии и

---

⁷³ Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 43. Отчет об инспекции магистрата г. Береза, проведенной пружанским старостой Лисовским 2 августа 1933 г.; Там же. Л. 93–94. Отчет об инспекции органов самоуправления Пружанского повета, проведенной воеводским инспектором Я. Хмелевским 25–26 сентября 1933 г.

⁷⁴ Там же. Л. 110.

⁷⁵ Там же. Л. 196–197.

благоустройства было сделано многое, но еще больше оставалось сделать. По-прежнему было недостаточным снабжение чистой водой, остро чувствовалась нехватка бань и купален, «грязь и нечистоплотность безраздельно господствуют в большом количестве наших городов и местечек». Более важным по сравнению с капиталовложениями в развитие городов со стороны государства и самоуправления Галасевич считал просвещение жителей, призванное вырвать их «из пассивности и апатии, побудить частную инициативу и возбудить желание жить в культурных условиях»⁷⁶.

На самом деле, за антисанитарным состоянием западнобелорусских городов по-прежнему стояло неосознание местными жителями необходимости следовать санитарно-эпидемиологическим требованиям. Например, в 1937 г. в годовом отчете брестского поветового староства объяснялось, почему строительство на Полесье бетонных колодцев взамен деревянных не вело к улучшению качества воды. Дело в том, что в силу своих привычек и предубеждений местные жители не верили доводам о том, что очищенная более глубокими слоями земли вода попадет в колодец через его дно, и поэтому оставляли отступы между бетонными кольцами, что не предохраняло от загрязнения и делало подобное строительство бесполезным⁷⁷. Запланированные в 1930 г. в Пружанах две публичные лекции отдельно для христианского и еврейского населения на тему санитарного просвещения не состоялись, поскольку среди горожан не нашлось желающих их послушать⁷⁸.

---

⁷⁶ *Galasiewicz C. Ziemia nowogródzka...* S. 38, 48–49; *Galasiewicz C. Potrzeby inwestycyjne miast i miasteczek ziemi Nowogródzkiej // Samorząd miejski. 1936. № 16–17. S. 1027–1028.*

⁷⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 22. Л. 2. Отчет отдела здравоохранения Брестского поветового староства за 1937 г.

⁷⁸ Там же. Д. 43. Л. 73. Письмо пружанского поветового врача Ф. Имёлка полесскому воеводе. Май 1931 г.

3.2.2. Активность в сфере здравоохранения

К началу 1920-х гг. на западнобелорусских землях сложилась критическая ситуация в здравоохранении. Военные разрушения, бедственные жилищные условия, голод, антисанитария и пренебрежение правилами гигиены были фоном, на котором эпидемии тифа, оспы, холеры, испанского гриппа и др. приобрели огромный размах. По данным полесского воеводы В. Романа, регистрируемая заболеваемость тифом в воеводстве в период польско-советской войны составляла 500 случаев в неделю, смертность достигала 16%⁷⁹. Падение нравов в военные годы способствовало широкому распространению венерических заболеваний. Эпидемии подпитывались репатриацией эвакуированных в 1915 г. на восток жителей, среди которых процент заболеваемости был очень высок. По свидетельству В. Студницкого, возглавлявшего статистический отдел ГУВЗ, до 9% всех репатриантов были заражены сыпным тифом.

Система здравоохранения за военные годы практически перестала функционировать. «Весь край в санитарном отношении представлял собой весьма печальную картину... (остававшиеся к 1919 г. – А. Д.) больницы, дезинсекционные камеры и бани... за небольшим исключением были полностью уничтожены местными жителями. Только в некоторых поветовых городах были больницы, едва существовавшие из-за отсутствия средств, медикаментов и персонала. Ни о какой борьбе с повсеместными заболеваниями, приобретающими все больший размах, не могло быть и речи. Дезорганизованное население не способно практически ни на какую совместную общественную работу, тем более на осуществление какой-

---

⁷⁹ Województwo Poleskie w świetle materiałów Urzędu Wojewódzkiego // Wschód Polski. 1921. № 10–12. S. 637.

либо санитарной самозащиты»⁸⁰, – свидетельствовал санитарный инспектор Виленского округа ГУВЗ в отчете о своей деятельности с мая 1919 по июль 1920 г.

Борьбу с эпидемиями взяла на себя государственная администрация. Было организовано управление Чрезвычайного комиссара по борьбе с эпидемиями, получившее полномочия, равные военному министерству и приоритетные в отношении остальных министерств, в соответствии с приказом генерального комиссара восточных земель обязательной санитарной службе подлежали все лица в возрасте до 50 лет с врачебным и фельдшерским образованием⁸¹. Восстановление работы системы здравоохранения опиралось на учреждения земской и городской медицины, существовавшей здесь до войны и высоко оцениваемой польскими врачами. Чрезвычайному комиссариату удалось быстро возобновить работу прежних медицинских учреждений, а также за государственный счет открыть ряд новых больниц. На местах больным оказывалась лечебная помощь стационарно и на дому, проводились дезинфекции и вакцинации и др.

В период польско-советской войны вклад городского самоуправления в борьбу с эпидемиями не был значительным. В большинстве западнобелорусских городов он ограничивался субсидиями государственным или частным больницам. Собственные учреждения здравоохранения содержали только крупные города региона. Например, на балансе властей Гродно находились общая и психиатрическая больницы⁸². Пинский магистрат в 1919 г. возобновил работу 2 больниц, амбулатории и городской аптеки, а также нанял врача-эпидемиолога. Но финансовые проблемы, связанные с масштабным пожаром в Пинске в 1921 г., вынудили городские власти отказаться от содержания больниц, передав их

---

⁸⁰ BPW. Dział Starych Druków i Rękopisów. ZCZW. Nr акс. 1773/2/V. К. 2.

⁸¹ Чернякевич А. Политика Польши... С. 59.

⁸² Kołeckі S. Działaność Samorządu Miejskiego w Grodnie... S. 17.

в управление еврейской общины. В 1922 г. самоуправлением Бреста была открыта амбулатория, в 1925 г. – «центр опеки над матерью и ребенком», объединявший функции женской и детской консультаций. В 1923 г. Главный чрезвычайный комиссариат по борьбе с эпидемиями открыл в городе больницу, которая в 1925 г. была передана на баланс Брестского магистрата⁸³.

Спустя некоторое время чрезвычайный характер эпидемий в большинстве местностей удалось преодолеть. Но ситуация в сфере здравоохранения продолжала оставаться крайне неблагоприятной. По поручению организационного комитета съезда городских врачей и санитарных работников, состоявшегося в Варшаве в начале 1922 г., Т. Маковский, бывший начальник отдела общественного здоровья комиссариата Волынских земель и Подольского фронта⁸⁴, подготовил доклад на тему борьбы с заразными заболеваниями в восточных воеводствах. Справедливо считая ее главным условием профилактические меры, прежде всего, улучшение санитарных условий, Маковский говорил о необходимости послевоенного восстановления и экономического развития восточных воеводств, «где господствует нищета, грязь и невежество». Следующим условием сокращения заболеваемости должна была стать эффективная работа самоуправления. В этом Маковского убедил опыт земского самоуправления, которое смогло, по его мнению, организовать достаточно густую сеть медицинских учреждений, обеспечивших всех жителей доступной врачебной помощью и пользовавшихся их доверием. «Сейчас не только деревни, но и города лишены самоуправления, и нет надежды на их быструю организацию – препятствует этому т.н. кресовая

---

⁸³ ГАБО. Ф. 1. О. 1. Д. 1022. Л. 41; Там же. Ф. 2005. О. 1. Д. 126. Л. 8.

⁸⁴ Существовавшая в 1920 г. структура польской гражданской администрации, охватывавшая выведенную из состава ГУВЗ Волынь.

политика. Не можем здесь не заметить, что эта политика с врачебной точки зрения будет дорого нам стоить»⁸⁵, – утверждал автор.

Но бедственное экономическое положение и связанные с ним антисанитарные условия жизни большинства населения оставались чертой западнобелорусского региона на протяжении всего межвоенного периода, создавая благоприятный фон для распространения заболеваний. Надежды, возлагавшиеся Маковским на органы самоуправления, также оказались неоправданными. В 1923 г. было организовано поветовое самоуправление, в 1927–1928 гг. состоялись относительно демократичные выборы в городское самоуправление. Но муниципальные органы, работа которых не отличалась высокой эффективностью и постоянно отягощалась финансовыми трудностями, были неспособны внести решительный вклад в улучшение медицинской помощи населению.

Окружной санитарный начальник полковник Вацлав Шредер в июле 1926 г. сообщал командующему военного округа корпуса № 3⁸⁶ о катастрофическом состоянии здоровья призывников на подотчетной территории (призыву на военную службу подлежали мужчины в возрасте от 21 года). Работа призывных комиссий показала, что по причине нищеты, критических жилищных и антисанитарных условий здоровье жителей «...настолько плачевно, что вызывает опасения насчет вымирания или вырождения этого населения. Считаю, что если предоставить это население самому себе в настоящих условиях, это скоро приведет к полному отсутствию соответствующего элемента для военной службы», – бил тревогу Шредер. В частности, по его свидетельству, во многих гминах

---

⁸⁵ *Makowski T. Walka z chorobami zakaźnymi na kresach wschodnich // Samorząd miejski. 1922. Luty. S. 128–129.*

⁸⁶ Округ охватывал Виленское воеводство, северную часть Новогрудского и центральную и восточную часть Белостокского воеводств.

наиболее разоренных войной поветов, таких как Молодечненский и Браславский, 75% призывников болели туберкулезом⁸⁷.

Такая информация обеспокоила польские власти, и вскоре поветовые врачи в восточных воеводствах получили указание подготовить отчеты о состоянии здоровья призывников. Удалось найти подобные отчеты из 6 поветов Полесского воеводства, датированные апрелем и маем 1927 г. Оптимистично были настроены поветовые врачи в Пинске и Кобрине, отмечая, что здоровье призывников в большинстве случаев позволяло им нести военную службу. Состояние же здоровья призывников в Брестском, Пружанском и Дрогиченском поветах оценивалось врачами как критическое. Наиболее тревожная информация шла из Лунинецкого повета, где, по мнению поветового врача, жители в целом, и особенно сельские, были низкого роста, физически слабо развиты, часто болели анемией, малярией и др. болезнями. До 50% населения повета страдало болезнями легких и суставов. Неблагоприятные климатические условия в заболоченной местности и примитивные условия жизни вели к тому, что сельские жители «проявляли все черты физического и интеллектуального вырождения». По свидетельствам поветовых врачей, в большинстве случаев призывники-горожане по состоянию здоровья значительно уступали сельским. Особенно слабым было здоровье еврейских призывников, что, по мнению врачей, объяснялось крайней бедностью, теснотой и антисанитарией, в которых жило большинство евреев в городах, а также эмиграцией наиболее физически развитых из них⁸⁸.

---

⁸⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1197. Л. 21–22. Письмо окружного санитарного начальника В. Шредера командующему военного округа корпуса № 3. Гродно. 20 июля 1926 г.

⁸⁸ Там же. Л. 7, 9–12, 14–15, 18–19.

В конце 1926 г. на воеводском съезде старост Крахельский оценивал санитарно-эпидемиологическое состояние населенных пунктов Полесского воеводства как фатальное⁸⁹.

На протяжении 1920-х гг. государство возложило основную часть обязанностей в здравоохранении на территориальное самоуправление, постоянно сокращая свое участие в финансировании этой сферы. Основная часть больниц, находившихся в ведении Главного чрезвычайного комиссариата по борьбе с эпидемиями, к середине 1920-х гг. была передана коммунальным органам, часть была ликвидирована. Если в начале 1920-х гг. под управлением комиссариата на территории 4 восточных воеводств находилась 131 больница (нет данных относительно количества больниц самоуправления в это время), то в 1922 г. здесь насчитывалось 69 государственных и 16 муниципальных больниц. В 1929 г. в восточных воеводствах государство содержало 10 больниц на 900 больничных коек, муниципальные органы – 69 на 2700 коек, также было 19 больниц на балансе общественных организаций и 8 частных, вместе насчитывавших 830 коек⁹⁰.

Органы самоуправления должны были организовывать и содержать медицинские учреждения: больницы, поликлиники, амбулатории и др., и оплачивать их персонал. На них лежала обременительная в финансовом плане обязанность возмещения стоимости лечения за неимущих больных, неспособных нести соответствующие расходы, они оплачивали лечение психически больных, а также зараженных венерическими заболеваниями проституток. До 1932 г. дополнительным бременем была необходимость покрывать часть расходов на лечение членов больничных касс – страховых медицинских обществ, охватывавших наемных рабочих и служащих.

---

⁸⁹ Там же. Л. 61.

⁹⁰ *Przywieczerski W., Rakiewicz F., Siorski R. Zarys historyczny i stan obecny szpitalnictwa polskiego // Samorząd miejski. 1929. Styczeń. S. 47.*

В системе коммунальных органов основная роль в сфере здравоохранения принадлежала поветовому самоуправлению. На его балансе состояла большая часть медицинских организаций и врачебного персонала, услугами которых пользовались как городские, так и сельские жители. В большинстве мелких городов активность муниципальных органов в сфере здравоохранения сводилась к покрытию стоимости лечения больных, а также выплате дотаций больницам на балансе поветового самоуправления, государства и др. Муниципальные власти лишь немногих городов могли позволить себе расходы на содержание городских больниц, поликлиник и врачей. Например, в Полесском воеводстве в 1930 г. насчитывалось 23 больницы, в том числе одна городская в Бресте, 10 на балансе поветового самоуправления, 4 – еврейских общин, одна государственная и др.⁹¹ В Новогрудском воеводстве на протяжении 1920-х гг. городские больницы организовали только магистраты Барановичей и Слонима, также в этих городах были городские амбулатории. Власти Барановичей, кроме того, содержали стоматологическую поликлинику, аптеку, лекарства в которой отпускались с 50-процентной скидкой, и совместно с поветовым сеймиком – инфекционную больницу⁹². За исключением Вильно, городских больниц не было ни в одном городе Виленского воеводства⁹³. Больницу содержал Гродненский магистрат.

Начиная с 1926 г. в соответствии с указаниями центральных властей муниципальные органы в здравоохранении делали акцент на развитии амбулаторного лечения. В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. во всех поветовых городах были открыты «центры здоровья», в обязанности которых наряду с основной функцией оказания амбулаторной помощи

---

⁹¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1217. Л. 44. Список больниц и поликлиник в Полесском воеводстве. 1930 г.

⁹² ГАГО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

⁹³ *Kieźiewicz D. Zagadnienie sanitarne... S. 908.*

входили врачебная помощь на дому, надзор над санитарным состоянием школ, частных домов, городских улиц, пропаганда норм гигиены. В большинстве случаев центры здоровья также находились на балансе поветовых сеймиков. Самостоятельно содержать их могли лишь крупные города региона – Барановичи, Брест, Гродно, Кобрин, Пинск и др.

Для примера, в Пинске вплоть до 1930 г. деятельность самоуправления города в здравоохранении ограничивалась возмещением стоимости лечения больных. При этом данные расходы были крайне обременительны для города: в 1930/1931 бюджетном году на них ушло 110 тыс. злотых, для сравнения, доходы бюджета за предыдущий год составили примерно 970 тыс. злотых. Значительная часть этих сумм шла на лечение венерических заболеваний у проституток, что давало повод пинскому городскому врачу Михаловскому назвать их «бедствием города»⁹⁴. В 1930 г. муниципальные власти открыли центр здоровья, который насчитывал 6 отделений: общее, домашней опеки, противотуберкулезное, офтальмологическое, кожно-венерологическое, а также женская и детская консультация. Персонал центра составляли 7 врачей и 3 медсестры⁹⁵.

В 1930-е гг. под влиянием экономического кризиса медицинское обслуживание, и без того малодоступное, ухудшилось. Органы самоуправления были вынуждены ликвидировать ряд коммунальных больниц и сократить количество больничных коек. Медицинские учреждения оказались практически лишены стабильных источников финансирования – значительная стоимость лечения была недоступна для большинства населения, а муниципальные органы были не в состоянии выполнять свою обязанность покрывать в таких случаях расходы. Городские власти часто уклонялись от оплаты лечения жителей, постоянно

---

⁹⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 22, 23.

⁹⁵ Там же. Оп. 5. Д. 38. Л. 457. Сообщение магистрата г. Пинска в отдел здравоохранения ПВУ. 30 октября 1930 г.

нарастала их задолженность перед больницами, возникшая еще в 1920-е гг. Это дезорганизовывало и понижало качество работы медицинских учреждений, испытывавших нехватку персонала, оборудования и препаратов. Несмотря на высокий уровень заболеваемости при крайне малой обеспеченности больничными койками, использование их пропускной возможности было низким, что наряду с отсутствием источников оплаты лечения объяснялось также недоверием жителей к медицине⁹⁶.

На практике это означало, что значительная часть больных была вынуждена обходиться без соответствующей врачебной помощи. Некоторые местности были полностью лишены медицинского обслуживания. Например, Пружанский повет был разделен на 3 врачебных района с центрами в Пружанах, Березе и Шерешево. При этом на территории двух последних районов, как следует из отчета пружанского поветового врача Имёлка, представленного в 1935 г., врачебного персонала и медицинских учреждений не было, их жители в экстренных случаях обращались за помощью в Пружаны, где действовали больница и центр здоровья⁹⁷.

В фондах Государственного архива Брестской области сохранился доклад неизвестного автора, подготовленный, предположительно, в 1932 г., в котором шла речь об остром кризисе, переживаемом стационарным лечением в Польше в целом и, особенно, в восточных воеводствах. Здесь указывалось: «Когда идет речь об этих проблемах, общественное мнение и даже государственные чиновники склонны обвинять самоуправление в отсутствии заинтересованности в этом деле и его недооценке в ряду других заданий. Другими словами, считается, что только самоуправление призвано решать трудности в этой сфере. Но при теперешнем финансовом

---

⁹⁶ Samorząd miejski. 1938. № 23. S. 1533; ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 22. Л. 4.

⁹⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 151. Л. 22. Отчет о санитарном состоянии Пружанского повета. 28 февраля 1935 г.

состоянии большинства самоуправлений они лишены возможности вкладывать значительные капиталы в больницы. К тому же у них огромные проблемы в других сферах... самоуправления действительно оказались в очень сложных условиях работы, особенно если учесть, что их финансы опираются на экономически слабом плательщике, который мало платит и много требует»⁹⁸. Автор точно обозначил одну из основных причин трудностей с медицинским обслуживанием, хотя нередко пренебрежение муниципальными органами своими обязанностями в сфере здравоохранения действительно имело место. Как свидетельствовал Имёлек, в 1926 г. на фоне эпидемии трахомы в Пружанах, где было зафиксировано 327 случаев болезни, в основном среди учащихся начальных школ и воспитанников детского дома, негативная позиция Пружанского магистрата в отношении открытия трахоматозного диспансера не позволила организовать своевременную и достаточную помощь больным⁹⁹. В выступлениях на съезде поветовых и коммунальных врачей Полесского воеводства, состоявшемся в Пинске в 1931 г., звучали упреки в адрес органов самоуправления, которые часто недооценивали связанные со здравоохранением вопросы¹⁰⁰.

Как было отмечено, основное внимание муниципальные органы уделяли развитию нестационарного лечения. К концу 1930-х гг. возросло число центров здоровья и специализированных амбулаторий и диспансеров, увеличилось количество врачей. Амбулаторное лечение предоставлялось за невысокую плату, в некоторых случаях было бесплатным. Определенное внимание органы самоуправления уделяли профилактике заболеваний: проводили вакцинацию жителей, организовывали спортивные мероприятия и др.

---

⁹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 1205. Л. 17.

⁹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 20. Отчет пружанского поветового старосты Ф. Имёлка о санитарном состоянии повета за 1926 г.

¹⁰⁰ Там же. Д. 90. Л. 101. Протокол съезда поветовых и муниципальных врачей Полесского воеводства в Пинске, состоявшегося 23–24 октября 1931 г.

Но по причине недостаточной доступности медицинской помощи и антисанитарных условий жизни уровень заболеваемости постоянно оставался высоким, периодически повторялись эпидемии различных инфекционных заболеваний. Уже упоминавшийся виленский врач Рудинский отмечал, что состояние здоровья населения на Виленщине «крайне неудовлетворительное; жители в целом физически слабо развиты и легко восприимчивы к всякого рода инфекционным и социальным заболеваниям: здесь господствует постоянная эпидемия сыпного тифа, с точки зрения распространения трахомы Виленщина лидирует во всей Европе, туберкулез также чрезвычайно распространен»¹⁰¹. Для примера, за 1934–1935 финансовый год в Новогрудском воеводстве было зафиксировано более 4,5 тыс. заболеваний, в том числе более 700 случаев брюшного тифа, 765 случаев кори, 685 трахомы, 560 сыпного тифа, 550 дифтерита, 500 туберкулеза и др. 150 болезней закончились смертельным исходом¹⁰². В Гродно за 1927 г. насчитывалось 765 случаев зарегистрированных инфекционных заболеваний: 490 случаев кори, 95 скарлатины, 57 дифтерита, 31 брюшного тифа, 28 бешенства и др.¹⁰³ Но официальные данные не отражали реальную ситуацию. Многие случаи заболеваний оставались неучтенными, т.к. жители часто утаивали их с целью избежать расходов на лечение. Кроме того, малодоступная врачебная помощь не всегда пользовалась доверием жителей, широко распространенная среди них вера в знахарство также вела к отказу от услуг официальной медицины.

В катастрофическом состоянии в восточных воеводствах оказалось и лечение душевнобольных. По данным, представленным сотрудником Виленского университета М. Мажинским, посвятившим обширную статью этой теме, в 1935 г. в Виленском воеводстве было почти 1300

---

¹⁰¹ *Rudziński H. Zdrowotność publiczna... S. 229.*

¹⁰² *Sprawozdanie wojewody nowogrodzkiego za 1934/1935 rok... S. 37.*

¹⁰³ *Kronika m. Grodna. Z. 2. S. 30.*

зарегистрированных душевнобольных. Хотя примерно половина из них нуждалась в стационарном лечении, пользовался им лишь 141 человек. При этом официальные цифры были занижены, поскольку родственники во многих случаях укрывали душевнобольных – для того чтобы уклониться от расходов на их принудительное лечение. Несколько психиатрических лечебниц в Вильно, насчитывавших 280 коек, обслуживали территорию Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств, где проживало 3 267 тыс. человек. Одна койка приходилась на 11,7 тыс. человек – такая ситуация, по свидетельству Мажинского, нигде более не встречалась в Европе. Немногие жители могли позволить себе лечение душевнобольных родственников, месячная стоимость которого равнялась 105 злотым¹⁰⁴, тогда как промышленные рабочие в восточных воеводствах зарабатывали до 120 злотых в месяц, сельскохозяйственные рабочие – 40–50 злотых. Обязанность муниципальных органов оплачивать лечение душевнобольных из несостоятельных семей не соответствовала их финансовым возможностям, в большинстве случаев они отказывали в помощи. В итоге финансовых источников для организации полноценного лечения психически больных не было, это вело к «оставлению их без присмотра, заковыванию в кандалы (членами семьи. – *А. Д.*) или, наконец, к несчастным случаям для больного или его окружения...»¹⁰⁵.

В целом на протяжении межвоенного периода в развитии здравоохранения на западнобелорусских землях не удалось достичь значимых успехов. С 1923 по 1939 г. количество врачей в Новогрудском воеводстве увеличилось со 100 до 205, в Полесском – с 67 до 219. При высоких темпах естественного прироста населения увеличение относительных показателей было меньшим: за тот же период количество

¹⁰⁴ Т.е. 3,5 злотых в день, для сравнения, дневная стоимость лечения в инфекционных больницах составляла от 2 до 6 злотых.

¹⁰⁵ *Marzyński M.* Opieka nad umysłowo chorymi w wojwództwach wschodnich // Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. 1936. № 6. S. 387, 393, 396, 398, 399.

врачей на 10 тыс. жителей возросло с 1,2 до 1,8 в Новогрудском воеводстве и с 0,8 до 1,7 в Полесском. Для сравнения, в 1913 г. в Гродненской губернии этот показатель составлял 1,1. Одновременно к концу 1930-х гг. по сравнению с довоенным временем уменьшилась доступность стационарного лечения. Если в 1930 г. на 10 тыс. человек в Новогрудском воеводстве приходилось 8 больничных коек, а в Полесском 12, то в 1938 г. – 5,4 и 6,8 соответственно¹⁰⁶. В 1913 г. в Гродненской губернии на 10 тыс. жителей приходилось 6,9 коек¹⁰⁷. Уровень развития здравоохранения на западнобелорусских землях значительно уступал среднему по Польше. Например, в 1938 г. на 10 тыс. человек в стране приходилось 3,7 врача и 21,7 больничных коек (см. приложение 4). При этом Польша по данным показателям занимала одно из последних мест в Европе.

3.2.3. Социальное обеспечение

В соответствии с польским законодательством органы местного самоуправления, на которые была возложена основная часть обязанностей по социальному обеспечению, должны были оказывать помощь каждому, кто постоянно или временно не мог содержать себя за собственные средства: сиротам и беспризорным детям, пожилым, инвалидам,

---

¹⁰⁶ Относительно высокие значения этого показателя за 1921 г.: 16,6 коек для Новогрудского воеводства и 17,5 для Полесского (Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1920/1922. Część 2. Warszawa, 1923. S. 297), объясняются созданием временных больниц Чрезвычайным комиссариатом по борьбе с эпидемиями, которые впоследствии были ликвидированы.

¹⁰⁷ Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1923. Warszawa, 1924. S. 147; Ibid. 1930. S. 456; Mały Rocznik Statystyczny. 1939. S. 295, 296; Статистический ежегодник России. 1915 г. Петроград, 1916. Третий отдел. С. 1.

неизлечимо и психически больным, безработным, бродягам и бездомным и др. В их функции входило предоставление этим людям жилья, продуктов питания и предметов первой необходимости, оплата стоимости лечения. Поветовым самоуправлениям и выделенным городам вменялось в обязанность организовывать и содержать пансионатные учреждения. Муниципальные власти невыделенных городов должны были возмещать стоимость содержания своих жителей в сторонних благотворительных учреждениях. Местные органы власти были обязаны также оказывать финансовую помощь частным благотворительным организациям¹⁰⁸.

Передовое для своего времени социальное законодательство в Польше, гарантировавшее эффективную помощь каждому нуждающемуся, ставило перед муниципальными органами на западнобелорусских землях задачи, изначально превышавшие их возможности. Ужасы закончившихся войн еще долго напоминали о себе огромным количеством осиротевших детей и инвалидов боевых действий. Так, по данным переписи 1921 г. на территории Новогрудского и Полесского воеводств и Виленского административного округа насчитывалось примерно 167 тыс. сирот, из них почти 13 тыс. круглых сирот¹⁰⁹. В срочной помощи нуждались сотни тысяч репатриантов, возвращавшихся из эвакуации с востока, в большинстве случаев лишившихся всякого имущества и находившихся в отчаянном положении. В целом на фоне военных разрушений и экономических трудностей на протяжении межвоенного двадцатилетия основная часть жителей региона была обречена на жизнь в нищете. Среди прочего это означало, что при значительном количестве нуждавшихся в социальной помощи имелось совсем немного жителей, налоги с которых могли бы стать существенным источником поступлений в муниципальные фонды. «Несмотря на такие социальные завоевания, бедный житель деревни или

---

¹⁰⁸ Ustawa z dn. 16 sierpnia 1923 r. o opiece społecznej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1923. Nr. 92. Poz. 726. S. 1062.

¹⁰⁹ Wiadomości statystyczne Głównego Urzędu Statystycznego. 1924. № 4. S. 6.

города, который не в состоянии заработать на жизнь, лишен этого (социального) попечительства как со стороны государства, так и самоуправления, и вынужден стародавним обычаем – если ему это позволяет здоровье – бродяжничать»¹¹⁰, – так характеризовалась ситуация на страницах «Самоуправления».

Значительная часть социальных расходов городских органов шла на содержание собственных пансионатных учреждений и оплату пребывания жителей в интернатах других муниципальных органов или общественных организаций. Также органы самоуправления оказывали нуждающимся постоянную и единовременную материальную и натуральную помощь, предоставляли освобождение от местных налогов и списание налоговой задолженности, организовывали бесплатные детские летние лагеря, выдачу питания и одежды для школьников из бедных семей и др.¹¹¹

В отдельных крупных городах на социальные цели направлялись достаточно значимые суммы. Например, в Пинске в 1928–1929 финансовом году социальные расходы составили 21% бюджета, в Кобрине – 19,5%, Бресте – 14% и т.д.¹¹² Но относительно большие расходы властей некоторых городов на социальное обеспечение еще не означали, что их

---

¹¹⁰ *Gliszczyński S.* Opieka społeczna w praktyce // *Samorząd.* 1930. № 40. S. 705.

¹¹¹ К примеру, в Полесском воеводстве в 1932–1933 г. на социальные цели органами самоуправления было израсходовано 722 тыс. злотых, в том числе 378 тыс. – выделенными городами, 262 тыс. – поветовым и сельским самоуправлением и 82 тыс. – невыделенными городами. Расходы министерства социального обеспечения на территории воеводства составили 226 тыс. злотых. Власти Бреста и Пинска примерно 40% своих социальных расходов направили на помощь безработным, 25% – на содержание благотворительных учреждений, 20% – оплату лечения горожан, 10% составили дотации благотворительным организациям и 6% – чрезвычайная помощь. Активность невыделенных городов в сфере социального обеспечения в основном сводилась к возмещению стоимости лечения жителей и их пребывания в приютах и пансионатах (*Samorząd.* 1934. №7. S. 109).

¹¹² ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 680. Л. 10, 33, 50–51. Ведомости сумм, израсходованных на социальное обеспечение в 1928–1929 г.

действия в этой сфере были эффективными. Воеводский инспектор коммунальных союзов Полесского воеводства А. Соколовский, проведенный в октябре 1930 г. люстрацию органов самоуправления Пинска, среди прочего ставил в заслугу новому президенту города С. Джордану, назначенному воеводой в конце 1929 г., «некоторое ограничение чрезмерной щедрости магистрата по отношению к определенной части жителей в сфере социальной помощи». Так, магистрат не скупился на субсидии благотворительным организациям и частным школам, материальную помощь и налоговые льготы для жителей. Например, за апрель–сентябрь 1930 г. им было принято 750 решений, освободивших горожан от уплаты налогов на сумму более 17 тыс. злотых, многие из этих решений не содержали обоснование помощи, во время выборов в городской совет в августе 1930 г. по предложению левых депутатов-евреев со значительной части жителей была списана налоговая задолженность. По мнению Соколовского, такие меры поддержки осуществлялись в популистских целях, распределялись по признаку партийной и национальной принадлежности и не имели целью заботу об интересах всех горожан. Одновременно жалкий вид воспитанников городского детского дома, на дневное содержание которых магистрат выделял средств в 1,5 раза меньше нормы, заставил инспектора предположить, что их плохо кормят, а приют для престарелых содержался очень грязно, его оснащение не отвечало элементарным требованиям. Также Соколовский отмечал, что значительные относительно имевшихся средств социальные расходы не позволяли магистрату должным образом заботиться о поддержании городского хозяйства¹¹³.

В 1930-е гг. на фоне значительного увеличения потребности в социальной помощи и резкого сокращения бюджетных расходов органы городского самоуправления на западнобелорусских землях, вынужденные

---

¹¹³ Там же. Д. 36. Л. 4–6, 24, 26.

во многих случаях оставлять без поддержки нуждавшихся в ней, практически перестали выполнять свои функции в социальном обеспечении. По свидетельству Ц. Галасевича, в середине 1930-х гг. на территории Новогрудского воеводства не было города или сельской гмины, способных исполнить свои обязательства в сфере социального обеспечения и здравоохранения¹¹⁴. «Все большие города в Польше, и, соответственно, Брест-над-Бугом, имеют теперь одну очень характерную общую черту – массы шатающихся по улицам безработных и детей. Безработный – это грустный, но естественный результат еще, к сожалению, продолжающегося экономического кризиса... худшим и еще более тревожным симптомом являются шеренги шатающихся в городах детей, грязных, ободранных, побирающихся... О детях безработных никто не заботится. Занятые поиском работы, родители оставляют своих детей на произвол судьбы... А ведь есть и такие случаи, к тому же многочисленные, когда родители сами отправляют детей побираться, чтобы не умерли с голода»¹¹⁵, – сообщалось в 1932 г. в статье в одной из брестских газет.

В 1937 г. Костек-Бернацкий обратился с секретным письмом к министру социального обеспечения, в котором обосновывал свою просьбу увеличить дотации на воеводство: «В городах, лишенных крупной промышленности, нищета и голод невероятные, и продолжают ухудшаться... Эти условия приводят к частым катастрофам, безвыходным положениям, нечеловеческим и даже незвериным. В таких крайних и в то же время частых случаях бедное самоуправление редко может выполнить свои обязанности по социальному обеспечению. Мое вмешательство необходимо. Под угрозой не только голодной смерти или тяжелых болезней, но и нарушения общественного порядка – я должен смягчать эту ситуацию. Это не только гуманитарная акция, но, прежде всего,

---

¹¹⁴ *Galasiewicz C. Ziemia nowogródzka...* S. 38–39.

¹¹⁵ *Mórdas-Żylinski J. Opieka społeczna a kryzys gospodarczy // Express Poleski. 1933. 19 lutego. № 50. S. 2.*

общественная и даже государственная. Каждый злотый из рук государства служит польской пропаганде. Терпеливые и добрые полесские жители очень высоко ценят эту помощь... Специфические условия Полесья, нигде больше не встречаемая сельская и городская нищета... нищета многодетных городских семей без крыши над головой и заработков, калек, заслуженных стариков и т.д. – не сравнить с нищетой самых отсталых крупных и мелких центров в государстве»¹¹⁶.

Органы самоуправления были вынуждены ликвидировать ряд пансионатных учреждений и сократить количество людей, находивших там опеку. Так, в 1937 г. в Полесском воеводстве в благотворительных организациях содержалось 832 человека (650 детей и 182 престарелых), их количество сократилось более чем в 2 раза по сравнению с 1929 г. Примерно 350 пансионеров находились в учреждениях на балансе муниципальных органов и 480 – благотворительных организаций¹¹⁷. В Новогрудском воеводстве в 1937 г. насчитывалось 934 воспитанника детских домов, почти 200 человек находились в домах престарелых, число людей на стационарном попечении в благотворительных организациях сократилось на 40% по сравнению с 1930 г.¹¹⁸

Местные власти использовали различные способы сократить свои социальные расходы. В 1930-е гг. стала популярной идея перехода на открытые формы общественного призрения, т.е. размещение сирот в патронатные и приемные семьи, получавшие за это материальные выплаты от муниципальных органов. Но открытому призрению не удалось придать значительный масштаб. Например, в 1937 г. оно охватывало 540 детей в Новогрудском воеводстве и 220 в Полесском и, тем самым, было

---

¹¹⁶ Цит. по: *Tomaszewski J. Z dziejów Polesia...* S. 95–96.

¹¹⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 213. Л. 31.

¹¹⁸ Там же. Д. 208. Л. 12. Годовой отчет новогрудского воеводы. 13 марта 1930 г.; ГАГО. Ф. 551. Оп. 1. Д. 342. Л. 15. Отчет новогрудского воеводы о работе и общем состоянии Новогрудского воеводства за 1936 г.

неспособно компенсировать сокращение мест в детских домах¹¹⁹. Новогрудский воевода С. Свидерский в отчетах за 1933–1934 и 1934–1935 гг. отмечал, что развитие открытых форм призрения сдерживалось невыплатой органами самоуправления сумм, причитавшихся приемным семьям, из-за чего они часто отказывались от соответствующих обязанностей¹²⁰. С целью экономии средств поветовые самоуправления и власти выделенных городов в конце 1920-х – начале 1930-х гг. образовали воеводские межмуниципальные союзы социального обеспечения, в ведение которых перешла основная часть благотворительных учреждений, состоявших на балансе местных бюджетов.

При этом если в начале 1930-х гг. социальные расходы муниципальных органов на западнобелорусских землях сокращались под влиянием финансовых проблем, то их дальнейшее урезание происходило по причине вмешательства государственной администрации. Так, полесский воевода в годовом отчете сообщал, что значительное падение социальных расходов органов самоуправления в 1933–1934 гг. было связано с сокращением под давлением воеводских властей бюджета межмуниципального союза социального обеспечения¹²¹. В 1938 г. в газете «Самоуправление» была опубликована статья редактора издания Ф. Бранного под заголовком «Кризис муниципального социального обеспечения». По его словам, вопросы социального обеспечения не пользуются в муниципальных органах большой популярностью и оказываются на их повестке дня только в тех случаях, когда этого никаким способом не удалось избежать. «Этот паралич, который господствует у нас в сфере муниципального социального обеспечения, происходит уже в течение ряда лет. Мы обязаны им, прежде всего, угасанию мысли

---

¹¹⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1017. Л. 42; ГАГО. Ф. 551. Оп. 1. Д. 342. Л. 15.

¹²⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 240. Л. 24; *Sprawozdanie wojewody nowogródzkiego za 1934/1935 rok...* S. 41.

¹²¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 100–101. Годовой отчет полесского воеводы за 1933–1934 финансовый год.

самоуправления, угасанию идеи самоуправления. Местное сообщество, представленное в муниципальных органах, постоянно отстраняют от участия в решении самых жизненных его интересов, часто ставя его перед свершившимися фактами... Раньше, наряду с рассудком, в вопросах социального обеспечения руководствовались сердцем и чувством, сегодня все эти достоинства заменил бюрократический шаблон»¹²², – утверждал Бранный.

Действительно, подходы к социальному обеспечению, преобладавшие среди представителей государственной администрации в 1930-е гг., не сулили сиротам, одиноким старикам и др. оставшимся без средств к существованию людям ничего хорошего. Например, на заседании совета Полесского межмуниципального союза социального обеспечения в 1938 г. брестский и лунинецкий старосты Хмелевский и Веесе предлагали сократить количество детей в детских домах воеводства до числа, позволившего бы разместить их в одном интернате¹²³. В 1934 г. на съезде хозяйственных и общественных деятелей городов Полесского воеводства, проведенном под патронатом ББСП, В. Сохацкий представил доклад, посвященный экономической политике городов. По его свидетельству, во всех городах Полесского воеводства чрезвычайно остро стояла проблема неудовлетворенных элементарных жизненных потребностей, требующих социальной помощи. Отмечая, что в благотворительных учреждениях находил приют лишь очень незначительный процент нуждавшихся в этом, Сохацкий отстаивал необходимость практически полной ликвидации этой формы призрения: «общественная опека в закрытых учреждениях должна рассматриваться как совершенно исключительная вещь». По логике его рассуждений,

---

¹²² Samorząd. 1938. № 42. S. 665–666.

¹²³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1243. Л. 2, 3. Протокол заседания совета Полесского межмуниципального союза социального обеспечения. 26 апреля 1938 г.; Там же. Л. 19. Бюджет Полесского межмуниципального союза социального обеспечения. 1938 г.

расходование общественных средств на содержание в детских домах лишь части сирот, которым якобы обеспечивались более благоприятные условия по сравнению с положением детей в семьях и которые впоследствии оказывались неприспособленными к суровым реалиям жизни, было неоправданным¹²⁴.

При этом сами муниципальные органы по-прежнему нередко осуществляли социальные расходы неэффективно, выделяемые на эти цели средства не всегда поступали действительно нуждавшимся в помощи. Как показала люстрация отдела социального обеспечения Брестского управления, проведенная в 1936 г., различные формы социальной поддержки, такие как постоянные и единовременные денежные выплаты, освобождение от городских платежей, раздача хлебных талонов, во многих случаях предоставлялись городскими властями не имевшим на то оснований людям, решения об оказании помощи часто не обосновывались. К числу лиц, нуждавшихся в льготах, коммунальные деятели Бреста относили и самих себя: по результатам ревизии Костек-Бернацкий отменил значительные скидки в оплате электроэнергии городским лавникам и советникам, а также 65 различным организациям города на общую сумму 40 тыс. злотых (что составляло 2,3% бюджета Бреста за 1935–1936 г.). Городские служащие также пользовались 50-процентной скидкой по платежам за воду. Воевода утверждал, что такие льготы не соответствовали финансовым возможностям города, а их распределение было несправедливым¹²⁵. Из отчета о люстрации магистрата Каменец-Литовска в 1933 г. видно, что городские власти не скупились оплатить стоимость лечения практически любому желающему. Жители, как правило, лечились за счет города, при этом обычно предпочитали

---

¹²⁴ Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych miast województwa Poleskiego. S. 48–50.

¹²⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 964. Л. 6, 8, 33. Материалы инспекции муниципальных органов г. Бреста в феврале и марте 1936 г.; Statystyka samorządu terytorialnego. 1935/1936. Warszawa, 1937. S. 11.

выезжать на лечение в больницы Варшавы, хотя в Каменце-Литовске действовала больница поветового самоуправления, услуги которой высоко оценивались инспектором гминного самоуправления Брестского повета Ю. Снечинским. На одну эту расходную позицию уходило 11% городского бюджета¹²⁶.

В газете «Dziennik Brzeski» в 1936 г. была опубликована статья с описанием состояния содержавшегося Брестским управлением дома престарелых: «Не дай Бог никому дожидаться преклонного возраста и оказаться в этом учреждении в качестве пансионера. Ужасная духота и грязь, белье как смола, еда как у каторжников. Врач – явление, известное только из ночных грез и молитв о скорейшей смерти. Несколько десятков стариков на склоне своих лет остаются под присмотром одного сторожа, который, хоть бы даже разорвался, не успеет в обслуживании немощных и больных стариков. Кто хоть раз видел эту картину нищеты и отчаяния, тот наверняка ее никогда не забудет». Далее звучали обвинения в адрес благотворительных организаций и самоуправления, которое «так ужасно забывает о своих обязанностях»¹²⁷.

Но дело не сводилось лишь к доброй или злой воле муниципальных деятелей. В 1938 г. на страницах «Городского самоуправления» была опубликована заметка, в которой сопоставлялся размер отчислений в бюджеты Бреста и других выделенных городов Польши от важнейших государственных налогов (на промышленные и торговые предприятия, недвижимость и подоходный), являвшихся основным финансовым источником муниципальных органов. В расчете на 1 жителя соответствующий доход Бреста составлял лишь 27% от среднего по стране уровня. «Потребности же в сфере социального обеспечения, стоимости

---

¹²⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 34. Л. 7. Протокол инспекции магистрата г. Каменец-Литовск, проведенной инспектором гминного самоуправления Ю. Снечинским 16–18 марта 1933 г.

¹²⁷ Pogrzebani za życia // Dziennik Brzeski. 1936. 5 lipca. № 1. S. 8.

лечения и т.д., с учетом бедности значительной части жителей, находятся в обратной пропорции»¹²⁸, – завершал свой анализ автор статьи.

***

С началом экономического кризиса одним из наиболее актуальных вопросов хозяйственной и общественной жизни Польши стала безработица. Количество официально зарегистрированных безработных постоянно увеличивалось практически до конца 1930-х гг. В 1937 г. оно составило в Новогрудском воеводстве 2,6 тыс. человек, в Полесском – 4,9 тыс., увеличившись по сравнению с 1928 г. примерно в 6,5 и 7 раз соответственно¹²⁹. Основная часть безработных концентрировалась в крупных городах, например, в середине 1930-х гг. в Гродно их было зарегистрировано 2 тыс., Бресте – 1,5 тыс., Пинске – 830, Барановичах – 600, Лиде – 560¹³⁰. При этом официальное число безработных было меньше действительного. Часть из них, не веря в возможность найти работу через биржу труда и не имея права на получение пособия, не видела смысла в регистрации, также в польской статистике целенаправленно занижались цифры по безработице¹³¹. В соответствии с оценками воеводских властей, в 1935 г. фактическое количество безработных превышало официальные цифры на 69% в Новогрудском и 37% в Полесском воеводствах¹³². Более того, в качестве безработных не регистрировали достигших трудоспособного возраста и не имевших опыта работы молодых людей, а также огромное количество мало- и безземельных крестьян, которые не могли обеспечить себя за счет сельскохозяйственных работ. В отчете новогрудского воеводы за 1933–

---

¹²⁸ Samorząd miejski. 1938. № 5. S. 418–419.

¹²⁹ Mały Rocznik Statystyczny. 1938. S. 247.

¹³⁰ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 141. Л. 35. Отчет МВД о ситуации с безработицей в государстве. 30 марта 1936 г.

¹³¹ Historia Polski. T. IV. 1918–1939. Cz. 3. S. 297; Landau Z. Bezrobocie // Encyklopedia Historii Drugiej Rzeczypospolitej. S. 33.

¹³² ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 141. Л. 34.

1934 г. сообщалось, что наряду с 3 тыс. зарегистрированных преимущественно в городах безработных в воеводстве насчитывалось 280 тыс. частично безработных крестьян¹³³.

В деятельности городского самоуправления на западнобелорусских землях расходы на оказание помощи безработным превратились в одну из главных позиций. Центральное место при решении проблемы заняла организация при финансовой поддержке государственных властей общественных работ, которые наряду с предоставлением занятости и заработка безработным играли заметную роль в развитии городского хозяйства, в частности в проведении дорожных работ, строительстве городских предприятий, школ и др. Государственное финансирование общественных работ для трудоустройства безработных осуществлялось через Фонд труда, который специально с этой целью был создан в 1933 г. Вскоре к нему перешли функции фондов безработицы и помощи безработным¹³⁴, здесь сосредоточилась вся деятельность, направленная на преодоление безработицы и ее последствий. Основную роль в формировании бюджета Фонда труда играли отчисления от дохода работников и работодателей, также заметными позициями были отчисления от ряда налогов, субсидии государства и органов самоуправления¹³⁵. Первоначально Фондом труда предоставлялись кредиты на проведение общественных работ, но поскольку

---

¹³³ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 240. Л. 26.

¹³⁴ Страхование от безработицы было введено в 1924 г. Пособия на срок до 13 недель назначались тем, кто в течение года перед утратой работы проработал 20 недель (начиная с 1932 г. 26 недель) в предприятиях, насчитывавших не менее 5 работников. Функции биржи труда выполнял Фонд безработицы, осуществляя регистрацию безработных, распределение среди них пособий и посредничество при трудоустройстве. Организованный в 1932 г. Фонд помощи безработным был призван предоставлять преимущественно натуральную помощь не получавшим пособия безработным.

¹³⁵ Ustawa z dn. 16 marca 1933 r. o Funduszu Pracy // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1933. № 22. Poz. 163. S. 451–455; Mały Rocznik Statystyczny. 1937. Warszawa, 1937. S. 270.

муниципальные органы редко были в состоянии их вернуть, во второй половине 1930-х гг. организация перешла главным образом к выдаче субсидий. Власти выделенных городов и поветовые самоуправления обычно выполняли функции местных представительств Фонда труда. Городские органы также предоставляли безработным натуральную помощь в виде бесплатных обедов, продуктов питания, топлива, одежды и др.

К примеру, стоимость общественных работ, проведенных органами самоуправления в Новогрудском воеводстве в 1934–1935 финансовом году, составила 1 733 тыс. злотых, из них 37% были выделены Фондом труда. Также безработным была оказана чрезвычайная помощь в виде единовременных денежных выплат и продуктов питания (мука, сахар, какао, соль) на общую сумму 82 тыс. злотых¹³⁶. Из почти 1 100 тыс. злотых, предоставленных Фондом труда на проведение общественных работ в Полесском воеводстве в 1937–1938 финансовом году (для сравнения, сумма выплаченных в воеводстве пособий по безработице составила 283 тыс. злотых), 700 тыс. или 65% предназначались для выделенных городов на дорожные работы, строительство водопровода, канализации, а также электростанции в Бресте. 70 тыс. поступили Дрогичину, Кобрину, Лунинцу, Пружанам и Столину на уличные работы и возведение скотобоен. Собственные вложения муниципальных властей составили 1 200 тыс. злотых, в том числе 1 млн. злотых был потрачен властями Бреста на строительство паротурбинной электростанции¹³⁷. В 1936 г. на капитальных работах, проводимых городскими властями Бреста, было трудоустроено почти 600 человек, из них 100 были заняты

---

¹³⁶ Sprawozdanie wojewody nowogródzkiego za 1934/1935 rok... S. 99, 100.

¹³⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 553. Л. 8. Отчет о деятельности Брестского воеводского комитета по делам безработицы за 1937–1938 г.

строительством водопровода и канализации, остальные трудились на дорожных работах¹³⁸.

Также муниципальные и государственные власти стремились предоставить безработным возможность самостоятельно обеспечивать себя. Была популярной идея развития огородничества. Например, в 1930-е гг. городские власти в Бресте выделили безработным почти 1300 садово-огородных участков, в Кобрине – 140, Пинске – 95, Коссово – 56¹³⁹. В Новогрудском воеводстве в середине 1930-х гг. земельные участки предоставлялись безработным в Барановичах, Лиде и Новогрудке. В Лиде было организовано «общество пригородной колонизации», которое получило от Фонда труда значительный кредит в размере 120 тыс. злотых сроком на 40 лет. За эти деньги было куплено 12 земельных участков по 0,2 га и 2 участка по 2 га, а также построено 8 домов для расселения 14 семей безработных в квартале Сойкишки в границах города¹⁴⁰. По свидетельству полесского воеводского бюро Фонда труда, значительный эффект принесли 20 тыс. злотых, выделенные им на приобретение оборудования для ремесленников Столинского повета, такая же сумма была предоставлена на создание 4 молокоперерабатывающих производств в Лунинецком повете¹⁴¹. Следует отметить, что выделявшиеся государством или муниципальными органами средства на поддержку производственных организаций распределялись по национальному признаку, поступая в основном польским жителям.

В то же время помощь, оказывавшаяся безработным, охватывала не всех нуждающихся, была недостаточной и в большинстве случаев не позволяла избежать нищеты. В 1934–1935 финансовом году денежные пособия через биржу труда в Полесском воеводстве получали примерно

---

¹³⁸ Dziennik Poleski. 2 lipca 1936. № 60. S. 8.

¹³⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 553. Л. 3.

¹⁴⁰ Sprawozdanie wojewody nowogrodzkiego za 1934/1935 rok... S. 99, 100.

¹⁴¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 553. Л. 4.

18% зарегистрированных безработных¹⁴², в Новогрудском воеводстве – 17%¹⁴³. Натуральная и денежная чрезвычайная помощь, носившая нерегулярный характер, в середине 1930-х гг. предоставлялась менее трети от официального количества безработных на западнобелорусских землях¹⁴⁴.

Большую роль играли общественные работы, на которых, для примера, в 1935–1936 г. было трудоустроено 91% от официального числа безработных в Новогрудском воеводстве и 93% в Полесском, в 1936–1937 г. – 96 и 63% соответственно¹⁴⁵. Однако на общественных работах использовались минимальные ставки оплаты труда, варьировавшиеся от 1,5 до 3,5 злотых за день в зависимости от места проведения работ, семейного положения безработного, его квалификации и рода деятельности. Они не могли предоставить постоянного заработка, поскольку носили сезонный характер и прерывались на холодный период года. В 1935–1936 г. занятые на общественных работах в среднем за год отработали 125 дней в Новогрудском воеводстве и 156 в Полесском¹⁴⁶. К тому же в 1930-е гг. нарастала тенденция трудоустройства на общественных работах в восточных воеводствах безработных из этнически польских территорий. Так, брестский староста в одном из отчетов в 1937 г. указывал, что трудоустройство в Бресте 130 рабочих из силезского города Заверче и запаздывание начала некоторых общественных работ вызвали среди безработных Бреста «определенное беспокойство и нервозность», проявившиеся в демонстрациях и обращениях к властям¹⁴⁷. Критическое положение безработных на западнобелорусских землях на протяжении

---

¹⁴² Там же. Оп. 2. Д. 212. Л. 54. Годовой отчет полесского воеводы за 1934–1935 финансовый год.

¹⁴³ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 141. Л. 34.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ *Mały Rocznik Statystyczny*. 1937. S. 271; *Ibid*. 1938. S. 274.

¹⁴⁶ *Mały Rocznik Statystyczny*. 1937. S. 271.

¹⁴⁷ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1887. Л. 8. Отчет Брестского поветового староства об экономическом и политическом положении повета за 1938 г.

1930-х гг. повсеместно вело к их выступлениям с требованиями помощи в адрес муниципальных властей, в некоторых случаях дело доходило до нападений на здания городских магистратов и столкновений с полицией¹⁴⁸.

3.2.4. Образование и культура

Муниципальные органы играли основную роль в развитии начального школьного образования. В их обязанности входило строительство и содержание начальных школ, обеспечение их необходимым оборудованием и материалами, предоставление жилья для учителей. Государство в этой области обязывалось только выплачивать зарплату учителям.

На протяжении межвоенного периода был достигнут определенный прогресс в просвещении. Если по польской переписи 1921 г. процент неграмотных равнялся 55 в Новоградском воеводстве и 71 в Полесском, то в 1931 г. эти показатели составили 39% и 50% соответственно¹⁴⁹. Для сравнения, в целом по Польше неграмотных в 1931 г. было 27%¹⁵⁰. Возросло количество начальных школ. В 1937–1938 учебном году в

---

¹⁴⁸ Інформацыйны бюлетэнь аб Заходняй Беларусі. № 5–6. За другое паўгодзьдзе 1931 г. і за першую палову 1932 г. Менск, 1932. С. 102; *Мацко А.* Революционная борьба... С. 188; Революционный путь... С. 253, 342.

¹⁴⁹ Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. S. 40, 41; Ibid. Województwo Poleskie. S. 48, 49; Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. S. 46, 48; Ibid. Województwo Poleskie. S. 52, 54.

¹⁵⁰ Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Polska. S. 60.

четырёх восточных воеводствах их насчитывалось примерно 6300, что было на 63% больше, чем в 1921–1922 году. Число учеников, получающих начальное образование, за это же время увеличилось в 3,4 раза и составило 842 тыс. (см. приложение 5). В 1920-е гг. в восточных воеводствах на фоне сокращения количества детей школьного возраста (с 783 тыс. в 1922–1923 гг. до 592 тыс. в 1927–1928 гг.), отражавшем отрицательные демографические последствия военных лет, развитие системы начального образования позволило значительно увеличить процент школьников. Если в начале 1920-х гг. здесь получали образование 36% детей 7–13 лет (возраст, в котором дети подлежали обязательному начальному образованию), то в 1930–1931 г. – уже почти 80%. В то же время показатель начала 1930-х гг. оказался максимальным для межвоенного периода. В 1930-е гг. усилия властей по развитию школьного дела не могли компенсировать постоянное увеличение числа детей школьного возраста при высоких темпах естественного прироста населения на западнобелорусских землях. В конце 1930-х гг. в восточных воеводствах школу посещали 78% детей¹⁵¹, тогда как в Польше в целом – 90%.

При улучшении показателей состояния системы образования на западнобелорусских землях в 1920–1930-е гг. в этой сфере сохранялись многие острые проблемы. Существовавшие начальные школы в большинстве случаев были примитивно организованы, они размещались в помещениях, не отвечавших элементарным санитарным и педагогическим требованиям, очень часто – в арендуемых деревянных жилых домах. Многие из них были в недостаточной степени обеспечены водоснабжением, освещением, обогревом, вентиляцией, а также учебными материалами, школьной мебелью и инвентарем. Специальные школьные врачи, систематически следившие за состоянием здоровья учащихся, имелись только в более крупных городах, например, в Бресте, Волковыске,

---

¹⁵¹ Mały Rocznik Statystyczny. 1939. S. 321.

Пинске и др. В большинстве случаев санитарный надзор в школах периодически осуществляли районные или поветовые врачи, обычно раз в год. Полесский воевода в 1937 г. отмечал, что эпидемии, ежегодно охватывавшие воеводство, в первую очередь затрагивали детей из-за неудовлетворительной охраны здоровья школьников¹⁵².

Развитие начального образования в значительной мере носило экстенсивный характер. Так, в Новогрудском воеводстве за 13 лет, с 1922–1923 по 1934–1935 учебные годы, число учителей увеличилось на 67%, тогда как число учеников – в 2,6 раза. Количество учащихся, приходившихся на одного учителя, за это время возросло с 43 до 68¹⁵³. Из действовавших в Новогрудском воеводстве в 1934–1935 г. 1164 начальных школ 85% в соответствии с принятой в Польше градацией относились к первому уровню, т.е. в них работали 1 или 2 учителя, школы второго уровня с 3 или 4 учителями составляли 9%, школы третьего уровня с 5 и более учителями – 6%¹⁵⁴. В Полесском воеводстве в 1939 г. к первому уровню относилось 77% школ, в них училось более половины всех школьников¹⁵⁵. Костек-Бернацкий на совещании старост Полесского воеводства в 1938 г. отмечал, что образование в школах низшего типа являлось «совершенно недостаточным. По прошествии нескольких лет молодежь, не используя письменную речь, возвращается к безграмотности»¹⁵⁶. Расходы муниципальных органов на одного ученика в Новогрудском и Полесском воеводствах были почти в 2 раза ниже среднего по Польше уровня¹⁵⁷.

---

¹⁵² ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 213. Л. 21.

¹⁵³ *Odlanicki-Poczobutt St. Województwo Nowogródzkie*. S. 112.

¹⁵⁴ *Sprawozdanie wojewody nowogródzkiego za 1934/1935 rok...* S. 138.

¹⁵⁵ *Polski stan posiadania na Polesiu*. S. 34, 35.

¹⁵⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1436. Л. 305. Протокол тайного совещания поветовых старост Полесского воеводства, состоявшегося 25–26 января 1938 г. в Бресте.

¹⁵⁷ *Dębowski S. Zagadnienia i prace oświatowe w samorządzie miejskim // Samorząd miejski*. 1938. № 24. S. 1581.

Кроме того, местные жители традиционно недооценивали значение образования и предпочитали привлекать своих детей к сельскохозяйственным работам, а не отправлять их в школу. К тому же насаждение польского образования встречало отторжение со стороны непольского большинства. Все это вело к несистематическому посещению школы детьми.

В конце 1936 г. премьер-министру Польши был вручен меморандум о состоянии и нуждах Полесского воеводства, подготовленный управлением Полесского округа Товарищества развития восточных земель¹⁵⁸, которое возглавлял командующий военным округом корпуса № 9 генерал Ч. Ярнушкевич. В соответствии с этим документом, наряду с почти четвертью детей, не охваченных школой, примерно половина школьников училась в условиях, делавшими получение качественного образования невозможным, в первую очередь по причине нехватки учителей и школьных помещений. 95% школьных помещений в воеводстве не отвечали «даже самым скромным требованиям (маленькие, низкие, темные комнаты в полесских хатах), а более 200 помещений¹⁵⁹ – это помещения ниже всяких требований, в которых теряют здоровье дети и учителя»¹⁶⁰. Как следует из газетного сообщения, в 1933 г. в 50-тысячном Бресте 3300 детей школьного возраста не получали образования из-за нехватки школьных зданий¹⁶¹. В 1939 г. в Волковыске, насчитывавшем 18 тыс. жителей, 300 детей не имели возможности учиться: две функционирующие школы в городе были переполнены, каждый класс насчитывал от 60 до 70 учеников. Одна школа, которую посещало немного

---

¹⁵⁸ Общественная организация, образованная в 1933 г. во главе с бывшим премьер-министром Польши А. Пристором, целью которой являлось содействие хозяйственному и культурному развитию восточных земель в направлении их унификации с этнически польскими землями.

¹⁵⁹ 17% от общего числа.

¹⁶⁰ *Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego*. S. 5, 20, 21.

¹⁶¹ *Express poleski*. 1933. 12 maja. № 130. S. 4.

более половины всех школьников, размещалась в специально построенном городскими властями в начале 1930-х гг. деревянном здании, соответствовавшем гигиеническим нормам и имевшем 19 учебных кабинетов и гимнастический зал. Вторая школа занимала непригодное для школьных нужд арендуемое помещение¹⁶².

Обязанности по строительству школьных зданий практически всегда намного превосходили финансовые возможности властей западнобелорусских городов, которым оставалось рассчитывать на кредиты и государственную помощь. В Ошмянах помещение, в котором располагалась начальная школа города на протяжении 1920-х гг., было темным и тесным, «просто глумилось над существующими предписаниями школьных властей». Хотя обучение велось в две смены, школу могли посещать лишь 300 из 800 детей школьного возраста. В 1925 г. городской совет озвучил необходимость немедленного строительства новой школы, но городских средств было недостаточно для этого начинания. По свидетельству бургомистра города Ю. Зубеля, когда в 1928–1929 г. было установлено, что школьное здание находится в аварийном состоянии и может обрушиться, магистрат оказался в положении без выхода. Поскольку в Ошмянах не было зданий, которые можно было приспособить под школу, городским властям пришлось арендовать несколько отдельных помещений, размещавшихся в разных концах города. Перемещение между ними учеников и учителей сильно затрудняло учебный процесс и негативно отражалось на здоровье детей. Стоимость возведения нового школьного здания составляла почти 600 тыс. злотых, магистрат был в состоянии выделить на это не более 30 тыс. злотых в год. В этой ситуации государство взялось профинансировать строительство, выделив городу почти 450 тыс. злотых, в том числе 185 тыс. в качестве кредита и 263 тыс. в качестве субсидии. Начавшийся экономический кризис не позволил

---

¹⁶² Kurjer Białostocki. 1939. 14 marca. № 14. S. 4.

государственной казне предоставить недостававшие 145 тыс., которые городские власти были вынуждены покрыть за счет привлечения краткосрочных кредитов, ставших главной финансовой проблемой Ошмян. Новое кирпичное здание школы с центральным отоплением и электроснабжением, насчитывавшее 15 учебных кабинетов, спортивный зал, мастерские, с прилегающими жилыми помещениями для учителей, было построено за полтора года, в июне 1930 г. состоялось его открытие в присутствии президента Польши И. Мостицкого¹⁶³.

Однако многим городам не удавалось так же успешно завершить начатые во второй половине 1920-х гг. капиталовложения в новые школьные здания. В 1935 г. Ц. Галасевич указывал, что в Новогрудском воеводстве насчитывалось 50 недостроенных школ, в возведение которых самоуправления в предыдущие годы вложили 1 300 тыс. злотых. В качестве примера он привел Несвиж, власти которого не только не имели средств на достройку солидного школьного здания, но и были не в состоянии рассчитывать по ранее привлеченному для этой цели кредиту в размере 300 тыс. злотых. Строительство школы, начатое в 1920-е гг., было продолжено только в 1935 г. в рамках общественных работ, финансируемых Фондом труда¹⁶⁴. В некоторых случаях сказывалась бесхозяйственность муниципальных деятелей. Как показала проведенная в конце 1935 г. инспекция коммунальных органов Столинского повета, власти Столина в середине 1930-х гг. принялись за строительство деревянного школьного здания стоимостью около 60 тыс. злотых, располагая для этого лишь 10 тысячами и не имея никакого плана финансирования всей постройки. Начав возведение школы, руководство города под давлением государственной администрации было вынуждено одновременно приступить к капитальному ремонту электростанции и скотобойни. В 1934 г. был построен фундамент школы, в следующем году

---

¹⁶³ Pamiętnik zjazdu gospodarczego w Oszmianie... S. 73, 113, 114.

¹⁶⁴ Galasiewicz C. Ziemia nowogródzka... S. 54.

после вмешательства школьного инспектора был закуплен строительный лес, оказавшийся непригодным. В итоге у города не осталось средств не только на продолжение строительства, но и на консервацию фундамента школьного здания, который начал разрушаться¹⁶⁵.

Важнейшей целью, которая ставилась перед системой образования в восточных воеводствах наряду с просвещением, была полонизация восточнославянского населения. Польские власти, не признавая белорусов самостоятельной нацией и отказывая им в праве на национальную жизнь, с самого начала подавляли попытки организовать белорусское образование. Из примерно 350 начальных белорусских школ, открытых во время германской оккупации, основная часть была ликвидирована поляками сразу же после захвата западных и центральных белорусских земель в 1919 г. Правда, в первые годы после установления режима «санации» имели место незначительные уступки в рамках политики «государственной ассимиляции». Однако польские власти вскоре отказались от каких-либо шагов навстречу национально-культурным требованиям белорусов, на протяжении 1930-х гг. белорусское образование было фактически полностью ликвидировано. В 1937–1938 г. не осталось ни одной белорусской начальной школы, единственная белорусская гимназия в Вильно функционировала как филиал польской гимназии, также насчитывалось 5 польско-белорусских школ¹⁶⁶.

Поскольку белорусские школы в основном действовали в сельской местности, вопрос их организации и финансирования в западнобелорусских городах ставился редко. Одним из примеров служат городские власти Новогрудка, которые в конце 1920-х гг. безвозмездно предоставили земельный участок под строительство здания для белорусской гимназии. Тогда же польский сейм принял решение выделить

---

¹⁶⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 121. Л. 26, 27. Отчет об инспекции муниципальных органов Столинского повета, проведенной 29 октября – 1 ноября 1935 г.

¹⁶⁶ Mały Rocznik Statystyczny. 1939. S. 324.

200 тыс. злотых на само строительство, однако финансирование вскоре прекратилось, и ликвидированная в 1934 г. новогрудская гимназия так и не получила новое здание¹⁶⁷.

На передний план выходила ситуация с еврейским образованием. Польские власти, наложив запрет на создание общественных еврейских школ, оставили за еврейским населением право развивать частные учреждения образования. Важным вопросом стала финансовая поддержка муниципальными органами частных еврейских школ. В 1920-е гг. правилом было предоставление магистратами субсидий еврейским школам в том или ином размере. В то же время эта тема постоянно оставалась благоприятной почвой для взаимных претензий и конфликтов. Как уже отмечалось, евреи, получив в конце 1920-х гг. большинство мандатов в советах многих городов, часто старались добиться преимущественного финансирования собственных образовательных и общественных организаций. Подобные шаги встречали активное противодействие польского населения, на страже интересов которого стояла государственная администрация, которая вмешивалась в работу городских органов, направляя ее в соответствующее русло.

В большинстве случаев представители национальных меньшинств считали себя дискриминированными, обвиняя муниципальные органы в несправедливом распределении городских средств. Так, на протяжении второй половины 1920-х гг. в Гродно постоянно раздавались жалобы со страниц еврейской прессы, а также на заседания городского совета со стороны еврейских советников на недостаточное финансирование муниципалитетом еврейских школ и общественных организаций¹⁶⁸.

---

¹⁶⁷ *Zagідулін А.М.* Націянальная і канфесіянальная палітыка... С. 63.

¹⁶⁸ APwB. Zespół 47. Sygn. 36. K. 39. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=811&from> (дата обращения: 30.10.2013). Отчет белостокского воеводы за март 1927 г.; Ibid. Syg. 50. K. 4. URL: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=5693&from> (дата обращения:

Активные протесты еврейских депутатов Кобрина в 1929 г. вызвало решение поветового сеймика, отказавшегося утверждать дотации из городского бюджета в пользу еврейской школы, благотворительного общества и др.¹⁶⁹

В начале 1930-х гг. при значительном падении всех расходов городского самоуправления финансовая помощь еврейскому образованию под давлением варшавских властей сокращалась в заметно больших пропорциях. В 1930–1931 финансовом году власти западнобелорусских городов уменьшили субсидии еврейским школам на 75%¹⁷⁰. Вскоре государственная администрация запретила городским властям любое финансирование еврейского образования, не обращая внимания на мнение горожан, причем не только евреев. Так, к пружанскому старосте Лисовскому, в августе 1933 г. инспектировавшему магистрат Березы, обратилась делегация города в составе бургомистра Довнара, его заместителя Закхайма и католического ксендза декана Ковалевского с просьбой включить обратно в городской бюджет субсидии еврейским школам¹⁷¹.

В конце 1930-х гг. финансовая ситуация местного самоуправления на западнобелорусских землях, которая лишь в небольшой степени стала улучшаться с середины 1930-х гг., вновь серьезно ухудшилась в первую очередь вследствие решения центральных властей построить в трех восточных воеводствах по 100 «школ-памятников» имени Пилсудского¹⁷². Основную часть расходов на их возведение предстояло покрыть

30.10.2013). Недельный отчет белостокского воеводы № 29 за период с 6 по 12 октября 1929 г.

¹⁶⁹ Express poleski. 1929. 13 kwietnia. № 103. S. 4.

¹⁷⁰ Інфармацыйны бюлетэнь. Аб новых момантах у сялянскім і нацыянальным пытанні ў Заходняй Беларусі. № 4. За 1 паўгодзьдзе 1931 г. Менск, 1931. С. 27.

¹⁷¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 37. Л. 43.

¹⁷² Совет министров принял соответствующее решение в 1936 г. относительно Виленского воеводства, в 1937 г. – Новогрудского и Полесского.

муниципальным органам, вынужденным под давлением государственной администрации, обещавшей всестороннюю помощь, принять на себя данные обязательства. Но поддержка со стороны центра обычно была недостаточной, и хотя местным властям в большинстве случаев приходилось отказываться от каких-либо других капиталовложений, они как правило были не способны завершить «школы-памятники». Городское самоуправление оказалось в критической ситуации, когда центральные власти в 1939 г. приостановили субсидии на школьное строительство, сконцентрировав средства на подготовке к надвигавшейся войне. Полесский вице-воевода С. Беневский в августе 1939 г. в третий раз обращался во Всеобщее бюро взаимного страхования, подконтрольную государству крупнейшую страховую организацию, с просьбой предоставить коммунальным органам обещанный ранее кредит: «Временная приостановка государственных субвенций на строительство 100 школ-памятников поставила гмины, которые взялись за это огромное дело, в трагическую ситуацию. Большинство гмин вообще были не в состоянии закончить школьные здания, неся даже материальные потери из-за предположительного уничтожения зданий там, где они не были достроены до крыши и накрыты кровлей. Остальные не смогут полностью закончить школьные здания в степени, позволяющей сдать их к новому учебному году... Со всех сторон меня упрощают о помощи хотя бы на минимальные суммы, которые хотя бы позволили завершить постройку здания и накрыть их... Уже сейчас [обращаются] с упреком, что если бы не обещание поддержки – гмины никогда не приступили бы к таким значительным инвестициям».

Беневский также указывал, что финансовые проблемы органов самоуправления Полесского воеводства в 1939 г., наряду с прекращением государственного финансирования «школ-памятников», объяснялись резким сокращением поступления местных налогов на фоне слухов о

предстоявшей войне¹⁷³. Как видно, многие жители западнобелорусского региона, массово уклонявшиеся в критическую для государства минуту от уплаты налогов, не чувствовали себя связанными в отношении него какими-либо симпатиями и обязательствами.

Активность городских властей в сфере образования практически полностью сводилась к строительству и содержанию начальных общественных школ. Например, в конце 1930-х гг. на это уходило 92% их образовательных расходов в Новогрудском воеводстве и 97% в Полесском¹⁷⁴. Незначительная помощь муниципальных органов среднему и профессиональному образованию, а также борьбе с безграмотностью среди взрослых, как правило, заключалась в выплатах субсидий и предоставлении стипендий ученикам из малообеспеченных семей.

В большинстве случаев западнобелорусские города не могли позволить себе какие-либо заметные расходы на культуру. Так, вся деятельность городских властей Высоко-Литовска во второй половине 1930-х гг. в этой сфере сводилась к содержанию совместно с Польской школьной матицей публичной библиотеки, насчитывавшей 40 читателей и 1300 томов¹⁷⁵. Не значительно лучше в этом отношении дела обстояли в Бресте, где достижения муниципальных органов также ограничивались городской библиотекой с тысячью читателей и пятью тысячами томов¹⁷⁶.

Городские органы лишь немногих городов могли предложить жителям что-либо наряду с услугами скромных библиотек, как, например, власти Баранович, открывшие краеведческий музей¹⁷⁷. На общем фоне заметно выделялось Гродно. Белостокский воевода в отчете за 1936–1937

---

¹⁷³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 381. Л. 8. Письмо полесского вице-воеводы С. Беневского во Всеобщее бюро взаимного страхования. Август 1939 г.

¹⁷⁴ *Dębowski S. Zagadnienia i prace oświatowe...* S. 1580.

¹⁷⁵ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 289. Л. 6. Отчет о деятельности городского управления г. Высоко-Литовск за 1936–1937 финансовый год.

¹⁷⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1022. Л. 46.

¹⁷⁷ *Samorząd miejski. 1930. № 21. S. 1030.*

г. отмечал, что гродненские расходы на культуру были значительными и составляли примерно 70 тыс. злотых, что на 73% превышало соответствующие расходы насчитывавшего почти в два раза больше жителей Белостока. Городские власти Гродно содержали единственный на западнобелорусских землях профессиональный театр, городскую библиотеку, музей естествознания, также выделяли определенные суммы на консервацию историко-культурных памятников, литературные награды и др.¹⁷⁸

Как и в случае с образованием, культурная политика преследовала цель полонизации западнобелорусского региона. В частности, дотации органов самоуправления обычно получали польские творческие коллективы. Но создавая для польской культуры привилегированные условия, власти далеко не всегда достигали своих целей. Так, Ц. Галасевич, придавая особое значение любительским театральным и музыкальным коллективам в деле расширения влияния польской культуры, указывал, что польские «серьезные представления, несмотря на хороший репертуар, несмотря на помощь со стороны государства, самоуправления и общественных организаций, очень часто убыточны...». В то же время «чуждые польской культуре» представления, во многих случаях, по его мнению, малоценные, пользовались высокой посещаемостью и приносили прибыль¹⁷⁹.

---

¹⁷⁸ Sprawozdanie wojewody białostockiego... za czas od 1.4.1936 do 1.4.1937. S. 324.

¹⁷⁹ Galasiewicz C. Ziemia nowogródzka... S. 58.

3.2.5. Хозяйственная деятельность. Регулирование городской застройки

На коммунальных органах лежал ряд обязанностей в содействии развитию экономической жизни. В частности, городские и поветовые самоуправления были призваны открывать муниципальные сберегательные кассы, к основным функциям которых относился прием денежных вкладов населения и предоставление ему краткосрочных кредитов. Они выдавали займы на сравнительно приемлемых условиях, под 10–12% годовых, что для хозяйственных нужд населения имело принципиальное значение. Поскольку на западнобелорусских землях в большинстве местностей не было отделений банков, муниципальные кредитные организации наряду со ссудо-сберегательными кооперативами, именовавшимися кассами Стефчика¹⁸⁰, выступали единственной альтернативой ростовщикам, предоставлявшим займы под кабальные проценты, которые достигали в восточных воеводствах 120% годовых¹⁸¹. Например, в Полесском воеводстве в 1937 г. в муниципальных сберегательных кассах насчитывалось 8 тыс. кредитополучателей, из которых 76% были крестьянами, 14% – чиновниками и представителями свободных профессий, 3% – купцами и промышленниками, 3% – ремесленниками и рабочими и др. Средний размер выданных кредитов составлял 270 злотых¹⁸².

---

¹⁸⁰ По имени Ф. Стефчика (1861–1924), пионера кредитной кооперации в Польше.

¹⁸¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 287. Л. 43–44; *Czadankiewicz J. Działalność gminnych kas pożyczkowo-oszczędnościowych w latach 1926–1930 // Samorząd terytorjalny. 1932. Z. 1–2. S. 102.*

¹⁸² ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 213. Л. 44.

В то же время на фоне общей экономической отсталости региона результаты деятельности муниципальных сберегательных касс были скромными. На западнобелорусских землях не было организовано ни одной городской сберегательной кассы, и горожане пользовались услугами поветовых касс, при том что именно городским кассам принадлежала ведущая роль среди муниципальных кредитных организаций в Польше в целом. В конце 1938 г. на Новогрудское и Полесское воеводства, где проживало 6,8% населения страны, приходилось лишь 0,7% вкладов в муниципальных сберегательных кассах¹⁸³. На показателях их работы негативно отражалось недобросовестное выполнение должностными лицами своих обязанностей. Полесский воевода в декабре 1934 г. направил старостам тайное письмо, в котором указывалось: «Мною было установлено, что муниципальные сберегательные кассы служат не столько хозяйственным интересам поветов, сколько неправильно понятым интересам государственных и муниципальных служащих и лиц, связанных с управлениями касс или членами надзорных советов узами родства или дружбы. Даже некоторые старосты, к счастью, только двое в воеводстве, имеют долги в этих институтах... Зато господствует неслыханная нехватка наличных денег на рациональные хозяйственные нужды крестьян и др... все кассы поветовых муниципальных союзов и гмин обременены задолженностями... выделенными самими себе теплой и щедрой ручкой из общественных денег. Независимо от этого выдаются кредиты женщинам, женам служащих, имеющих право надзора или влияние какого-либо вида. Это является способом скрывания от контроля. Такие кредиты, как правило, никем не погашаются». Воевода потребовал от старост добиться возврата подобных долгов, запретив дальнейшую выдачу кредитов в муниципальных сберегательных кассах чиновникам и судьям¹⁸⁴.

---

¹⁸³ Wiadomości statystyczne Głównego Urzędu Statystycznego. 1939. Z. 1. S. 15.

¹⁸⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2899. Л. 406. Тайное письмо полесского воеводы поветовым старостам. 11 декабря 1934 г.

Но были и положительные примеры. Сохацкий на съезде начальников управлений и директоров муниципальных сберегательных касс Полесского воеводства в 1932 г. отмечал существенные результаты деятельности поветовой кассы в Дрогичине, достигнутые благодаря грамотному руководству и слаженной работе персонала. Дрогичинская касса собрала примерно треть всех вкладов в муниципальные сберегательные кассы в воеводстве, намного опередив кассы в Бресте и Пинске. Если 5 из 9 муниципальных касс работали с убытками, 3 принесли минимальный доход, то в Дрогичине доход составил 15 тыс. злотых, что Сохацкий оценивал как значительный успех¹⁸⁵.

Муниципальные власти выступали организатором регулярных ярмарок, которые способствовали росту товарооборота, помогали избежать излишних посреднических звеньев, приводивших к снижению цены товара при покупке его у крестьян и повышению цены при продаже в городе, облегчали надзор над торговлей. Кроме того, они пополняли казну городов. Наиболее крупной и известной на западнобелорусских землях стала двухнедельная Полесская ярмарка, которая по инициативе воеводских властей начиная с 1936 г. ежегодно проходила в Пинске. По мысли организаторов, она должна была не только выполнять экономические функции, но и способствовать развитию туризма и популяризации в польском обществе полесской субкультуры, которая воспринималась многими поляками как экзотический региональный вариант польской культуры. Хотя уже первая Полесская ярмарка вызвала большой интерес, и ее посетителями стали около 10 тыс. человек, прибывших из-за пределов воеводства, в том числе почти 100 иностранцев, на ней не было заключено никаких деловых соглашений, а гости в основном ограничивались приобретением сувениров¹⁸⁶. Тем не менее, она

---

¹⁸⁵ Samorząd. 1933. № 1. S. 10–11.

¹⁸⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3603. Л. 3. Обзор экономического положения Полесского воеводства за 1936 г.

оживила хозяйственную жизнь Пинска, и коммунальные власти города переняли на себя обязанности по организации последующих ярмарок, масштабы которых каждый раз возрастали. Пинские власти построили 6 специальных выставочных павильонов, но из-за значительных расходов на их возведение ярмарки оставались для самоуправления города убыточным мероприятием¹⁸⁷.

Муниципальные органы исполняли функции регулятора торговой жизни в городах: выдавали разрешения на открытие торговых площадей и предприятий, регламентировали и осуществляли надзор над их деятельностью. Они также имели право устанавливать фиксированные цены на товары и услуги первой необходимости в случаях, когда представлялось нужным сдерживать рост цен. В то же время на практике часто решение подобных вопросов брали в свои руки органы местной государственной администрации.

***

Экономическая отсталость западнобелорусских городов особенно явно проявлялась в ситуации с муниципальными предприятиями¹⁸⁸. К примеру, в 1924 г. доход от городских предприятий в Бресте был в 44 раза меньше, чем в Гнезно, и в 28 раз меньше, чем в Лешно, городах на западе Польши с сопоставимым количеством жителей¹⁸⁹. В соответствии с данными переписи 1931 г., 53% горожан в Полесском и Новогрудском воеводствах имели доступ к электроснабжению – по сравнению с 68% в центральных воеводствах Польши и 60% в западных, подключены к

---

¹⁸⁷ Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 126. Л. 11.

¹⁸⁸ В 1937 г. в городах 4 восточных воеводств насчитывалось 157 муниципальных предприятий, в их числе примерно 100 скотобоен и скотных рынков, 29 городских электростанций, 8 бетонных и кирпичных заводов, 5 аптек и др. (Statystyka samorządu terytorialnego. 1936/1937. Warszawa, 1938. S. 48).

¹⁸⁹ O politykę inwestycyjną miast // Samorząd miejski. 1927. Czerwiec. S. 451.

водопроводу были 4,3%, 33% и 69% горожан соответственно, канализации – 2%, 25%, 57%, газоснабжению – 0%, 18% и 43%¹⁹⁰.

По сравнению с довоенным временем были достигнуты определенные успехи в электрификации, к концу 1930-х гг. во всех западнобелорусских городах имелось электрическое освещение. Но достижения здесь не всегда принадлежали городским властям. Заметным этапом в электрификации региона стал период германской оккупации в годы первой мировой войны, когда немцами практически во всех городах были построены электростанции, в дальнейшем во многих случаях перешедшие в муниципальную собственность. «Приезжего с запада поражает развитая электрификация этой наиболее бедной провинции; почти в 30 местностях имеется электрическое освещение. Это явление не следует, однако, относить на счет местных элементов, поскольку в $\frac{3}{4}$ случаев, наряду с узкоколейками и дорогами из настланных бревен, – это единственный заслуживающий признательности след после немецкой оккупации 1915–1919 гг.»¹⁹¹, – утверждал М. Марчак, автор содержательного путеводителя по Полесскому воеводству. В 1939 г. в Новогрудском воеводстве насчитывалось 7 городских электростанций, в Полесском – 5, остальные города освещались частными или государственными электростанциями¹⁹².

В то же время сохранялась крайняя отсталость в обеспечении электричеством. На Новогрудское и Полесское воеводства в 1938 г. приходилось лишь 0,4% производства электростанций с мощностью более 100 кВт¹⁹³. Производство электроэнергии на 1 жителя в начале 1930-х гг. в Новогрудском воеводстве равнялось 1,5 кВт/ч, в Полесском – 1,8, в целом

---

¹⁹⁰ Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Nieruchomości i budynki w miastach. S. 9, 45.

¹⁹¹ *Marczak M.* Przewodnik po Polesiu. Brześć n/B., 1935. S. 44.

¹⁹² Западная Белоруссия (статистический справочник). С. 12–15.

¹⁹³ *Mały Rocznik Statystyczny.* 1939. S. 127.

по Польше – 66 кВт/ч, при том что по этому показателю страна занимала одно из последних мест в Европе¹⁹⁴.

Центральные сети водопровода, построенные еще до Первой мировой войны, действовали в Бресте, Гродно и Слониме, при этом они охватывали только часть этих городов. В остальных западнобелорусских городах локальные сети водопровода и канализации имелись лишь в районах, застроенных для проживания государственных чиновников. Водопровод в Гродно, возведенный в 1875 г. Санкт-Петербургским акционерным товариществом, был одним из старейших в межвоенной Польше. В 1920 г. он перешел в управление городских властей¹⁹⁵. За межвоенные годы водопроводная сеть была значительно расширена, но все же оставалась недостаточной. Из 2700 владений, насчитывавшихся в Гродно во второй половине 1930-х гг., к водопроводу были подключены 1750, или 65%¹⁹⁶. При этом его мощностей не хватало, чтобы удовлетворить потребности подключенных к нему горожан¹⁹⁷.

Построенный в Бресте в 1914 г. водопровод, длина которого составляла 4,4 км, после войны перешел в собственность властей города. Но из-за финансовых проблем и бесхозяйственности муниципальных деятелей на протяжении 1920-х гг. его не удалось ввести в действие. Вначале не получилось наладить работу построенного до войны насоса для забора воды из реки Мухавец, затем из-за технических ошибок сорвались

---

¹⁹⁴ *Glatman E.* Elektryfikacja wojew. Wileńskiego i Nowogródzkiego // *Samorząd miejski*. 1931. № 19. S. 1039–1040.

¹⁹⁵ В середине 1930-х гг. Государственная ликвидационная комиссия, которая отвечала за оценку военных разрушений в годы мировой войны и их компенсацию со стороны других стран, рассматривая водопровод как военную добычу, потребовала от города возврата всей прибыли от его деятельности до 1935 г., а также части стоимости его строительства. Власти Гродно, естественно, не согласились с этим требованием, опротестовав его в суде (ГАГО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 303. Л. 32. Акт проверки финансовой и хозяйственной деятельности городского управления г. Гродно за 1936 г.).

¹⁹⁶ ГАГО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 303. Л. 32.

¹⁹⁷ *Samorząd miejski*. 1933. № 3. S. 161–162.

попытки обеспечить водопровод водой из артезианских скважин. Только в 1931 г. со второго раза удалось обеспечить достаточную добычу чистой воды из буровых скважин и ввести водопровод в эксплуатацию¹⁹⁸. В межвоенные годы была расширена водопроводная сеть, длина которой в конце 1930-х гг. составляла почти 18 км. К водопроводу в Бресте в это время было подключено 270 домов, отпуск воды из него, для сравнения, был в 8 раз меньше, чем в Гродно. Одновременно около 100 домов в Бресте были подключены к канализации, работы по возведению которой начались в середине 1930-х гг. в счет полученного от Фонда труда кредита¹⁹⁹.

Городские власти обычно устанавливали высокую плату за услуги муниципальных предприятий. Этому способствовали большая площадь и низкая плотность городов в силу сельского характера застройки, делавшие их строительство и содержание более дорогостоящими. Кроме того, при скудости источников финансовых поступлений муниципальные органы часто пытались получить от городских предприятий максимальный доход за счет жителей.

Некомпетентность или личная заинтересованность городских руководителей вели к тому, что в многочисленных случаях муниципальные предприятия передавались частным предпринимателям в концессию на невыгодных для города условиях. В отчетах о ревизии муниципальных органов на протяжении межвоенного периода указывалось, что договоры с предпринимателями об электрификации, аренде городских скотобоен на неприбыльных условиях были заключены в Коссово, Несвиже, Пружанах, Ружанах и др.²⁰⁰ Как следует из проведенной

---

¹⁹⁸ Ibid. № 20. S. 1084–1085.

¹⁹⁹ Ibid. 1938. № 18. S. 1185, 1187.

²⁰⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1049. Л. 54. Отчет об инспекции органов самоуправления Коссовского повета, проведенной воеводским инспектором В. Бендером 17–30 апреля 1930 г.; Там же. Оп. 4. Д. 237. Л. 18. Протокол инспекции магистрата г. Ружаны, проведенной поветовым инспектором

в 1933 г. инспекции, суммы, выплачиваемые магистратом Высоко-Литовска на освещение частному лицу, на практике являлись дотацией, поскольку в городе никакого освещения не было²⁰¹.

Крайняя отсталость городского хозяйства на западнобелорусских землях была фактором, сдерживающим экономическое развитие не только городов, но и региона в целом. В частности, примитивно организованные, несоответствовавшие санитарным и техническим требованиям городские скотобойни и скотные рынки делали невозможным увеличение торговых оборотов относительно хорошо развитого скотоводства. Отсутствие холодильников и складов для хранения не позволяло вывозить мясную продукцию за пределы региона, из-за чего ее сбыт в основном ограничивался местным рынком²⁰². Власти большинства западнобелорусских городов за межвоенное двадцатилетие не сумели перестроить и улучшить оставшиеся им с довоенного времени скотобойни.

В начале 1930-х гг. сорвалась попытка организовать городскую автобусную коммуникацию в Бресте, причина заключалась в плохом состоянии городских дорог – предприниматели, посчитав, что это приведет к дополнительным издержкам при эксплуатации транспорта, отказались от участия в проекте²⁰³.

***

Проведение съемочных и планировочных работ, являющихся основой для регулирования застройки и капитальных работ в городах, для

самоуправления Г. Скшинским в период с 30 июля по 6 августа 1928 г.; Там же. Д. 240. Л. 19. Отчет об инспекции органов самоуправления Пружанского повета, проведенной 7–18 февраля 1927 г. служащим ПВУ Ф. Усаевичем; ГАГО. Ф. 564. Оп. 1. Д. 37. Л. 2. Отчет о деятельности магистрата г. Несвижа. 1928 г.

²⁰¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 34. Л. 7.

²⁰² *Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego*. S. 18; *Nagurski T. Przemysł i handel w Wileńskim i Nowogródzkim*. Wilno, 1934. S. 23, 52; *Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych w Nowogródku*. S. 76.

²⁰³ *Samorząd miejski*. 1938. № 6. S. 481–482.

органов городского самоуправления на западнобелорусских землях в межвоенный период, как правило, было непосильной задачей. В 1937 г. брестский президент М. Вуйтик, ссылаясь на результаты проведенного Союзом польских городов анкетирования, утверждал, что в четырех восточных воеводствах «только 8 городов завершили топографические планы, 4 имеют проекты планировки, 18 работают над этими вопросами, а 20 городов до сих пор к решению этой элементарной для каждого города проблемы вообще не приступили»²⁰⁴.

Важнейшим препятствием для составления дорогостоящих топографических и проектных планов, помимо финансовых трудностей городского самоуправления, являлась значительная площадь западнобелорусских городов при низкой плотности жителей, а также высокие требования, предъявлявшиеся польским законодательством к подготовке этих документов, без скидки на региональные отличия. Все это вело к дальнейшему увеличению стоимости работ. Также сказывалась нехватка технического персонала, которая затрудняла не только подготовку планов, но и выработку локальных предписаний, регламентирующих строительство в городах. Например, в начале 1930-х гг. в Полесском воеводстве работали только 5 архитекторов, в том числе 2 городских в Бресте и Пинске²⁰⁵. В итоге городские власти в значительной степени не выполняли свои функции по регулированию частного строительства в городах, которые застраивались непланомерно и хаотично. В свою очередь, нерациональная застройка усложняла самоуправлению его задания в сфере благоустройства, поддержания санитарии, пожарной безопасности, капитальных работ.

На страницах газеты «Самоуправление» бывший президент Гродно Рончашек представил яркое описание городов восточных и центральных

---

²⁰⁴ Wężyk M. Potrzeby inwestycyjne miast województw wschodnich // Zjazd miast województw wschodnich... S. 24.

²⁰⁵ Samorząd miejski. 1931. Z. 1. S. 73.

воеводств Польши: «...плохо застроенные, часто отвратительными в своем уродстве домами, с тесными, искривленными улицами, грязные, тонут летом в туманах пыли, а осенью в вязкой грязи, зимой и в весенние дни в слякоти. Они лишены... даже элементарных примет цивилизованной жизни, таких как мостовые, водопроводы, а часто и электрического освещения... Нехватка клубов, домов культуры и даже кафе затрудняет развитие общественной и организационной жизни. Личная жизнь людей замыкается в четырех стенах домов, чаще всего грязных, неудобных... нехватка библиотек, театров, читален подавляет в жителях интеллектуальные и художественные интересы. Как же часто угасают в этих условиях все высшие личные стремления! Жизнь в этих городах течет медленно, сонно, лишена всякой интенсивности переживаний... Одной из главных причин настоящего состояния наших городов является бесплановость и хаос в их застройке, случайность, отсутствие всякой логики и конструкторской мысли в их развитии и расширении. Улицы в городах бегут, как хотят, а скорее как устроит случай, кривые, запутанные, беспорядочные; каждый дом отличается от другого, не согласован с окружением; каждый стоит иначе, часто косо или торцевой стеной к улице... То, что жизнь жителей наших городов в сто раз более убогая и более бедная, что они лишены всех признаков порядка, эстетики и красоты, главным образом следует приписать бесплановой застройке городов, отсутствию топографических планов и проектов планировки... К сожалению, города бывшего Царства Польского и кресов еще далеки от введения плановости в застройке. Одна из главных причин заключается в недооценке этого дела членами магистратов и городских советов»²⁰⁶, – утверждал автор статьи.

Географ, сотрудник Виленского университета В. Ревеньская опубликовала ряд содержательных работ, посвященных географии городов

---

²⁰⁶ *Rączaszek A.* Najważniejszy problem miast // *Samarzęd.* 1931. № 37. S. 610–611; *Ibid.* № 42. S. 689.

восточных воеводств Польши. Характеризуя развитие городской застройки, она указывала, что по мере разрастания семьи принадлежавший ей земельный участок первоначально делился на две равные части, на которых возводились новые жилые и хозяйственные постройки. Дальнейшее развитие застройки не подчинялось никаким правилам и происходило совершенно случайно. «Из-за отсутствия ипотечных книг и кадастра участки не были точно измерены, что в результате приводило к их переплетению и смешению между собой, вызывая этот характерный для пейзажа городов на рассматриваемой территории строительный хаос»²⁰⁷, – писала Ревеньская.

Отчитывавшийся в 1929 г. полесскому воеводе столинский поветовый староста сообщал о том, что многочисленные пожары вели к улучшению внешнего вида городов повета²⁰⁸. Та же мысль проясняется в заметке на страницах «Самоуправления»: «предместья... (городов восточных воеводств. – А. Д.) заполняются диким хаосом строений, глумящихся над всеми правилами строительства и покрывающих лабиринтом улочек и заулков, настолько противоречащих элементарным требованиям урбанистики, что единственным выходом может быть только... всеобщий пожар»²⁰⁹.

В западнобелорусских городах преобладала деревянная застройка сельского типа, кирпичными зданиями была застроена, как правило, только центральная часть более крупных городов. В частности, в городах Новогрудского и Полесского воеводств кирпичными были 13–14%

---

²⁰⁷ *Rewieńska W.* Miasta i miasteczka w północno-wschodniej Polsce. Położenie topograficzne, rozplanowanie, fizjonomia. Studium antropogeograficzne. Wilno, 1938. S. 104–105.

²⁰⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 33. Л. 122. Письмо столинского старосты полесскому воеводе. 19 ноября 1929 г.

²⁰⁹ *Botkowicz-Sittauer E.* Regulacja miast – Fundusz pracy – a przepisy budowlane // Samorząd. 1933. № 50. S. 762.

домов²¹⁰. Наибольший удельный вес кирпичной застройки был в Гродно (39%) и Бресте (27%)²¹¹. «На главных улицах тротуары, правда, узенькие, в одну плиту, но бетонные. В центре города сосредотачиваются одноэтажные каменные дома, выглядящие в целом симпатично. В нескольких шагах от центра города начинаются долгие ряды деревянных зданий, заборы, сгорбленные, неровные домики, в которых живут 32 тыс. человек. Это нищее население, занятое преимущественно ремеслом и мелкой торговлей. Город немного грустный, выглядящий как далеко растянувшиеся поля, отражается монотонностью в лицах жителей»²¹², – так описывала Барановичи корреспондент из Варшавы Б. Джевская, посетившая город в 1939 г. В отношении городов Виленского, Новогрудского и северо-восточной части Белостокского воеводств Ревеньская подчеркивала слабую степень урбанизации пейзажа городских поселений. По ее свидетельству, за пределами небольшого по своим размерам центра проявлялось преобладание сельского элемента над городским: «Понятие города отрицают раз за разом встречаемые немощные улицы, обширные дворы, огороды, кустарники и хлебные поля»²¹³.

Тесная взаимосвязь между национальной и профессиональной принадлежностью городских жителей отражалась в концентрации различных национальных групп в определенных районах городов. На примере Березы этот процесс охарактеризовала Ревеньская: «Еврейский элемент, как и в большинстве других городов и местечек Польши, занимает рынок и прилегающие улицы. Чем дальше от центра, тем меньше

---

²¹⁰ Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Nieruchomości i budynki w miastach. S. 8.

²¹¹ Leszczycki S. Typy fizjonomiczne miast Polski // Samorząd terytorjalny. 1936. Z. 1–2. S. 69.

²¹² Drzewska B. Brud i ciemnota na kresach wschodnich // Kurjer Białostocki. 1939. 21 marca. № 21. S. 6.

²¹³ Rewieńska W. Miasta i miasteczka w północno-wschodniej Polsce... S. 107–108.

евреев, на окраинах Березы их число почти равно нулю. Польско-белорусский элемент занимает, прежде всего, южную и юго-восточную окраины города, а именно Здитовскую, Кутницкую, Домбровскую улицы, составляя здесь 60–90 % жителей». Еврейское население проживало в старых районах, проникая по мере развития поселения в новые районы и оттесняя христианское население далее на периферию. По свидетельству Ревеньской, на рынке и прилегающих улицах проживали купцы, а также ремесленники, которые одновременно являлись и производителями, и продавцами своей продукции. Представители свободных профессий и промышленники концентрировались в юго-западной части города, самом богатом и чистом районе с «относительно более культурными условиями жизни». Крестьяне проживали в юго-восточной части Березы, где составляли более 60% жителей, а также повсеместно на периферии города. Также на окраинах жили наемные рабочие²¹⁴.

Таким образом, усилия городского самоуправления принесли ограниченный результат на фоне огромных потребностей. Уровень благоустроенности и санитарии в городах оставался низким, здравоохранение малодоступным, муниципальным властям во многих случаях приходилось оставлять без социальной поддержки нуждавшихся в ней. Хотя показатели охвата детей начальным школьным образованием за межвоенный период заметно улучшились, ситуация в этой сфере все же была неудовлетворительной для своего времени, кроме того, усилия по развитию школы помимо просвещения в качестве важнейшей цели преследовали полонизацию белорусов. Крайняя отсталость в сфере коммунального хозяйства не только означала, что большинство горожан были лишены возможности пользоваться удобствами, которые в это время являлись нормой для европейских стран, но и становилась дополнительным тормозом экономической жизни региона в целом.

---

²¹⁴ *Rewieńska W.* Bereza Kartuska, wybrane rozdziały z antropogeografii miasteczka. Wilno, 1934. S. 47, 49–50.

Городские власти были не в состоянии эффективно регулировать застройку городов. Огромные диспропорции в важнейших показателях хозяйственной и культурной жизни между западнобелорусскими и этнически польскими землями в межвоенное двадцатилетие сохранились.

***

Одной из главных причин, обусловивших низкую эффективность работы городского самоуправления на западнобелорусских землях, являлась их стабильно тяжелая финансовая ситуация на протяжении большей части межвоенного периода. На фоне общей социально-экономической отсталости региона слаборазвитые производство и торговля не могли быть источником существенных налоговых поступлений в городские бюджеты. Это же касается и местных жителей, разоренных войной, которые на фоне экономических трудностей во многих случаях были обречены на нищету.

Следующим фактором была неблагоприятная политика государственной администрации в отношении территориального самоуправления. Оставляя в стороне вопрос о финансовых возможностях Польского государства, бюджет которого был отягощен многочисленными проблемами, отметим, что перекладывание основных обязательств по удовлетворению локальных нужд на самоуправление, которые заведомо превышали его возможности, фактически означало отказ государства от исполнения многих общественных функций и предопределяло их невыполнение. М. Поровский, выступая в 1937 г. на конференции Союза польских городов и Союза промышленно-торговых палат, разъяснял, что падение доходов городов на протяжении 1930-х гг. объяснялось не только экономическим кризисом, но и сокращением позиций, с которых городским властям поступали налоги. Также он указывал на постоянное увеличение их обязательств, в частности, на самоуправление практически целиком были возложены проблемы социального обеспечения,

здравоохранения, начального образования, строительства дорог. «В связи с этим возникает вопрос, могут и должны ли эти дела и дальше рассматриваться как второстепенные, которые могут подождать, пока все государственные нужды будут улажены в рамках государственного бюджета, или пока не наступят в будущем какие-то специально благоприятные условия, и тогда будет можно совершить определенные перемещения из государственного бюджета в бюджеты самоуправления или залезть в карман жителей»²¹⁵, – спрашивал директор Союза польских городов.

Наконец, принципиальным являлся человеческий фактор: эффективность работы городского самоуправления напрямую зависела от деловых и личных качеств чиновников муниципальных органов. Назначенные по усмотрению государственной администрации или образованные в результате относительно демократичных выборов во второй половине 1920-х, находившиеся под пристальным контролем воеводских и повтовых властей или предоставленные самим себе, члены городского самоуправления на западнобелорусских землях в большинстве случаев демонстрировали недостаток инициативы и энергии, непонимание значения своих обязанностей, были неспособны к эффективной работе по улучшению условий жизни городских жителей. Невысокому качеству работы муниципальных органов в межвоенные годы способствовали отсутствие у муниципальных служащих соответствующей подготовки, перегруженность обязанностями, низкая оплата труда, межнациональные и межпартийные конфликты и др.

Примером служит деятельность городского самоуправления Пинска, экономического центра Полесского воеводства. В первой половине 1920-х гг. жители Пинска, недовольные работой назначенных государственной

---

²¹⁵ Protokół Konferencji Związku Miast Polskich ze Związkiem Izb Przemysłowo-Handlowych odbytej w dn. 10 grudnia 1937 r. // Samorząd miejski. 1938. № 1–2. S. 32–33.

администраций в период польско-советской войны городских властей, упорно добивались созыва выборного самоуправления, с которыми связывали надежды на улучшение условий жизни. «Пинск, имея все предпосылки для того, чтобы самостоятельно вести городское хозяйство, должен надеяться, что в недалеком будущем в хозяйственном отношении станет наравне с другими выделенными городами Польши»²¹⁶, – сообщалось в 1925 г. в заметке в газете «Самоуправление».

Но надеждам пинчан не суждено было оправдаться. Хотя муниципальные выборы вскоре состоялись, избранные горожанами депутаты погрязли в межпартийных и межнациональных склоках, стараясь обеспечить интересы собственных избирателей нередко в ущерб общественному интересу. Люстрации, проведенные в 1927 и 1928 гг., показали критическое состояние городского хозяйства Пинска. Вину за это инспекторы возложили на непрофессионализм членов магистрата и, в первую очередь, президента города отставного генерала Залевского, который в начале 1929 г. был снят с должности. Назначенный государственной администрацией вместо него врач С. Мончинский, испортив себе репутацию «с этической точки зрения», через восемь месяцев также был отстранен. В конце 1929 г. взаимные противоречия не позволили советникам договориться между собой и избрать нового президента, поэтому полесский воевода на эту должность назначил подполковника в отставке Стефана Джордана. Городской совет, посчитавший это нарушением своего права на определение руководителя города, отнесся к новому президенту враждебно и демонстративно отказался принимать городской бюджет на 1930 г. Как отмечалось в отчете о проведенной в конце 1930 г. люстрации, Джордан, хотя не смог «полностью овладеть положением и склонить расколотый партийными раздорами городской совет к добросовестной рациональной работе», все

---

²¹⁶ Samorząd. 1925. № 45. S. 897.

же добился некоторых практических результатов. В частности, был проведен ремонт зданий, в которых размещались городские учреждения, починены мостовые, было подготовлено соглашение об освещении города на выгодных условиях²¹⁷.

Но в целом пинские городские власти и дальше не отличались эффективной работой, условия жизни горожан до конца межвоенного двадцатилетия оставались неблагоприятными. В 1930 г. в официальной газете «Полесский экспресс» появилась статья с острой критикой в адрес самоуправления Пинска: «Мы помним период хозяйствования назначенного бургомистра с назначенным советом. Дальше наступил период назначенного бургомистра без всякого совета, затем с 1927 г. управляли президенты города, избранные советом, который сам был избран широкими слоями населения. Теперь, с конца 1929 г., начинается четвертый период под эгидой назначенного властями президента, который хозяйствует вместе с советом с предыдущих выборов. Я глубоко уверен, что никто из жителей Пинска не сможет перечислить фамилии 9 сменившихся (за период с 1919 по 1930 гг. – А. Д.) руководителей города... Город насчитывает около 30 тыс. жителей, годовые расходы достигли 11 180 000 злотых²¹⁸, при этом нет канализации, водопровода, достаточного количества вымощенных дорог и тротуаров, электричество покупается у управления железной дороги. Город для своей администрации арендует несоответствующее помещение, не имеет собственной больницы. Городская бойня расположена в трущобе, а пожарная служба в снимаемой будке»²¹⁹.

В 1932 г. на страницах белостокской газеты «Добрый день» были опубликованы многочисленные письма жителей Пинска с жалобами на

---

²¹⁷ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 2–4.

²¹⁸ Так в тексте. В действительности бюджет Пинска выражался значительно меньшей цифрой, например, в 1932–1933 г. он составлял 647 тыс. злотых (Statystyka samorządowa. 1932/1933. S. 22).

²¹⁹ Express Poleski. 1930. 2 stycznia. № 2. S. 4.

злоупотребления со стороны городских властей, которые, как можно предположить, не имели возможности публично высказаться в родном городе. Судя по этим письмам, в Пинском магистрате повседневной практикой было вымогательство взяток за решение различных текущих вопросов²²⁰. Всеобщую ненависть вызывал начальник городской тюрьмы Леон Тартак, в прошлом во главе преступной банды безнаказанно совершавший разбойные нападения на горожан, а на официальной должности избивавший и издевавшийся над заключенными, среди которых многие были законопослушными гражданами, оказавшимися в заключении из-за неоплаты причитавшихся городу сумм²²¹. Неравнодушный житель Пинска Юзеф Гаган, в 1930 г. принятый на должность городского налогового инспектора, был возмущен принятым здесь способом взимания налогов с горожан. По его свидетельству, в кассе магистрата отказывались принимать вовремя оплачиваемые местные налоги, открыто заставляя жителей наряду с основной суммой, обычно в размере 2 злотых, также платить пеню за просрочку, составлявшую 1,5 злотых. В ответ на протесты против подобной практики в адрес руководства города Гаган услышал, что не может работать налоговым инспектором, «поскольку принимает слишком близко к сердцу бедствия жителей Пинска». Дело закончилось его увольнением, также магистрат подал против него судебный иск за клевету, но суд оправдал Гагана. Два его письменных обращения полесскому воеводе по поводу этих событий остались без ответа. Система социального обеспечения, по мнению Гагана, который далее стал одним из 12 социальных опекунов²²² Пинска, представляла собой «картину нищеты и

---

²²⁰ Czyżby łapownictwo w magistracie m. Pińska // Dzień Dobry! Gazeta Białostocka. 1932. 15 stycznia. № 15. S. 5.

²²¹ Dzień Dobry! Gazeta Białostocka. 1932. 5 lutego. № 36. S. 3.

²²² Институт социальных опекунов, определявшихся коммунальными органами из числа местного населения, был введен в 1928 г. В их обязанности входило обследование материального положения жителей и принятие решений, в какой степени они нуждались в помощи, контроль над выполнением

отчаяния». Результаты обследования социальными опекунами положения жителей и соответствующие выводы о необходимой социальной помощи игнорировались. Взамен отдел социального обеспечения магистрата посылал на место налоговых инспекторов, мнение которых относительно потребности в социальной поддержке обычно было неблагоприятным для горожан²²³.

В конце 1930-х гг. в числе городских предприятий Пинска значились лишь скотобойня и городская аптека. Без существенных улучшений оставалась ситуация со снабжением водой. «Пинск в огромном большинстве лишен здоровой воды для питья. В городе недостаточно колодцев, из них очень многие с водой, непригодной для употребления, т.к. в ней полно микробов... Поэтому нет ничего удивительного, что Пинск так часто посещают такие болезни как тиф, краснуха и т.п.», – указывалось в местной газете в 1937 г. Пинский совет в 1936 г. решил приступить к строительству водопровода. Однако государственная администрация отказалась утверждать это решение, считая первоочередной задачей для города сооружение новой скотобойни. Это вызвало возмущение жителей, в результате строительство водопровода все же началось, но в 1939 г. оно было далеко от завершения²²⁴.

В то же время там, где инициатива и ответственность городских руководителей совпадали со стремлением жителей собственными силами улучшить свою жизнь, удавалось достигнуть немало. Избранные в 1926 г. муниципальные органы Барановичей энергично приступили к организации хозяйственной жизни города. Если до 1927 г. в Барановичах

законодательства в социальной сфере и др. Должность социального опекуна была почетной и не оплачивалась (Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dn. 6 marca 1928 r. o opiekunach społecznych i komisjach opieki społecznej // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1928. Nr. 29. Poz. 267. S. 544–545).

²²³ Gagan J. A jednak niedobrze jest w Pińsku! // Dzień Dobry! Gazeta Białostocka. 1932. 10 lutego. № 41. S. 3.

²²⁴ Wodociągi w Pińsku – jeszcze tylko w sferze marzeń // Polesie. 1937. 14 lutego. № 6. S. 3.

не было ни одного коммунального предприятия, то уже к началу 1930-х гг. городским властям удалось построить крупнейшую на западнобелорусских землях скотобойню, оборудование которой позволяло вывозить мясо за пределы региона, бетонный завод и городскую баню, вымостить и засадить деревьями значительное количество улиц²²⁵.

Другим примером служит Сморгонь. Строительство в 1870-е гг. Либаво-Роменской железной дороги, прошедшей через город, положило начало его стремительному хозяйственному развитию и превращению в центр кожевенной и обувной промышленности. Накануне Первой мировой войны здесь насчитывалось 40 предприятий, многие из которых были оснащены современным на то время оборудованием, общее количество промышленных рабочих превышало 5 тысяч. Всего в городе проживало около 12 тыс. человек, он в значительной степени был застроен кирпичными домами²²⁶. Осенью 1915 г. Сморгонь была полностью разрушена в результате двухмесячных ожесточенных боев, которые велись за город, все жители были эвакуированы вглубь Российской империи. В 1919 г. здесь жило лишь 160 человек, вернувшихся из эвакуации, вынужденных ютиться в развалинах и землянках²²⁷.

В 1920-е гг. город начал возрождаться: возвращались репатрианты, отстраивались дома, развивались ремесло и торговля, хотя Сморгонь уже больше никогда не стала промышленным центром. К концу 1920-х гг. количество жителей достигло 6 тыс. человек, городским властям, несмотря на практически полное отсутствие государственной помощи, удалось замостить улицы, построить две школы, современную электростанцию, здания для магистрата и суда, торговые помещения, отреставрировать

---

²²⁵ *Winnikow. Baranowicze // Samorząd miejski. 1930. № 21. S. 1028–1029; Samorząd miejski. 1936. № 23. S. 1531.*

²²⁶ *Wysocki A. W mieście “akademickiem” Smorgoniach // Rocznik ziem wschodnich. 1939 / pod red. E. Rülego. Warszawa, 1938. S. 280–281; Nagurski T. Przemysł i handel... S. 25.*

²²⁷ *Wysocki A. W mieście “akademickiem” Smorgoniach... S. 280–281.*

костел и православную церковь. Стремительное восстановление города породило у его жителей надежды на перенос центра староства из Ошмян в Сморгонь²²⁸.

Экономический кризис изменил траекторию развития Сморгони: были прекращены капитальные работы, к 1931 г. закрылись все промышленные предприятия, население стало сокращаться из-за оттока оставшихся без работы ремесленников и рабочих, финансы города оказались в безнадежном положении²²⁹. В 1932 г. государственная администрация приняла решение перевести Сморгонь в разряд сельских населенных пунктов, но единогласный протест жителей позволил сохранить городской статус. Один из деятелей самоуправления города Высоцкий констатировал: «Богатство нынешней Сморгони, к сожалению, составляют руины, которые в таком количестве не встретишь ни в одном другом городе Польши. Это руины некогда величественных фабричных зданий и жилых домов»²³⁰.

Таким образом, наряду с финансовыми проблемами низкую эффективность работы городского самоуправления на западнобелорусских землях определяла неблагоприятная политика центральных властей, которые постоянно сокращали источники финансовых поступлений коммунальных органов в пользу государственного бюджета и одновременно возлагали на них все больше обязанностей, выполнение которых заведомо превышало их возможности. Следующим фактором были профессиональные качества муниципальных деятелей, которые в большинстве случаев демонстрировали пассивность и слабую заинтересованность в развитии городов, непонимание значения своих обязанностей, были неспособны к эффективным действиям по улучшению условий жизни жителей.

---

²²⁸ Ibid. S. 282.

²²⁹ Ibid; *Полуян И.В.* Западная Белоруссия... С. 24.

²³⁰ *Wysocki A.* W mieście “akademickiem” Smorgoniach... S. 283.

Заключение

На протяжении 1920–1930-х гг. политика польских властей в отношении непольских жителей в основном сводилась к дискриминационным и запретительным мерам. Стимулы, которые бы вели на практике к достижению цели полонизаторской политики – формированию у них польской национальной идентичности и лояльности к государству, отсутствовали. Жесткая национальная политика властей лишь подпитывала враждебность белорусов, т.е. приводила к результатам, противоположным ожидаемым, и, соответственно, противоречила польским интересам. К тому же во многих случаях дискриминационные по отношению к непольскому населению меры проводились в жизнь непоследовательно и нередко практически не затрагивали отдаленные от крупных городов сельские и небольшие городские поселения. На фоне экономической отсталости региона западнобелорусские города лишь в незначительной степени исполняли свои функции торгового, промышленного и культурного центра сельской округи, оставаясь в основном административно-политическими образованиями, что ограничивало их роль проводника польского влияния на белорусское сельское население. Польские власти не смогли обеспечить поднятие уровня жизни местных жителей, соответственно, единственное положительное условие в планах полонизации белорусов осталось нереализованным.

В период польско-советской войны для прикрытия экспансионистских замыслов на востоке глава Польского государства Ю. Пилсудский обратился к идее федерации под эгидой Польши Литвы и Белоруссии, в рамках которой обещал ввести демократичное местное

самоуправление. Однако проведение свободных коммунальных выборов в условиях, когда среди непольского большинства преобладал антипольский настрой, спровоцированный произволом польской армии и гражданской администрации, привело бы к образованию нелояльных к Польше местных органов власти. Допускать этого поляки не собирались. На практике в большинстве случаев состав органов городского самоуправления был образован по назначению властей, вплоть до государственного переворота 1926 г. горожане были лишены возможности каким-либо образом влиять на их работу.

В рамках объявленной после государственного переворота 1926 г. в качестве официальной программы национальной политики «государственной ассимиляции» были обещаны национально-культурные уступки в пользу непольских жителей. Некоторые пилсудчики подчеркивали роль самоуправления в новой национальной политике: участие в нем представителей всех национальностей на основе принципа равноправия и справедливой репрезентации должно было, по их мнению, гарантировать сближение польского и непольского населения. В 1927–1928 гг. на западнобелорусских землях состоялись сравнительно свободные местные выборы, на которых большинство мест в городских органах получили евреи. Однако попытка использовать самоуправление как одно из средств преодоления напряженности в отношениях с национальными меньшинствами закончилась неудачей. Этому способствовало, с одной стороны, неготовность городских жителей, расколотых по этноконфессиональному и политическому признаку, к совместной работе ради общих целей, с другой, отсутствие последовательности в действиях в отношении национальных меньшинств со стороны государственной администрации, которая на практике постоянно вмешивалась в работу городского самоуправления, направляя ее в русло преимущественного удовлетворения интересов польских жителей.

На протяжении 1930-х гг. по мере дрейфа режима «санации» в сторону свертывания демократии местное самоуправление оказалось под жестким контролем государственной администрации. Она использовала различные манипуляции и прямые фальсификации на муниципальных выборах, обеспечив полякам доминирующие позиции в органах самоуправления западнобелорусских городов, представительство национальных меньшинств резко сократилось. Одновременно были исключены оппозиционные депутаты. На городских выборах 1934 и 1939 гг. поляки получили большинство мест.

Муниципальные органы стали одним из средств полонизации западнобелорусского региона, опекая исключительно польское образование, культуру, поддерживая польские производственные и торговые предприятия, поощряя городскую колонизацию из этнически польских земель.

Финансовое состояние городского самоуправления на западнобелорусских землях на протяжении большей части межвоенного периода являлось критическим, что позволяло ему лишь частично удовлетворять текущие нужды и в небольшой степени осуществлять капиталовложения для преодоления отсталости. При этом практически любые инвестиции осуществлялись в кредит, а обслуживание задолженности нередко становилось неподъемной ношей для скромных бюджетов муниципальных властей.

Перспективы развития западнобелорусских городов в межвоенное время практически отсутствовали. Источники дохода муниципальных органов были крайне ограничены, их не хватало на какие-либо масштабные начинания. Государственные инвестиции были незначительными, частный капитал также обходил регион стороной. Такая ситуация, по сути, исключала возможность успешного развития городов.

Усилия городских властей принесли ограниченный результат на фоне огромных потребностей и задач.

Наряду с финансовыми проблемами низкую эффективность работы городского самоуправления на западнобелорусских землях определяла неблагоприятная политика центральных властей, которые постоянно сокращали источники финансовых поступлений муниципальных органов в пользу государственного бюджета и одновременно возлагали на них все больше обязанностей, выполнение которых заведомо превышало их возможности. Следующей причиной были профессиональные качества коммунальных деятелей, которые в большинстве случаев демонстрировали пассивность и слабую заинтересованность в развитии городов, неосознание значения своих заданий, были неспособны к эффективным действиям по улучшению условий жизни жителей. Недостаточный общественный контроль и несоответствующее выполнение обязанностей местными органами государственной власти нередко позволяли отдельным деятелям или группам, образованным по национальному или политическому признаку, поставить муниципальные органы под свой контроль, используя его в корыстных целях.

Но были и положительные примеры. В тех случаях, когда должности в муниципалитетах замещали умелые и энергичные администраторы, как по назначению государственных властей, так и в результате относительно свободных выборов во второй половине 1920-х гг., удавалось внести заметный вклад в улучшение условий жизни горожан.

Список сокращений и условных обозначений

- ББСП – Беспартийный блок сотрудничества с правительством.
- БВУ – Белостокская воеводская управа.
- БКРГ – Белорусская крестьянско-рабочая громада.
- БХД – Белорусская христианская демократия.
- ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
- ГУВЗ – Гражданское управление восточных земель.
- ЕКГМ – Еврейский клуб государственной мысли.
- КПБ – Коммунистическая партия Белоруссии.
- КП(б)Б – Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии.
- КПЗБ – Коммунистическая партия Западной Белоруссии.
- ЛНО – Лагерь национального объединения.
- НВУ – Новогрудская воеводская управа.
- ПВУ – Полесская воеводская управа.
- ППС (PPS – Polska Partia Socjalistyczna) – Польская социалистическая партия.
- РНО – Русское национальное объединение.
- ХД – Христианская демократия.

Список источников и литературы

Источники

Архивы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 122, Референтура по Польше.
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 46, Гродненское городское управление. Ф. 47, Индурское городское управление. Ф. 541, Несвижское поветовое староство. Ф. 551, Новогрудская воеводская управа. Ф. 564, Несвижское городское управление.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1, Полеская воеводская управа. Ф. 2, Брестское поветовое староство. Ф. 5, Брестский городской магистрат. Ф. 6, Пружанский городской магистрат. Ф. 9, Каменец-Литовский городской магистрат. Ф. 67, Командование корпуса округа № 9 Министерства военных дел Польши (г. Брест). Ф. 2001, Пинское поветовое староство. Ф. 2002, Лунинецкое поветовое староство. Ф. 2003, Столинское поветовое староство. Ф. 2005, Пинский городской магистрат.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308 (к.), Второй отдел Генерального штаба Польши (г. Варшава). Ф. 471 (к.), Верховное командование Войска Польского (г. Варшава).
5. Archiwum Państwowe w Białymstoku (APwB). Zespół 47, Urząd Wojewódzki Białostocki. 1920–1939. Документы доступны на сайте Подляшской электронной библиотеки. URL:

<http://pbc.biaman.pl/dlibra/publication?id=27754&from> (дата обращения: 30.10.2013).

6. Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy (BPW). Dział Starych Druków i Rękopisów, Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (ZCZW).

Опубликованные документы

7. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / гл. ред. Е.С. Розенблат. Брест, 2009.

8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. / под ред. Т.Г. Снытко. М., 1964.

9. Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост. А.Н. Вабищевич и др. Минск, 2012.

10. Dziennik Praw Państwa Polskiego. Warszawa, 1919.

11. Dziennik Urzędowy Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. Warszawa, 1919–1939.

12. Dziennik Urzędowy Województwa Poleskiego. Brześć n/B., 1921–1928.

13. Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. Warszawa; Wilno, 1919–1920.

14. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1919–1939.

15. Krótki zarys zagadnienia białoruskiego / Sztab Generalny. Oddział II. Warszawa, 1928.

16. *Madajczyk Cz.* Dokumenty w sprawie polityki narodowościowej władz polskich po przewrocie majowym // *Dzieje Najnowsze*. 1972. № 3. S. 137–169.

17. Oddłużenie samorządu terytorialnego. Sprawozdanie Centralnej komisji oszczędnościowo-oddłużeniowej dla samorządu. Warszawa, 1937.

18. Pamiętnik zjazdu gospodarczego w Oszmianie w dniu 11 października 1931 roku. Wilno, 1932.

19. Poleski Dziennik Wojewódzki. Brześć n/B., 1928–1939.

20. Polski stan posiadania na Polesiu. Brześć n/B., 1939.
21. Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu izby przemysłowo-handlowej w Wilnie w roku 1935. Wilno, 1934.
22. Sprawozdanie wojewody białostockiego z działalności administracji państwowej i samorządowej na obszarze Województwa Białostockiego za czas od 1.4.1936 do 1.4.1937. Białystok, 1937.
23. Sprawozdanie wojewody nowogródzkiego za 1934/1935 rok o ogólnym stanie województwa, pracy administracji państwowej oraz najbliższych zamierzeniach na przyszłość. Nowogródek, 1935.
24. Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych miast województwa Poleskiego. Brześć n/B., 1934.
25. Zjazd działaczy gospodarczych i społecznych w Nowogródku. Nowogródek, 1933.
26. Zjazd miast województw wschodnich (Wileńskie, Nowogródzkie, Wołyńskie i Poleskie). II. Pamiętnik, uchwały, rezolucje. Wilno, 1937.

Мемуары и публицистика

27. *Луцкевіч А.* Барацьба за вызваленьне. Вільня; Беласток, 2009.
28. Мемуары Якова Элиасберга // Диаспоры. 2005. № 4. С. 37–59; Там же. 2007. № 1–2. С. 186–216.
29. *Станкевіч А.* Выбранае. Мінск, 2008.
30. *Станкевіч А.* З Богам да Беларусі. Збор твораў. Вільня, 2008.
31. *Суліма (У.)* Які «самаўрад» гатуе беларускаму народу Польская рэспубліка? Вільня, 1924.
32. *Тараішкевіч Б.* Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады. Мінск, 1991.
33. *Osmołowski J.* Wspomnienia. Biblioteka Narodowa w Warszawie. T. 1. № акс. 6791. T. 2. № акс. 6797.

34. *Szymanowski G.* Dwanaście lat – wspomnienia z lat 1927–1939. Toruń, 1998.
35. *Tarasewic J.* Białorusy u świetle praudy. Wilnia, 1935.
36. *Piłsudski J.* Pisma zbiorowe. T. 5. Warszawa, 1937.

Периодические издания

37. ABC. Pismo codzienne. Brześć n/B., 1927–1928.
38. Chata Polska. Tygodnik ludowy. Białystok; Grodno, 1919–1920.
39. Dziennik Brzeski. Brześć n/B., 1936–1939.
40. Dziennik Poleski. Brześć n/B., 1936.
41. Dzień Dobry! Gazeta Białostocka. Białystok, 1931–1939.
42. Express Poleski. Brześć n/B., 1926–1934.
43. Gazeta Poleska. Pińsk, 1926–1928.
44. Głos Poleski. Pismo tygodniowe. Brześć n/B., 1922–1924.
45. Głos Ziemi Białostockiej. Białystok, 1930–1931.
46. Kurjer Białostocki. Białystok, 1939.
47. Nowy dziennik kresowy. Grodno, 1926–1928, 1930–1933.
48. Pamiętnik Wileńskiego Towarzystwa Lekarskiego. Miesięcznik. Wilno, 1925–1938.
49. Polesie. Tygodnik informacyjny. Pińsk, 1936–1937.
50. Samorząd miejski. Organ Związku Miast Polskich. Warszawa, 1921–1939.
51. Samorząd. Tygodnik poświęcony sprawom samorządu terytorjalnego. Warszawa, 1919–1939.
52. Samorząd terytorjalny. Kwartalnik poświęcony teorji i życiu samorządu terytorjalnego. Warszawa, 1929–1939.
53. Sprawy narodowościowe. Dwumiesięcznik poświęcony badaniu spraw narodowościowych. Warszawa, 1927–1939.

54. Wschód Polski. Dwutygodnik polityczny. Warszawa; Wilno, 1920–1921.

Статистические издания

55. Статистический ежегодник России. 1915 г. Петроград, 1916.

56. Западная Белоруссия (статистический справочник). Минск, 1939.

57. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Polska. Warszawa, 1938.

58. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. Warszawa, 1938.

59. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. Warszawa, 1938.

60. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. Warszawa, 1938.

61. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. Warszawa, 1936.

62. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Nieruchomości i budynki w miastach. Warszawa, 1935.

63. Kwartalnik statystyczny. Warszawa, 1924–1934.

64. Mały Rocznik Statystyczny. Warszawa, 1930–1939.

65. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Okręg Administracyjny Wileński. Warszawa, 1927.

66. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. Warszawa, 1927.
67. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. Warszawa, 1926.
68. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Mieszkania. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Poleskie. Warszawa, 1926.
69. Rocznik Statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1920–1930.
70. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. Województwo Białostockie. Warszawa, 1924.
71. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VII. Cz. I. Województwo Nowogródzkie. Warszawa, 1923.
72. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VII. Cz. II. Ziemia Wileńska. Powiaty: Brasław, Duniłowicze, Dżisna i Wilejka. Warszawa, 1923.
73. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. VIII. Województwo Poleskie. Warszawa, 1924.
74. Statystyka Samorządowa. Warszawa, 1930–1934.
75. Statystyka Samorządu Terytorialnego. Warszawa, 1934–1937.
76. Wiadomości Statystyczne Głównego Urzędu Statystycznego. Warszawa, 1923–1939.
77. Związki samorządowe województwa Wileńskiego w świetle liczb. Okres 1933/34 roku budżetowego. Wilno, 1935.

Литература

78. *Абрамов А., Венский К.* Западная Украина и Западная Белоруссия. Исторический очерк. Л., 1940.

79. *Абрэмбскі Ю.* Сённяшнія людзі Палесся // *ARCHE*. 2013. № 4. С. 453–517.
80. *Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006.
81. *Багданскі Я., Бабровіч Л.* Аб клясавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы Беларускай сялянска-работніцкай грамады. Менск, 1932.
82. *Беларуская сялянска-работніцкая грамада.* Менск, 1928.
83. *Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда.* М., 2010.
84. *Беразоўскі А.* Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў. Менск, 1928.
85. *Бергман А.* Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Мінск, 1996.
86. *Боген Д.* Заходняя Беларусь пад крывавым бізуном польскіх акупантаў. Менск, 1931.
87. *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.
88. *Борисёнок Ю.А.* Наш ответ Пилсудскому. Советская белорусизация как реванш за «чудо на Висле» // *Союзное государство*. 2008. № 3. С. 94–101.
89. *Борисёнок Ю.А.* Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // *Новая и новейшая история*. 2013. № 6. С. 55–65.
90. *Борка А.І.* Мясцовыя органы кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Гродна, 2007.
91. *Брест на перекрестке дорог и эпох: 1019–2009 / А.М. Суворов.* Брест, 2009.

92. *Вабішчэвіч А.М.* Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2004.
93. *Вабішчэвіч А.М.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2008.
94. *Вабішчэвіч А.М.* Этнокультурное положение и этнополитические отношения на западнорусских землях накануне сентября 1939 года // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. / Отв. ред.: О.В. Петровская, Е.Ю. Борисёнок. СПб., 2011. С. 7–24.
95. *Вайцешчык Г.С.* Мясцішкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё: дыс. ... канд. гіст. навук. Гродна, 2013.
96. *Гамулка К.* Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918–1922). Вільня, 2008.
97. *Гарбацэвіч П.* Поленізацыя Заходняй Беларусі. Менск, 1932.
98. *Гарбуноў Ц.* Уз'яднанне беларускага народа ў адзінай савецкай сацыялістычнай дзяржаве. Мінск, 1949.
99. *Гарэцкі Г.* Межы Заходняй Беларусі ў Польшчы (нацыянальны склад насельніцтва Заходняй Беларусі) // Выбранае. Мінск, 2002. С. 116–123.
100. Гісторыя Беларусі. Т 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / гал. рэд. М. Касцюк. Мінск, 2005.
101. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. Мінск, 2011.
102. Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А.М. Літвін і інш. Мінск, 2012.
103. *Глинская Т.* КПЗБ – руководитель освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии, 1924–1928. Минск, 1965.
104. Гродназнаўства. Гісторыя еўрапейскага горада / пад. рэд. В. Карнялюка. Гародня; Wrocław, 2012.

105. Гродно. Историко-экономический очерк / под ред. И.П. Креня и В.М. Жерского. Минск, 1988.
106. Гродно. Исторический очерк. Минск, 1960.
107. *Гуцин А.В.* Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.
108. *Даніловіч В.В.* Дзейнасць арганізацыі «Змаганне» ў Заходняй Беларусі (1927–1930 гг.). Мінск, 2007.
109. *Егоров Г.* Западная Белоруссия. М., 1939.
110. За правильное освещение истории Компартии Западной Белоруссии // Коммунист. 1964. № 8. С. 68–78.
111. *Загідулін А.М.* Нацыянальная і канфесіянальная палітыка польскіх улад у адносінах да беларускага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Гродна, 2005.
112. *Заерко А.Е.* Кровавая граница. Минск, 2002.
113. Западная Украина и Западная Белоруссия. Сталинград, 1939.
114. Заходняя Беларусь пад панскім гнетам і яе вызваленне / пад. рэд. Н.М. Нікольскага і І.Ф. Лочмеля. Мінск, 1940.
115. Заходняя Беларусь у цісках польскіх паноў. Мінск, 1939.
116. Інформацыйны бюлетэнь аб Заходняй Беларусі. № 4–8. Менск, 1931–1933.
117. История Польши. Т.3 / Под ред. Ф.Г. Зуева и др. М., 1956.
118. *Каменская Н.* Уз’яднанне беларускага народа ў адзінай Беларускай савецкай сацыялістычнай дзяржаве. Мінск, 1948.
119. *Клейн Б.С.* За дело правое: Борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920–1938 гг.). Минск, 1986.
120. *Клещев А.* О десятилетии воссоединения белорусского народа в едином Белорусском советском государстве. Минск, 1949.
121. *Кон Ф.* Западная Белоруссия – колония панской Польши. М., 1928.

122. *Короткова Д.А.* Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.
123. Краткая история Польши / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1993.
124. *Кривуть В.И.* Молодежная политика польских властей на территории Западной Беларуси (1926–1939 гг.). Минск, 2009.
125. *Кривуть В.И.* Молодежные организации на территории Западной Беларуси (1929–1939 гг.). Минск, 2008.
126. *Ладысев В.Ф.* В борьбе за демократические права и свободы (Из исторического опыта Компартии Западной Белоруссии, 1926–1938 гг.). Минск, 1988.
127. *Ладысеў У.Ф.* КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934–1938 гг.). Мінск, 1976.
128. *Лаўрэш Л.* Прамысловасць горада Ліды ў 1920–1930-я гады // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст. / рэдкал.: Я.А. Роўба і інш. Гродна, 2010. С. 181–188.
129. Лида. Историко-экономический очерк / под ред. В.П. Верхося и Н.И. Попова. Минск, 1980.
130. *Лисовский С.* Формирование основ национальной политики в отношении белорусских земель // *Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe*. VI. Białystok, 2004. С 389–414.
131. *Лочмель И.Ф.* Очерк истории борьбы белорусского народа против ига польских панов. М., 1940.
132. *Лучанін М.* Заходняя Беларусь пад панаваньнем Польшчы. Менск, 1926.
133. *М. С.* Сучасная Польшча і Заходняя Беларусь // Заходняя Беларусь. Зборнік. Менск, 1925. С. 3–30.
134. *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008.

135. *Мацко А.* Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.). Минск, 1972.
136. *Мелешко В.* Слоним. Исторический очерк. Минск, 1962.
137. *Мілеўскі Я.Е.* Нацыянальная структура гарадскіх рад з 1919 па 1939 год у Віленскім, Навагрудскім і Палескім ваяводствах // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2000. № 1. С. 21–23.
138. *Минаев В.* Западная Белоруссия и Западная Украина под гнетом панской Польши. М., 1939.
139. *Минский Г.* Под игом польских панов. М., 1939.
140. *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.
141. *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сянья: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. Мінск, 1993.
142. *Наркевич С.Н.* Промышленность Западной Белоруссии в период белопольской оккупации (1920–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1965.
143. *Науменко В.Я.* Брест. Историко-экономический очерк. Минск, 1977.
144. *Нетелькин А.* Пинск. Исторический очерк. Минск, 1961.
145. *Павлова М.С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012.
146. *Палуян У.А.* Беларуская сялянска-рабочая грамада. Мінск, 1967.
147. *Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэста.* Кн. 1 / пад. рэд. М.З. Башлакова і інш. Мінск, 1997.
148. *Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Пінска* / пад. рэд. І.В. Камарова і інш. Мінск, 1998.
149. *Пашкевіч А.В.* Нацыянальныя працэсы ў Палескім ваяводстве ў 1920-я гг. праз прызму вынікаў выбарчых кампаній у польскі парламент // *ARCHE*. 2013. № 4. С. 99–210.

150. *Пашкевіч А.В.* Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2006.

151. *Петровская О.В.* Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1. С. 24–41.

152. *Полуян В.А., Полуян И.В.* Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. Минск, 1962.

153. *Полуян В.А.* Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.). Минск, 1978.

154. *Полуян И.В.* Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929–1933 гг. Минск, 1991.

155. *Польскі С.* Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917–1941 гг.). Мінск, 1973.

156. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.

157. *Пилецкий Е.Н.* Пинск. Историко-экономический очерк. Минск, 1988.

158. *Разуванава К.С.* Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926–1936 гг.). Мінск, 2013.

159. *Раков Я.* Состояние промышленности Западной Белоруссии в 1919–1939 гг. // Белорусский политехнический институт. Сборник научных работ. Вып. 58. Минск, 1957. С. 81–108.

160. Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды / Отв. ред. М. Волос и др. М., 2009.

161. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / под ред. А.Н. Мацко и В.Е. Самутина. Минск, 1966.

162. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 1. / редкол.: А.А. Коваленя и др. Минск, 2014.

163. Россия и Польша. История общая и разобшенная / под ред. Е.И. Пивовара и О.В. Павленко. М., 2015.
164. *Рылко М.И., Шпыркова И.Г.* Слоним. Историко-экономический очерк. Минск, 1981.
165. *Савочкин П.З.* Экономическая экспансия иностранного капитала в Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) // Ученые записки БГУ. Вып. 36. Вопросы истории БССР. Минск, 1957. С. 125–153.
166. *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.
167. Скідзель. 500 год у гісторыі / І. Барысаў і інш. Гродна, 2008.
168. *Смоліч А.* Сялянства Заходняй Беларусі // Заходняя Беларусь. Зборнік. Менск, 1925. С. 31–42.
169. *Сталевіч А.* Заходняя Беларусь – каленія Польшчы. Менск, 1930.
170. *Сталевіч А.* Супраць фашысцкай акупацыі. Дзейнасць Беларускай сялянска-работніцкай грамады ў масах. Менск, 1930.
171. *Татаренко А.* Недозволенная памяць. Западная Беларусь в документах и фактах: 1921–1954 гг. СПб., 2006.
172. *Тяжелов П.* Очерки по истории прошлого Западной Украины и Западной Белоруссии. Воронеж, 1939.
173. *Фришман В.* Промышленность Западной Белоруссии. Статистическо-экономическое описание. Минск, 1934.
174. *Цвикевич А.* Политический очерк Западной Белоруссии // Западная Белоруссия. Сборник статей. Кн. 1. Минск, 1927. С. 3–43.
175. *Ціхаміраў А.В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003.
176. *Чернякевич А.Н.* Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 – март 1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2001.

177. *Шнейдер Я.* Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии. Минск, 1936.
178. *Шпарскі С.* Эканамічнае становішча Заходняй Беларусі // Бальшавік Беларусі. 1928. № 2. С. 24–35.
179. *Шчарбакоў В.К.* Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і белапольская окупацыя. Менск, 1930.
180. *Шыбека З.В.* Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет. Курс лекцый. Вільня, 2009.
181. *Шыбека З.В.* Гарады Беларусі (60-я гады 19 – пачатак 20 стагоддзяў). Мінск, 1997.
182. Экономика Советской Белоруссии. 1917–1967. Минск, 1967.
183. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6-ці тамах. Мінск, 1993–2003.
184. *Якаўлеў Л.* Заходняя Беларусь. Менск, 1931.
185. *Ajnenkiel A.* Administracja w Polsce. Zarys historyczny. Warszawa, 1977.
186. *Barański W.* Akcja gospodarcza na ziemiach północno-wschodnich. Wilno, 1934.
187. *Bardach J., Leśnodarski B., Pietrzak M.* Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa, 1977.
188. *Bergman A.* Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984.
189. *Bienkiewicz W.* Niektóre wiadomości o województwie Poleskim // Rocznik Poleski. 1927. Brześć n/B., 1926. S. 29–51.
190. *Borkowski J.* Samorządowe wybory miejskie w 1933–1934 // Z pola walki. 1976. № 3. S. 61–98.
191. *Chojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1978.
192. *Chojnowski A.* Piłsudczycy u władzy. Dzieje Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1986.

193. *Chojnowski A.* Zasady białoruskiej polityki piłsudczyków // Polska – Polacy – mniejszości narodowe / pod red. W. Wrześcińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. S. 269–278.
194. *Cichoracki P.* Droga ku anatemie. Wacław Kostek-Biernacki (1884–1957). Warszawa, 2009.
195. *Cichoracki P.* Województwo Poleskie. 1921–1939. Stosunki polityczne. Łomianki, 2014.
196. *Ciechanowicz L.* Przemysł lidzki w dwudziestoleciu międzywojennym // Ziemia Lidzka. 2000. № 1. URL: http://pawet.net/zl/zl/2000_41/5.html (data обращения: 05.11.2013).
197. *Eberhardt P.* Polska ludność kresowa. Rodowód, liczebność, rozmieszczenie. Warszawa, 1998.
198. *Elski S.* Sprawa białoruska: zarys historyczno-polityczny. Warszawa, 1931.
199. Encyklopedia Historii Drugiej Rzeczypospolitej / pod. red. W. Chmielewskiego i inni. Warszawa, 1999.
200. *Galasiewicz C.* Ziemia nowogródzka. Najpilniejsze gospodarcze i kulturalne potrzeby. Nowogródek, 1936.
201. *Gierowska-Kałłaur J.* Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa, 2003.
202. *Giertych J.* O program polityki kresowej. Warszawa, 1932.
203. *Ginsbert-Gebert A.* Zarys polityki komunalnej. Warszawa, 1977.
204. *Gomółka K.* Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej // Zeszyty naukowe Politechniki Gdańskiej. Gdańsk, 1992.
205. *Gomółka K.* Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918–1922. Warszawa, 1994.
206. Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa Poleskiego. Warszawa, 1937.
207. *Gostyńska W.* Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919. Warszawa, 1972.

208. *Hartleb-Wojciechowska Z.* Rola i zadania samorządu na terenie województw wschodnich // *Rocznik ziem wschodnich. Kalendarz na rok 1937* / pod red. L. Grodzickiego. Warszawa, 1936. S. 52–66.
209. *Historia państwa i prawa Polski 1919–1939. Cz. 1.* Warszawa, 1962.
210. *Historia Polski. T. IV. 1918–1939. Cz. 3 (1926–1935).* Warszawa, 1978.
211. *Hoffman E.* Shtetl: The Life and Death of a Small Town and the World of Polish Jews. New York, 2007.
212. *Hołówko T.* Kwestia narodowościowa w Polsce. Warszawa, 1922.
213. *Insler A.* Zagadnienia ustrojowe samorządu terytorjalnego w Polsce (uwagi na marginesie). Lwów, 1929.
214. *Jakubowski W.* Bilans polityczny wyborów samorządowych // *Światło.* 1939. № 6–7. S. 5–8.
215. *Kassow S.* The Shtetl in Interwar Poland // *The Shtetl: New Evaluations* / edited by Steven T. Katz. New York and London, 2003. P. 121–139.
216. *Kirwiel E.* Kresy Północno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918–1939. Obliczne polityczne. Lublin, 2011.
217. *Koziello T.* Samorząd na kresach wschodnich w myśli politycznej Narodowej Demokracji (1918–1939) // *Samorząd w polskiej myśli politycznej XX wieku* / pod red. G. Radomskiego. Toruń, 2006. S. 131–149.
218. *Kronika m. Grodna. Z. 1* / pod red. S. Kołeckiego. Grodno, 1928.
219. *Kronika m. Grodna. Z. 2.* / pod red. R. Sawickiego. Grodno, 1928.
220. *Landau Z., Tomaszewski J.* Gospodarka Polski międzywojennej. T. 1–4. Warszawa, 1967–1989.
221. *Lewandowski J.* Federalizm, Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI 1918 – IV 1920). Warszawa, 1962.
222. *Łuczak A.* Samorząd terytorjalny w programach i działalności stronnictw ludowych 1918–1939. Warszawa, 1973.
223. *Madajczyk Cz.* Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce, 1918–1939. Warszawa, 1956.

224. *Marczak M.* Przewodnik po Polesiu. Brześć n/B., 1935.
225. *Markowski B.* Finanse samorządu terytorialnego (1919–1928) // Bilans gospodarczy Dziesięciolecia Polski Odrodzonej. Praca zbiorowa pod redakcją Dr. St. Zaleskiego i in. Tom 2. Poznań, 1929. S. 295–330.
226. *Mauersberg S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939. Wrocław, 1968.
227. Memoriał w sprawie stanu gospodarczego i najważniejszych potrzeb ziem północno-wschodnich. Wilno, 1931.
228. *Milewski J.J.* Grodno – miasto i ludność w okresie międzywojennym // Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność (na tle trendów rozwojowych od średniowiecza do 1939 roku) / pod red. A. Woltanowskiego i J. Urwanowicza. Białystok, 1997. S. 189–206.
229. *Mironowicz E.* Białoruś. Warszawa, 2007.
230. *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007.
231. *Mironowicz E., Tokć S., Radzik R.* Zmiana struktury narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku. Białystok, 2005.
232. *Nagurski T.* Przemysł i handel w Wileńskim i Nowogródzkim. Wilno, 1934.
233. *Nowicki H.* Samorząd terytorialny w okresie Drugiej Rzeczypospolitej na kresach wschodnich // Polska i Ukraina. Sojusz 1920 roku i jego następstwa. Toruń, 1997. S. 455–470.
234. *Odlanicki-Poczobutt St.* Województwo Nowogródzkie. Wilno, 1936.
235. *Ormicki W.* Życie gospodarcze kresów wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej. Kraków, 1929.
236. *Osmołowski J.* Stan gospodarczy i działalność samorządu powiatowego Województwa Poleskiego w latach 1923–1925. Warszawa, 1926.

237. *Paruch W.* Samorzady w autorytaryzmie. Piłsudczykowska koncepcja samorządności (1926–1939) // Samorząd w polskiej myśli politycznej XX wieku / pod red. G. Radomskiego. Toruń, 2006. S. 151–178.
238. *Poniatowski J.* Polesie w gospodarczej strukturze Polski. Wilno, 1934.
239. Potrzeby inwestycyjne i plany inwestycji na Ziemiach Wschodnich // Rocznik ziem wschodnich. 1938 / pod red. E. Rülego. Warszawa, 1937. S. 196–215.
240. *Rewieńska W.* Miasta i miasteczka w północno-wschodniej Polsce. Położenie topograficzne, rozplanowanie, fizjonomia. Studium antropogeograficzne. Wilno, 1938.
241. *Rewieńska W.* Bereza Kartuska, wybrane rozdziały z antropogeografii miasteczka. Wilno, 1934.
242. *Srebrakowski A.* Struktura narodowościowa Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1931–1939 // Przemiany narodowościowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej, 1931–1948 / pod red. S. Ciesielskiego. Toruń, 2004. S. 127–148.
243. *Sroka J.* Brześć nad Bugiem. Dzieje miasta i twierdzy. Biała Podlaska, 1997.
244. *Srokowski K.* Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich. Kraków, 1924.
245. *Szwed R.* Polska Partia Socjalistyczna w wyborach samorządów terytorialnych w latach 1919–1939. Częstochowa, 1993.
246. *Szwed R.* Samorządowa Rzeczpospolita. Wybór rozpraw i artykułów. Częstochowa, 2002.
247. *Stańczyk E.* Rodność i umieralność na ziemiach polskich w kontekście teorii przejścia demograficznego // Wiadomości Statystyczne. 2009. № 9. S. 29.
248. *Studnicki W.* Kolonizacja i rozwój gospodarczy naszego Wschodu. Warszawa, 1921.

249. *Studnicki W.* Zarys statystyczno-ekonomiczny ziem północno-wschodnich. Wilno, 1922
250. *Studnicki W.* Ziemia Wileńska. Jej stan gospodarczy i pożądany statut. Wilno, 1922.
251. *Studnicki W.* Ziemie wschodnie. Stan gospodarczy i widoki rozwoju. Warszawa, 1929.
252. *Śleszyński W.* Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2007.
253. *Śleszyński W.* Kresy Wschodnie czyli Białoruś Zachodnia. Historia, współczesność, pamięć. Łomianki, 2013.
254. *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1985.
255. *Tomaszewski J.* Rzeczpospolita wielu narodów. Warszawa, 1985.
256. *Tomaszewski J.* Z dziejów Polesia. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych. Warszawa, 1963.
257. *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989.
258. *Wakar W.* Zagadnienie samorządu w Rzeczypospolitej Odzyskanej. Warszawa, 1925.
259. *Wasilewski L.* Sprawa kresów i mniejszości narodowych w Polsce. Warszawa, 1925.
260. *Wasilewski L.* Sprawy narodowościowe w teorii i w życiu. Warszawa, 1929.
261. *Wiesel E.* The World of the Shtetl // The Shtetl: New Evaluations / edited by Steven T. Katz. New York and London, 2003. P. 290–306.
262. *Wójcik S.* Samorząd terytorialny w Polsce w XX wieku. Lublin, 1999.
263. *Wyślouch S.* Polacy i Białorusini-katolicy na terenie Wileńszczyzny. Warszawa, 1938. S. 22–23.

264. *Wysłouch S.* Rola Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce. Wilno, 1933.

265. *Wysocki A.* W mieście “akademickim” Smorgoniach // *Rocznik ziem wschodnich.* 1939 / pod red. E. Rülego. Warszawa, 1938. S. 280–281.

266. *Zackiewicz G.* Seweryn Wysłouch o probleme kształtowania się białoruskiej świadomości narodowej na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej // *Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim* / pod red. W. Śleszyńskiego. Białystok, 2007. S. 235–242.

267. *Zawadzki A.* *Finanse samorządu terytorialnego w latach 1918–1923* // *Finanse.* 1969. № 1. S. 14–32.

268. *Zborowski M.* *Life is with People. The Culture of the Shtetl.* New York, 1976.

269. *Ziemie wschodnie. Sprawozdanie ze stanu kraju.* Warszawa, 1919.

Публикации соискателя по теме диссертации, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ:

270. *Даркович А.Л.* Западнобелорусские земли в политике Польского государства в 1919–1926 гг. (на примере городского самоуправления белорусского Полесья) // *Славяноведение.* 2010. № 4. С. 54–65.

271. *Даркович А.Л.* Городское самоуправление в Западной Белоруссии. 1926–1939 гг. // *Вопросы истории.* 2012. № 2. С. 74–90.

272. *Даркович А.Л.* Финансовая ситуация городского самоуправления на западнобелорусских землях в 1919–1939 гг. // *Вопросы истории.* 2013. № 7. С. 105–116.

Приложение 1.

Карта. Города на западнобелорусских землях. Административно-территориальное деление на 1931 г.

Приложение 2.

Национальный и конфессиональный состав жителей западнорусских городов по переписи 1921 г. ¹

	Национальность					Вероисповедание			Всего жителей
	белорусы	евреи	поляки	русские	тугэйшие	иудаизм	католицизм	православие	
Белостокское воеводство									
<i>Волковысский повет</i>									
Волковыск	243	4 360	6 355	122	-	5 130	4 622	1 228	11 100
Свислочь	185	1 931	812	3	-	1 959	416	554	2 935
<i>Сокульский повет</i>									
Одельск	1	115	1 216	1	-	163	1 165	5	1 333
<i>Гродненский повет</i>									
Гродно	1 488	15 056	17 303	706	-	18 697	12 053	3 649	34 694
Индура	41	1 507	769	5	-	1 709	546	68	2 323
Скидель	359	1 996	504	35	-	2 231	122	464	2 907
Виленский административный округ									
<i>Вилейский повет</i>									
Вилейка	937	277	2 145	50	-	710	717	1 982	3 417
Радошковичи	234	1 207	1 002	6	-	1 215	783	448	2 459
Молодечно	1 229	329	432	-	-	357	330	1 301	1 997

¹ Без Ошмян и Сморгони.

	Национальность					Вероисповедание			Всего жителей
	белорусы	евреи	поляки	русские	тутэйшыя	иудаизм	католицизм	православие	
<i>Дисненский повет</i>									
Дисна	515	1 645	2 180	65	-	2 742	879	780	4 413
Глубокое	819	1 418	2 220	21	-	2 844	709	894	4 514
<i>Дуниловичский повет</i>									
Докшицы	355	1 456	1 120	28	-	2 055	456	417	3 004
Новогрудское воеводство									
<i>Барановичский повет</i>									
Барановичи	1 900	6 448	2 925	166	-	6 605	2 142	2 686	11 471
Ляховичи	42	1 411	1 356	1	-	1 656	1 035	101	2 819
<i>Воложинский повет</i>									
Воложин	688	1 217	701	24	-	1 434	238	954	2 630
<i>Лидский повет</i>									
Лида	131	4 344	8 788	72	-	5 419	6 867	1 052	13 401
<i>Несвижский повет</i>									
Несвиж	643	3 106	3 034	39	-	3 346	2 319	1 155	6 840
Клецк	1 098	4 101	448	5	-	4 190	324	937	5 671
<i>Новогрудский повет</i>									
Новогрудок	679	2 447	3 063	41	-	3 405	1 602	992	6 367
<i>Слонимский повет</i>									
Слоним	605	6 500	2 334	34	-	6 917	1 609	897	9 643

	Национальность					Вероисповедание			Всего жителей
	белорусы	евреи	поляки	русские	тутэйшыя	иудаизм	католицизм	православие	
Дятлов	173	1 626	1 280	-	-	2 376	485	219	3 080
<i>Столпецкий повет</i>									
Столпцы	757	1 357	804	34	-	1 428	403	1 116	2 956
Раков	140	1 057	2 114	9	-	1 421	1 605	297	3 323
Полесское воеводство									
<i>Брестский повет</i>									
Брест	2 158	13 621	12 531	883	-	15 630	8 676	5 025	29 460
Высоко-Литовск	40	1 679	378	3	-	1 902	77	121	2 100
Каменец-Литовск	246	1 899	173	29	-	1 902	158	287	2 348
<i>Кобринский повет</i>									
Кобрин	893	2 667	4 540	40	2	5 431	979	1 779	8 208
<i>Коссовский повет</i>									
Коссово	492	1 279	654	5	-	1 473	371	586	2 433
Ружаны	536	1 506	1 579	1	-	2 400	650	565	3 622
<i>Лунинецкий повет</i>									
Лунинец	3 253	1 996	2 527	442	-	2 045	1 420	4 748	8 267
Давидгородок	5 724	2 452	1 643	21	-	2 832	108	6 903	9 851
Столин	1 654	2 950	127	20	-	2 966	120	1 674	4 763
<i>Пинский повет</i>									
Пинск	2 302	16 697	3 908	482	4	17 513	2549	3 292	23 468
Логишин	-	152	1 829	3	-	168	1747	68	1 984

	Национальность					Вероисповедание			Всего жителей
	белорусы	евреи	поляки	русские	тутэйшыя	иудаизм	католицизм	православие	
<i>Пружанский повет</i>									
Пружаны	1 305	2 945	2 061	18	-	4 152	716	1 460	6 332
Береза-Картузская	382	1 708	1 429	5	-	2 163	761	600	3 526
Шерешево	26	179	3 104	1	-	1 341	811	1 154	3 310
Всего	32 273	116 641	99 388	3 420	6	139 927	60 570	50 458	252 969

Источники:

Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej. T. V. Województwo Białostockie. S. 30, 71, 94; Ibid. T. VII. Cz. I. Województwo Nowogródzkie. S. 3, 10, 37, 46, 59, 72, 82; Ibid. T. VII. Cz. II. Ziemia Wileńska. Powiaty: Brasław, Dunіłowіcze, Dzisna i Wilejka. S. 20, 39, 78, 90; Ibid. T. VIII. Województwo Poleskie. S. 3, 21, 30, 34, 43, 51.

Приложение 3.

Родной язык и конфессиональная принадлежность жителей западнобелорусских городов по переписи 1931 г.²

Поветы	Родной язык							Вероисповедание			Всего жителей
	белорусский	идиш	иврит	польский	русский	тутэйший	украинский ³	иудаизм	католицизм	православие	
<i>Белостокское воеводство</i>	3 855	31 956	4 821	37 075	4 742	-	118	37 078	33 839	10 896	82 841
Гродненский	2 554	26 495	2 972	27 733	3 878	-	103	29 731	25 143	8 271	63 989
в т.ч. г. Гродно	1 261	19 717	1 214	23 458	3 730	-	83	21 159	21 556	6 277	49 669
Волковысский	1 301	5 461	1 849	9 342	864	-	15	7 347	8 696	2 625	18 852
<i>Виленское воеводство</i>	5 949	14 511	2 211	20 277	1 308	-	46	16 929	17 332	9 623	44 363
Дисненский	1 787	7 961	445	4 471	717	-	29	8 423	4 019	2 730	15 438
Молодечненский	1 945	2 521	541	6 610	162	-	9	3 155	5 183	3 375	11 791
Ошмянский	312	3 369	806	6 768	146	-	1	4 269	6 167	897	11 414
Вилейский	1 905	660	419	2 428	283	-	7	1082	1963	2 621	5 720
Браславский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Поставский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Новогрудское воеводство</i>	11 747	36 205	5 168	46 544	2 500	-	154	43 675	38 124	19 082	102 642
Барановичский	3 162	11 020	766	11 283	1 039	-	52	12 054	9 358	5 712	27 390
в т.ч. г. Барановичи	2 537	8 754	669	9 758	1 006	-	50	9 680	7 792	5 182	22 818
Лидский	414	4 760	1 540	12 239	328	-	28	6 335	11 322	1 579	19 326
Несвижский	1 940	5 880	797	4 526	301	-	6	6 695	3 947	2 583	13 505

² Без Одельска Сокульского повета.

³ Объединяет цифры в графах переписи 1931 г. «ukraiński» и «ruski» языки.

Поветы	Родной язык							Вероисповедание			Всего жителей
	белорусский	идиш	иврит	польский	русский	тутэйший	украинский	иудаизм	католицизм	православие	
Новогрудский	2 015	5 703	556	4 750	191	-	10	6 309	4 026	2 383	13 252
Слонимский	656	5 927	756	8 452	369	-	35	8 605	4 899	2 397	16 251
Столпецкий	1 351	1 346	661	3 020	141	-	19	2 014	2 702	1 723	6 557
Воложинский	2 209	1 569	92	2 274	131	-	4	1 663	1 870	2 705	6 361
Щучинский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Полесское воеводство</i>	5 554	59 374	13 238	44 115	7 828	17 652	798	73 132	37 540	36 747	148 809
Брестский	1 341	23 056	3 336	21 016	2 585	2 300	393	26 523	18 169	9 016	54 100
в т.ч. г. Брест	1 327	19 032	2 283	20 595	2 575	2 107	393	21 440	17 797	8 769	48 385
Кобринский	453	4 344	1 263	2 259	609	826	232	5 617	1 917	2 365	10 006
Коссовский	327	3 469	529	1 740	137	1 050	12	3 999	1 614	1 626	7 273
Лунинецкий	67	1 917	135	2 950	240	3 375	7	2 232	2 142	4 250	8 698
Пинский	593	16 348	4 149	9 610	2 874	828	82	20 654	8 446	5 234	34 560
в т.ч. г. Пинск	592	16 053	4 128	7 346	2 866	781	82	20 220	6 324	5 158	31 912
Пружанский	1 455	5 993	1 867	4 706	249	1 790	15	7 874	3 884	4 233	16 092
Столинский	1 318	4 247	1 959	1 834	1 134	7 483	57	6 233	1368	10 023	18 080
Дрогичинский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Всего</i>	27 105	142046	25 438	148 011	16 378	17 652	1 116	170 814	126 835	76 348	378 655

Источники:

Drugi powszechny spis ludności z dn. 9. XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Białostockie. S. 27, 29–31; Ibid. Województwo Nowogródzkie. S. 23, 24, 25; Ibid. Województwo Poleskie. S. 24–27; Ibid. Województwo Wileńskie bez miasta Wilna. S. 12–13.

Приложение 4.

Показатели развития медицинского обслуживания в восточных воеводствах Польши.

Год	Врачи, человек		Количество врачей на 10 тыс. жителей, человек		Больничные койки, штук		Больничных коек на 10 тыс. жителей, штук		Центры здоровья		Больницы	
	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша
1920–1921	292 ⁴	4 978	-	-	5 230 ⁴	47 502 ⁴	-	18,7 ⁴	-	-	85 ⁴	594
1922	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1923	707	5 548	1,7	2	5 180	54 992	12,6	16,8	-	-	66	590
1924	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	657
1925	-	-	-	-	4 382	52 730	-	18,3	-	-	59	627
1926	688	7 087	-	-	4 799	54 235	-	18,5	-	-	70	635
1927	888	8 798	-	-	4 646	57 313	-	19,3	-	-	72	656
1928	979	9 757	1,9	3,2	4 540	58 836	-	19,6	-	140	74	673
1929	1 052	10 248	2	3,4	4 636	61 028	9	20,1	10	151	108	698
1930	-	-	-	-	4 590	64 493	8,8	21	18	180	102	718
1931	1 082	10 600	2	3,3	4 621	67 252	8,4	21,2	-	205	104	718
1932	1 132	10 726	2	2,3	4 960	70 937	8,9	22	26	231	106	726
1933	1 175	11 434	2	3,5	4 770	70 763	8,4	21,7	37	224	100	710

⁴ Без Виленского административного округа.

	Врачи, человек		Количество врачей на 10 тыс. жителей, человек		Больничные койки, штук		Больничных коек на 10 тыс. жителей, штук		Центры здоровья		Больницы	
	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша
1934	-	-	-	-	4 671	69 083	8,1	20,9	46	260	96	676
1935	1 346	12 427	2,3	3,7	4 895	70 775	8,4	21,2	54	310	99	679
1936	-	-	-	-	4 969	70 734	8,4	20,9	79	397	102	672
1937	-	-	-	-	4 992	72 247	-	21,1	99	482	69	669
1938	1 408	12 917	-	3,7	5 075	74 999	-	21,7	-	-	71	677

Источники:

Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1920/1922. S. 297, 299, 300; Ibid. 1923. S. 147; Ibid. 1924. Warszawa, 1925. S. 202; Ibid. 1925/1926. S. 375; Ibid. 1927. S. 476, 477; Ibid. 1928. S. 461, 462; Ibid. 1929. S. 486; Ibid. 1930. S. 474; Mały Rocznik Statystyczny. 1930. Warszawa, 1930. S. 139; Ibid. 1931. Warszawa, 1931. S. 139; Ibid. 1932. Warszawa, 1932. S. 132; Ibid. 1933. Warszawa, 1933. S. 144, 149; Ibid. 1934. S. 163, 167; Ibid. 1935. S. 188, 190; Ibid. 1936. S. 209, 211; Ibid. 1937. S. 283–285; Ibid. 1938. S. 285, 286, 288; Ibid. 1939. S. 295, 296, 298.

Приложение 5.

Показатели развития начального школьного образования в восточных воеводствах Польши.

Учебный год	Начальные школы, единиц		Количество учеников, получающих начальное образование, тыс. человек		Охват школой детей в возрасте 7–13 лет, %	
	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша	восточные воеводства	Польша
1920–1921	2 656	25 621	-	-	-	-
1921–1922	3 883	27 585	249	3 342	30,5	66,2
1922–1923	4 107	27 565	285	3 345	36,4	68,9
1923–1924	4 130	27 659	300	3 396	41,8	75,1
1924–1925	4 312	27 646	336	3 363	49,8	79,5
1925–1926	4 467	27 599	376	3 354	58,8	86
1926–1927	4 471	26 766	416	3 449	68,7	90,8
1927–1928	4 685	26 669	429	3 462	72,4	92,4
1928–1929	5 026	26 575	462	3 572	77,9	96,4
1929–1930	5 124	26 577	508	3 792	79,3	96
1930–1931	-	-	568	4 066	79,8	95,1
1931–1932	-	-	632	4 356	79,2	93,9
1932–1933	-	-	680	4 351	76,6	89,5
1933–1934	-	-	723	4 461	76,3	89,5
1934–1935	5 842	27 955	756	4 686	74,3	88,7
1935–1936	5 952	28 183	774	4 712	74,0	88,3
1936–1937	6 129	28 496	798	4 769	74,9	88,9
1937–1938	6 312	28 882	842	4 877	77,9	90

Источники: Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. 1923. S. 158; Ibid. 1927. S. 398; Ibid. 1930. S. 368, 373; Mały Rocznik Statystyczny. 1934. Warszawa, 1934. S. 172; Ibid. 1935. Warszawa, 1935. S. 202; Ibid. 1936. Warszawa, 1936. S. 224; Ibid. 1937. S. 304; Ibid. 1938. S. 308, 313; Ibid. 1939. S. 318, 321.